

Ирина Матлак

Сумеречье.
Ундина особых кровей

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Происхождение определяет многое — в этом я убедилась снова. Никому не известная девчонка из Слезных трущоб, с утра до ночи работающая в рыбной лавке, осталась в прошлом. Но что, если доля ловца еще тяжелее, а ундина особых кровей привлекает слишком много внимания? Новые происшествия и расследования, поиски осколков кристалла душ и встреча с матерью, ради которой придется выйти в высший свет. Адмирал Рей, проявляющий ко мне все больший интерес, и Кайер Флинт, действия которого никогда невозможно предугадать. Но самое сложное — разобраться в себе, в своих чувствах и понять, кем я являюсь на самом деле.

- [Ирина Матлак](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)

- [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Ирина Матлак
УНДИНА ОСОБЫХ КРОВЕЙ

ГЛАВА 1

Встреча принцессы Линарии разительно отличалась от того приема, какой устраивали принцессе Калисте. Не было восторженной толпы и фейерверков, громких криков и грандиозного шоу. На набережной виднелась всего пара-тройка зевак да несколько отрядов вооруженных до зубов стражей.

После недавнего восстания нежити люди и даже нелюди предпочитали проводить вечера дома, а если по необходимости и появлялись на улице, то набережную обходили стороной.

Призрачный мост появился в то же время, что и всегда, озарив своим сиянием темные воды Сумеречного моря. Взмыла вверх россыпь серебристо-голубых искорок, в синей дымке проступили очертания изящных, точно высеченных из льда перил, и до нашего корабля, носящего гордое название «Летящий», донеслось легкое дуновение морозного ветра. Привычным жестом поправив красный шарф, я выдохнула облако белого пара, зябко повела плечами и посмотрела на адмирала.

Эртан Рей возглавлял несколько объединенных отрядов, восседая на черном морском волке. Прекрасно-пугающее зрелище не вызывало такого восторга, как раньше. Я уже привыкла к своей принадлежности к морскому флоту, хотя один только взгляд адмирала до сих пор заставлял меня цепенеть. К счастью, в этот момент прозрачно-голубые глаза были обращены к появившейся на мосту фигурке.

Принцессу Линарию, в отличие от ее сестер, я видела впервые. Черты ее лица казались несколько смазанными, но была различима миловидность, даже некоторая детскость. Белоснежные волосы до плеч украшал серебряный ободок с прозрачными драгоценными камнями, белая шубка отличалась простым покроем, из-под длинного платья выглядывали кончики темных сапожек без каблуков.

Линария шла не одна. Конечно, она не могла похвастаться такой огромной свитой, какую имела ее младшая сестра, но все же на мосту я насчитала десять сопровождающих. Почти все они были людьми, среди свиты выделялись только двое зимних эльфов и старик, явно являющийся сильфом. Наравне со стариком шел закутанный в черный плащ мужчина, чью расовую принадлежность я так и не определила.

Куда больше немногочисленной свиты меня привлекла тележка,

которую катили зимние эльфы. На ней возвышался большой аквариум, украшенный серебряной ковкой и драгоценными минералами. В аквариуме непринужденно плавал белоснежный морской котик. Точнее, кошка. А еще точнее, не просто кошка, а леди Сапфира Раолира — законодательница кошачьей моды, модель и известная на все королевство кошачья личность. В отличие от хозяйки, которую простой народ считал несколько странной, леди Сапфиру обожали абсолютно все. Сейчас она вальяжно перебирала в кристально чистой воде лапами, чуть подрагивала пушистым хвостом и с ленцой поглядывала на отсек с мелкими рыбешками, уготованными ей в качестве корма.

Сама же принцесса выглядела несколько отстраненной. Она осматривалась по сторонам, но казалось, ее большие глаза лишены каких бы то ни было чувств. Зато прекрасно чувствовалась исходящая от нее магия — легкая, воздушная, как сами сильфы, которые, согласно легендам, являются прямыми потомками обитателей Поднебесья.

Когда Линария сошла с Призрачного моста, к ней подвели оседланного белого пегаса, красотой ничуть не уступающего черным сородичам. Сами по себе черные считаются куда более редкими, но в наших извечно сумеречных краях редко можно увидеть именно белых — солнце они любят и тепло, а у нас ни того ни другого.

— Красиво, — невольно восхитилась я, когда принцесса, сидя верхом, взмыла в воздух.

Сопровождающие предпочли лететь в каретах, запряженных грифонами, и лишь старый сильф составил компанию ее высочеству, оседлав еще одного белого пегаса. Видимо, все сильфы предпочитают белых.

Вместе с восхищением я испытывала и смутное беспокойство, с недавних пор прочно обосновавшееся в душе. После того как из гоблинского банка были украдены два осколка кристалла душ, патрули на море усилились. Пираты преследовались еще активнее, хотя напасть на след Кайера Флинта, который и совершил кражу, по-прежнему не удавалось. Помимо этого поиски еще одного осколка велись среди дрею, но нынешнее местонахождение их жрицы оставалось тайной, да и сам темный народ прятался по катакомбам и не казал на поверхность носу. Даже объединив усилия со следственным отделом, адмирал не мог его отыскать.

Адмирал... И все-таки до чего сложно поверить, что он взял меня под свою личную защиту! Тысячная мысль по этому поводу заставила невольно прикусить губу и снова нервно поправить шарф.

— Ты в порядке? — спросила стоящая рядом Крилл. — У тебя сейчас

такой странный вид...

Я так активно закивала головой, что она удивилась еще больше и уже собралась что-то спросить, но тут к кораблю подбежали морские волки и на палубу взошли ловцы нашего отряда во главе с капитаном Вагханом.

Вечер сегодня был свободный, и большинство наших захотели провести его в городе. В отличие от обычных горожан, возможного нашествия нежити ловцы не опасались и чувствовали себя почти королями, свободно разгуливая по полупустым улицам.

Тем не менее я предпочла вернуться в корпус и в своем желании оказалась одинока. Даже Крилл захотела немного развеяться, так что в уже ставшие родными стены я шла в гордом одиночестве.

Сердце грела мысль о том, что уже завтра я получу причитающееся жалованье, которое нежданно-негаданно подняли на целых два сребреника. Позавчера был подписан указ, согласно которому все ловцы, кадеты и даже стражи получали надбавку за то, что сумели справиться с восставшим дном и защитили простой люд. И пусть основная заслуга принадлежала адмиралу Рею, я все равно чувствовала определенную гордость как за себя, так и за всех ребят. Правда ведь молодцы!

А лишняя копейка мне сейчас была ох как нужна. У кадетов начинался новый этап обучения, и мы должны были обзавестись личными шаромагами, дабы лучше контролировать и изучать свою магию.

Эта проблема доставляла мне головную боль не только из-за того, что придется потратить кругленькую сумму, но и потому что скрыть свою принадлежность к особому роду ундин в таком случае будет сложнее. Даже представлять не хочется, что будет, если кто-нибудь случайно увидит в моем шаромаге восьмиконечную хризантему! Впрочем, капитан Вагхан обещал обо всем позаботиться — с подачи адмирала, разумеется.

Над окутанным сумерками островом разносилась красивая музыка. Сегодня призрачный оркестр, состоящий из потерянных душ, некогда бывших музыкантами, исполнял душещипательную балладу. В небе виднелся хвост тянущегося за ними белого шлейфа, и показалось, что мороз стал еще крепче. Странные они все-таки, эти музыканты — безобидные настолько, что даже не нуждаются в подчинении.

Подойдя к знакомой скале, вершина которой скрывалась где-то в темно-синей дымке, я осмотрелась по сторонам, убедилась, что поблизости никого не наблюдается, и негромко позвала:

— Ган!

Моя синемордая и, можно сказать, практически ручная нечисть появилась мгновенно. Некрупное неказистое существо, лишь отдаленно

напоминающее человека, привычно оскалилось, обнажив множество мелких зубок, что в его случае обозначало дружелюбную улыбку. Ну ладно, не совсем дружелюбную. Ши и дружелюбие — понятия вообще строго противоположные.

— Прощу! — прищелкнув каблуками тяжелых ботинок прямо в воздухе, Ган отвесил ироничный поклон.

Вид у него при этом был ехидно-хитрющий. В общем-то такое выражение отражалось на синей морде всегда, но сейчас меня что-то насторожило, и вместо того чтобы подойти, я осталась стоять на месте, с подозрением на него косясь.

— Ну, чего заledenела? — в хриловатом голосе послышалось раздражение. — На своих костылях подниматься, что ль, собралась?

Еще пару секунд в сомнениях потоптав снег, я отбросила необоснованную нерешительность, приблизилась к Гану, и тот с довольной физиономией прищелкнул узловатыми пальцами.

Перед глазами, как обычно, мелькнула смазанная картинка, а когда зрению вернулась ясность, я обнаружила, что стою вовсе не перед воротами корпуса. Ши перенес меня куда-то не туда.

Мы оказались в небольшой темной пещерке, на стенах которой горела пара тусклых факелов. Пол здесь покрывал выдавший виды линялый ковер, на котором стояло кресло с потертой фиолетовой обивкой. Чуть дальше — стопка потрепанных книг, на которых возвышалось... еще одно кресло, совсем маленькое, но как раз подходящее под размер ши. Еще дальше высились сундуки, из разъявленных пастей которых выглядывали разнообразные старые вещи. А из некоторых — драгоценности в виде многочисленных бус и золотых монет, поблескивающих в полумраке.

— Вваливайся, не мнись на пороге, — относительно гостеприимно пригласил Ган, косясь на меня и явно ожидая моей реакции. — Чай пить будем.

«Вваливаться и не мяться на пороге» я не спешила хотя бы потому, что была ошарашена. Целиком и полностью.

Вот ши! Он что, притащил меня в свое логово?!

— И как это понимать? — осведомилась, продолжая обследовать пещеру взглядом. — Кажется, я в гости не напрашивалась.

Опустившись на пол, Ган протопал к разместившемуся в углу котлу и, обернувшись, через плечо бросил:

— Так давно договор пора отметить. У нас теперь узы. Кровные, считай.

И облизнулся — довольно так, точно объевшийся синеводкой морской

котик.

В целом, пока ничего криминального не происходило, да и, откровенно говоря, посмотреть, как живет настоящий ши, было интересно. Поэтому мяться я все же перестала, неспешно прошла вглубь пещеры, ступила на тот самый выцветший ковер и тут же ощутила горьковатый травяной запах.

Ган орудовал у подвешенного котелка, под которым располагался мелкий артефакт с огнем саламандры. Варевое активно бурлило, над ним вздымался белый пар, сдобренный мелкими синими искорками. Гану пришлось взгромоздиться на табурет, и сейчас эта синюшная мелочь обеими руками помешивала свое варевое большим деревянным черпаком.

Зачерпнув мутноватую, не внушающую доверия жидкость, Ган шумно на нее подул, причмокнул и констатировал:

— Чабреца еще надо.

Пока я продолжала осматриваться, он взлетел под самый потолок и снял с полки баночку с сушеными травками и соцветиями. Опустившись обратно, кинул щепотку в варевое и, вдохнув с новой силой попавший ему в лицо пар, вновь причмокнул — теперь удовлетворенно.

— Это и есть чай? — не пытаясь скрыть скепсиса, уточнила я.

— Что б вы, смертные, в чаях понимали! — с важным видом упрекнул Ган. — Чай — это что, по-твоему?

— Напиток, травяной сбор, — ответила не задумываясь.

— Во-о-от, — подняв указательный палец, протянул он. — А на самом деле чай — это состояние души. Каждый в него что-то свое добавляет: кто магию, а кто неосознанно — настрой. Мой чай — с вкраплениями магии ши, а стало быть, самой Глубины.

Теперь уж точно решив, что пить это не стану, я переключила внимание на груды сундуков. Что греха таить, привлекли меня и украшения, и золотые монетки. Яркие они поблескивали, соблазнительно так, словно бы просясь в руки. Но трогать сокровища ши я все-таки не рискнула и довольствовалась их созерцанием.

— Ты присаживайся. — Ган продолжал строить из себя удивительно гостеприимного хозяина. — Харэ мне ковер своими сапожищами гваздать.

Я и присела — аккуратненько, на краешек, чтобы мне вдобавок не предъявили порчу «великолепной новой» мебели и не выставили счет в виде нескольких капелек крови. Не удивлюсь, если для этого сюда и позвали.

Вскоре Ган достал с полки надтреснутый замызганный стаканчик, плеснул в него чаю и, едва удерживая в руках, протянул мне. Взять — взяла, а вот пить по-прежнему не собиралась.

Себя ши тоже не обидел, чем несказанно меня удивил.

— А я считала, вы только кровью питаетесь, — честно призналась я.

— А ты думаешь, ее так легко достать? — сделав глоток, проворчал

Ган. — Я же до того, как с тобой встретился, вообще помирал. Надо же хоть чем-то силы поддерживать. В идеале, конечно, ромом али элем, но за неимением оного и чай сгодится. А еще...

Далее мне прочитали длинную лекцию на тему того, как выжить несчастному, одинокому ши после внезапного пробуждения и чем чревато для их народа долгое воздержание от любимого лакомства. Благо за такими рассказами Ган совсем не обращал внимания на мой по-прежнему полный стакан, по поводу чего я облегченно выдохнула. Обижать его все-таки не хотелось. А то мало ли... ши ведь злопамятные.

— Давай-ка кое-что проясним, — вставила я, когда в жалостливом повествовании наступила короткая пауза. — Ты позвал меня сюда, просто чтобы напоить чаем?

Ган кивнул.

— И все?

Кивнул снова.

— А в чае есть какая-то тайная добавка, которая не сулит мне ничего хорошего?

Кивнул в третий раз. На мгновение замер и, стукнув себя по лбу, замысловато выругался.

— Протухший плавник! Да не то я хотел сказать, совсем не то! — принялся оправдываться он. — Самый обычный чай, вот-те глубинное слово, самый что ни на есть обычный!

Глаза-бусинки забегали, острые коготки впились в удерживаемый стаканчик, что только укрепило меня в мысли — здесь что-то нечисто. Причем нечисто — в прямом смысле.

— Та-а-ак, — протянула я, решительно опустив свой стакан на пол. — Ну-ка, живо рассказывай, что ты мне подмешал!

Рассказывать он явно не хотел и намеревался стоять до последнего. По части увиливаний ши — те еще мастера, но меня с толку тоже не сбить: если решила докопаться до правды — докопаюсь! И пусть до пробирающего, пронизывающего насквозь взгляда адмирала мне еще расти и расти, при необходимости в гляделки тоже играю неплохо.

Даже весьма неплохо, если судить по напряженности Гана и тому, насколько быстро он сменил тактику и принялся оправдываться:

— Да ничего особенного в чае этом нет! Всего-то щепотулечка свойств, которые могут помочь быстрее раскрыть магический потенциал.

Мамой клянусь!

— Ши почкованием размножаются, — вкрадчиво напомнила я. — Клятва не принята.

Ган буквально взвыл:

— У-у-у, вьедливая какая! Ладно, Глубиной тебе клянусь, так годится?

Сложив руки на груди, решительно возразила:

— Клятвам ши вообще верить не стоит, так что прости, — и без перехода осведомилась: — Так зачем, говоришь, тебе мой потенциал раскрывать понадобилось?

Внутри так и зашевелилось нехорошее подозрение, связанное с тем, что действовать Ган мог не только в своих интересах. Возможно, у меня на фоне происходящих событий и прогрессировала паранойя, но вероятность постороннего вмешательства я не исключала.

По тому, как Ган отвел взгляд и нервно постучал друг о друга указательными пальцами, я поняла, что от истины в своих умозаключениях ушла недалеко. Теперь оставалось понять, кто именно и с какой целью надоумил его напоить меня этим «чаем».

На добровольное сотрудничество ши идти по-прежнему отказывался, поэтому информацию пришлось тянуть буквально крабьими клешнями. С какой бы стороны зайти ни пыталась, он кривился, отворачивался и всем своим видом выражал раздражение.

Устав ходить вокруг да около, я спросила прямо:

— Адмирал Рей?

— Дно тебя поглотит! — взвился Ган. — Да как тебе только в голову могло прийти, что я — чистокровное, древнее исчадие Глубины стану сотрудничать с таким отвратительно благородным типом?! Да еще и повелителем пятисот потерянных душ? Не-не, мне моя шкура пока дорога.

— Четырехсот девяноста девяти, — машинально поправила я. — Значит, меня ты отвратительно благородной не считаешь, раз сотрудничаешь?

Обратив на меня внимательный взгляд, Ган едва заметно улыбнулся. Улыбка эта была странной, словно бы он знал что-то такое, о чем я не могла даже догадываться. В маленьких глазках блеснуло лукавство.

Но заострять на этом внимание я сейчас не стала и, пока ши немного расслабился, озвучила главную догадку:

— Кайер Флинт?

Ган вздрогнул всем телом, сложил руки на груди и теперь уже совсем недобро на меня зыркнул. Недобро, но совсем не так, как прежде. Похоже, я попала в яблочко. Даже неудивительно — можно было сразу понять, что

за всем этим снова стоит капитан пиратов. Поднебесные, да есть хоть что-нибудь в этом мире, о чем он не знает? О моей сделке с ши — и то пронюхал!

— Вот возьму и расторгну наш договор, — пригрозила раздосадованная я. — Лучше буду пешком по глубинной лестнице подниматься, чем иметь дело с тем, кто бессовестно меня продает!

Ган выглядел виноватым ровно настолько, насколько ши могут выглядеть виноватыми в принципе. Он опустил в свое маленькое креслице, закинул ногу на ногу, подпер подбородок кулаком и тяжело вздохнул:

— Да не продаю я, мамой кля... — Наткнувшись на мой все еще немигающий взгляд, осекся и тут же эмоционально закончил: — А ты попробуй отказать теневому охотнику! Мы, ши, их боимся, как мелкая рыбешка — чернозубых акул! А этот еще и Флинтом подослан... Э-эх, и что ж это за жизнь у меня такая? Угораздило же так не вовремя проснуться!

Видимо, здесь мне предполагалось преисполниться к нему великим сочувствием, но куда больше я сочувствовала себе. Даже закралось предательское желание уподобиться Гану, пожалеть себя и как следует понуть, но, вспомнив об адмирале Рее, я резко передумала.

Если вдуматься, для меня все складывается гораздо лучше, чем могло бы быть. По крайней мере, есть те, кто обещал меня защитить от Флинта и ему подобных. И в этом свете жалеть себя просто непозволительно. Я ведь кадет! Почти что ловец Морского корпуса! А ловцы ничего не боятся и никогда не жалуются.

Примерно в тот миг, когда я подумала «ничего не боятся», пылающий под котелком огонь дрогнул. А вместе с ним дрогнул Ган, вжавшись в спинку кресла, и в ужасе вздрогнула я, потому что прекрасно знала, чем такое внезапное поведение огня обычно заканчивается.

Нет! Нет-нет-нет, к такому я абсолютно не готова!

— Живо перенеси меня к воротам корпуса! — потребовала у Гана, но было поздно.

Из рыжего пламени во всем своем великолепии вышел легендарный капитан пиратов, угроза морей и моя непрекращающаяся, вечно преследующая головная боль. Кайер Флинт.

Отряхнув рукава от осевшего пепла, он мельком осмотрелся, скользнул взглядом по съежившемуся Гану и остановился на мне.

Одна маленькая беспомощная ундина была невероятно расстроена этой самой беспомощностью, а также была готова придушить одного ши, по чьей милости влипла в такую неприятность.

Говорят, безвыходных ситуаций не существует. Но, похоже, они все-таки есть. Поскольку конкретно в данный момент выхода из этой пещеры для меня не было, и я понимала, что придется терпеть общество пирата ровно столько, сколько он возжелает здесь задержаться.

— Обзавелась покровителем, синеглазка? — ровно спросил Флинт.

— Разве есть причины не принимать бескорыстную помощь? — вопросом на вопрос ответила я, даже сумев не отвести глаз.

Теперь в его голосе звучала усмешка:

— Бескорыстную? Ты слишком наивна, если считаешь, что Рей решил защищать тебя просто так.

Флинт сделал несколько шагов по направлению ко мне, вынудив невольно напрячься, и без перехода обратился к Гану:

— Плесни мне рома. Лучшего, пожалуйста.

Подчинился ши на удивление быстро. Прытко вскочил с места и, не переставая что-то бурчать под нос, подлетел к одному из своих сундуков. Тщательно в нем порылся и извлек увесистую пыльную бутылку, на которую тут же дыхнул и тщательно ее протер. Затем на верхней полке отыскался еще один стаканчик, который также был очищен, в отличие от предложенного мне, и Ган торжественно преподнес его Флинту. Даже еще одно потрепанное кресло откуда-то взял, магией придвинул его к незваному гостю и суетливым жестом предложил присесть.

Пока все это происходило, я в полной мере прочувствовала на себе смысл поговорки «сидеть как на ежовых иголках». Так и представлялось, что подо мной лежит крупный и невероятно колючий обитатель морских вод.

Оставив стакан без внимания, Флинт хлебнул ром прямо из горлышка, на мгновение замер, будто бы прислушиваясь к себе, и удовлетворенно кивнул. Сделал еще глоток — и вот на меня снова обращен его взгляд.

— Рей верно служит королю, — произнес пират, небрежно откинувшись на пыльную спинку кресла. — Если получит приказ доставить тебя в грот, дабы собрать кристалл душ, он его исполнит.

Непроизвольно сжав кулаки, я выдавила:

— Вы сами верите в то, что говорите? Неужели за годы совместной службы не успели его узнать?

— Даже так, — чуть удивленно протянул Флинт, на лице которого отразилась заинтересованность. — И от кого тебе это известно? От него?

Кивнул на мгновенно побледневшего Гана.

Прочитав ответ на моем лице, понятливо хмыкнул:

— А, Аночка, значит. Любопытно, чем это ты ее так зацепила, что она

поведала о нашем славном прошлом?

Показалось, что за нарочитым легкомыслием пирата скрывается некоторая напряженность, вызванная невольным упоминанием то ли потерянной души, то ли того самого прошлого. Как бы то ни было, я поняла, что второй раз за этот вечер попала прямо в цель. Даже если Эртан Рей предан королю, это вовсе не значит, что он станет выполнять приказы, идущие вразрез с его собственной совестью. А приказ собрать кристалл душ, к тому же используя при этом мою кровь, — явно из их числа. Вдобавок адмирал сказал, что нынешний король, в отличие от предков, не заинтересован в этом артефакте. И причин не верить его словам у меня пока нет.

— Рей, как всегда, предусмотрителен, — заметил пират, взболтав содержимое бутылки. — Усилил защиту корпуса и даже вспомнил о нашей тайной лазейке в библиотеке. Не сомневаюсь, он и о твоём ши узнает. Так что готовься, следующие наши встречи будут проходить в других местах.

— Я не собираюсь с вами встречаться! — возразила возмущенно. — А если вы снова вздумаете переместить меня на свой корабль или куда бы то ни было без моего согласия, это будет считаться похищением. Можете не сомневаться, больше я не стану скрывать ваши визиты от... от адмирала Рея.

Темные глаза Флинта — несомненно, такие же темные, как его душа, — насмешливо блеснули:

— Но о нынешнем будешь молчать. Не выдашь ведь своего синего друга до того момента, пока Рей сам его не отыщет?

Я уже набрала побольше воздуха, намереваясь вновь возразить, но резко осеклась. Потому что, Глубина его побери, Флинт был прав! Он выбрал идеальное место для того, чтобы заявиться, — пещеру Гана, о которой я действительно никому не расскажу.

Нет, не потому, что за сделку с ши меня по головке не погладят. А потому, что, как ни странно, Гана мне было несколько жаль. Он не совсем походил на своих кровожадных собратьев, а жалость к сирым и обделенным у меня, похоже, в крови.

ГЛАВА 2

Продолжал гореть огонь под котелком, чуть подрагивая от сквозняка, чудо-варево по-прежнему кипело, выбрасывая облака белого пара. Flint молчал, неспешно взбалтывая ром, но больше к нему не притрагиваясь. Ган рылся в своих закромах и делал вид, что очень занят, а меня это начинало напрягать все больше и больше.

— Что вам сейчас нужно? — решила нарушить повисшее молчание. — Пить я ничего не стану.

Flint исподлобья на меня посмотрел, изогнул губы в намеке на улыбку и покачал головой.

— Напрасно. Это и в твоих интересах тоже. Неужели сама не хочешь раскрыть свои способности? В тебе много магии, синеглазка, и, похоже, ты до сих пор этого до конца не осознаешь.

Здесь он снова был прав: я не осознавала. Понимала, что эта магия есть, дремлет где-то глубоко во мне и медленно пробуждается, но вот именно осознать, осмыслить и принять толком до сих пор не получалось.

— Предпочитаю честные методы, — ответила я на озвученный вопрос. — А какое-то зелье, под прикрытием именуемое чаем, к таковым не относится. И, уж простите, у меня нет никаких оснований вам доверять. Вам ведь необходимо раскрыть мои способности только для того, чтобы собрать этот глубинный кристалл. К слову, если адмирал Рей верно служит королю, то кому служите вы? На кого работаете?

Смелые слова вырвались сами собой, и хотя внутренне я тут же сжалась, о сказанном не пожалела ни капли. В конце концов, Flintу, как и прочим, я нужна живой, и пока ничего он мне не сделает.

Вместо ожидаемого раздражения на лице пирата отразилось легкое удивление с примесью такого же легкого удовольствия:

— Надо же, как быстро ты растешь. Я почти восхищен. Где робкая девочка, боящаяся оторвать от земли взгляд?

После такого вопроса взгляд предательски захотелось опустить. Потому что, несмотря на все доводы разума, интуитивно я прекрасно чувствовала исходящую от Flintа опасность. Она очень явственно проступала сквозь его теперешнюю легкомысленную ироничность.

Я до сих пор считала себя изрядной трусихой, но в настоящий момент эта трусиха гордилась собой. Потому что взгляд, как ни хотелось, все-таки не отвела.

— Что, заставите меня выпить это силой? — придав голосу твердость, я кивнула на стоящий на полу стакан.

Флинт делано удивился:

— Глубинных ради, неужели я так похож на изверга? Я всего лишь надеялся, что твоя маленькая нечисть все сделает как надо, станет держать язык за зубами, а ты просто мирно попьешь чаю.

«Нечисть» прерывисто вздохнула, опасливо на него покосилась и на всякий случай залетела за спинку кресла. И в желании ретироваться я прекрасно Гана понимала: от вкрадчивости, что звучала в интонации Флинта, хотелось немедленно оказаться где-нибудь подальше.

Тем не менее заставлять меня пить зелье он действительно не стал и к этой теме больше не возвращался. Оставшееся время, которое провел в пещере, пират вел себя так, словно заглянул сюда, просто чтобы отдохнуть. Раскинулся в кресле, словно у себя дома, и взбалтывал ром в бутылке, устремляя на огонь задумчивый взгляд из-под полуопущенных век.

Я немного расслабилась. Мой колючий еж уплыл в Сумеречное море, и сидеть стало проще. Что было странно, учитывая, где и с кем я сейчас находилась. В логове ши вместе с его маленьким хозяином и неуловимым капитаном пиратов. Отличная компания!

Не изменяя своей привычке, уходить Флинт собрался внезапно. Я даже невольно подскочила, когда он поднялся с облюбованного кресла и устремился к очагу.

— Если ничего не поменяется, завтра тебя ждет интересное известие, — бросил он напоследок.

Только я хотела ответить, что никаких известий от него мне не нужно, как пират с усмешкой добавил:

— Не от меня, от твоего дражайшего Рея. До скорого, синеглазка!

— Он не мой! — машинально выкрикнула я, но пламя уже ярко вспыхнуло, полыхнуло жаром, и Флинт исчез.

Как только огонь успокоился, на всю пещеру раздался громкий облегченный вздох. Ган медленно опустился на пол, подполз к откупоренной бутылке и сделал несколько смачных глотков. Затем вновь выдохнул, отер губы и произнес:

— Не, возраст уже не тот для таких волнений. Протухший плавник бескровного ската, да в жизнь больше якшаться с такими типами не буду! Мамой клянусь!

Я бы много чего могла сказать и о его клятвах, и о нем самом. Но не стала. Вместо этого потребовала перенести меня к корпусу и, когда оказалась стоящей перед хорошо знакомыми воротами, повторила его

облегченный выдох.

То обстоятельство, что многие ловцы, кадеты и даже капитаны сейчас находились в городе, несказанно порадовало. Никто не занимал душевую, к которой в это время обычно выстраивалась длинная очередь, никто не шумел в коридорах, и во всей крепости царили тишина и покой.

Пару дней назад я узнала от Агиры короткую дорогу от женской части общежития до кухни, где, если очень попросить, можно получить что-нибудь вкусненькое. И сейчас я этим знанием воспользовалась. Проголодалась знатно, а псевдочай вызвал сильное желание попить настоящего.

Размеры кухни впечатляли. Невзирая на поздний час, здесь еще трудилось с десяток поваров, орудующих кто ножом, кто половником, а кто и тем и другим одновременно. Шеф, которого мне несколько раз уже доводилось видеть в обеденном зале, зорко контролировал процесс, делал замечания и параллельно напевал что-то о чугунных сковородочках.

Заметив мой приход, он нахмурился, в ответ на что я поспешила его задобрить. Следуя совету Агиры, наговорила массу комплиментов приготовленным им блюдам, пожаловалась на вечные проказы Карка и от всего сердца пожелала шефу не обращать на них внимания. Ведь такому, несомненно, великому повару не следует тратить драгоценные нервы на какую-то безалаберную потерянную душу.

Вообще-то льстить я терпеть не могла, но благодаря работе в рыбной лавке и общению с разношерстными клиентами прекрасно умела это делать. В итоге шеф проникся, преисполнился ко мне симпатией и, продолжая напевать о чугунных сковородках-сковородочках, преподнес мне сладкий чай. И румяную булочку. И даже невесть откуда взявшуюся карамельку.

Дабы не отвлекать занятых повелителей сковородочек, кастрюлечек и прочей кухонной утвари, я долго не задерживалась. Оказавшись в своей комнате, уселась на кровать, разложила перед собой полученное угощение, аккуратно поставила рядом чай и вооружилась учебником. Завтра ранним утром кадетам предстояло выступление с докладом перед капитаном Диатеом, которое считалось своего рода зачетом. Собственно, отчасти по этой причине я предпочла возвращение в корпус бесцельному шатанию по городу.

Постепенно кружка опустела, исчезла карамелька, надкушенная булочка сиротливо пристроилась на краешке тарелки. Я переворачивала страницу за страницей, повторяя то, что уже буквально отскакивало от зубов. Казалось, разбуди меня ночью — отвечу без запинки. Но мне

хотелось произвести максимально хорошее впечатление на капитана Диатея, потому что он внушал безграничное уважение и оплошать перед ним было бы стыдно.

— Скопления магии могут оказывать на потерянных душ... — я широко зевнула и потеряла слипающиеся глаза, — определенный эффект и вызывать аномалии в их поведении. А также аномалия может наблюдаться при...

Зевнула снова.

— Ботаник ундиный, — шепотом припечатала меня сирена.

— Угорь книжный, — подхватила другая.

— Кадет немощный, — резюмировала третья, и я поняла, что действительно пора ложиться спать.

Следующим утром в аудитории, где традиционно проходили немногочисленные лекции, собрались все кадеты. Большая часть видела прискорбный: заспанный, усталый, так и кричащий о том, что они предпочли бы этим ранним часом нежиться в теплых постелях. Отчего я в очередной раз порадовалась, что накануне не присоединилась к гуляниям.

Но, надо отдать сослуживцам должное, как только в аудиторию вошел капитан Диатея, они преобразились моментально. Как по команде поднялись из-за столов, расправили плечи и даже исхитрились разлепить сомкнутые до этого веки.

Зачет, к которому я так старательно готовилась, пролетел незаметно и, что самое главное, приятно. Решившись выйти первой, я не только без запинки рассказала все выученное, но и благополучно ответила на все заданные вопросы и удостоилась чести быть поставленной в пример. Впрочем, хорошо ответили практически все: исключением стал лишь Горт, который прекрасно умел применять знания на практике, но имел проблемы с внятной связной речью.

Далее была небольшая утренняя тренировка, после которой я собралась идти в город, чтобы купить шаромаг. Перед этим вместе с остальными получила причитающееся жалование и обещанную премию, которая очень приятно позвякивала в кошельке, пока я вышагивала по заваленным снегом улочкам Сумеречья.

Компанию мне составил Горт и, как ни странно, Сильвия Уилград, неожиданно снизошедшая до бывшей торговки и сына пекаря.

— Что, в богатом клане не нашлось шаромага? — поддел ее Горт, когда мы спускались по лестнице к подножию скалы.

Альва гордо вздернула подбородок и, наградив его высокомерным

взглядом, ответила:

— Я сама зарабатываю себе на жизнь и не пользуюсь клановыми благами.

В небольшом и самом недорогом магазинчике магических вещей сегодня было немногочисленно. Неизменный продавец — старина Арти, сидел за прилавком и, расслабленно почитывая свежую газетенку, раскуривал трубку. Этот пожилой чистокровный человек отличался излишней худобой, высоким ростом и крупными чертами лица, среди которых особенно выделялся большой, словно бы распухший нос.

Старина Арти был знатоком своего дела и хорошо разбирался во всевозможных артефактах. В магазинчике всегда царил идеальный порядок... в котором отыскать что-нибудь нужное, похоже, мог только сам Арти. Ассортимент составляли самоловные рыбные сети (жаль, для душ таких не бывает), настойки из синих водорослей, временно придающие коже экзотический оттенок, порошки из редких морских цветков, очки для быстрого чтения и еще множество полезных и не очень штук.

Самостоятельно отыскать что-либо в этом маленьком, но захламленном помещении было практически невозможно. Поэтому Горт подозвал Арти, и тот подвел нас к высокому пыльному шкафу. На верхней полке, за банками с замороженными рыбьими глазами обнаружили ровно три шаромага — как под заказ.

Легко дотянувшись до них без использования лестницы, Арти протянул их нам со словами:

— У нас они в последнее время все реже и реже появляются. Все чаще в крупные магазины завозят, чтоб этих конкурентов проклятущих! Так что цены повысились. Но вы кадеты, а служителям морского флота грех скидочку не сделать.

Несмотря на то что озвученная сумма была процентов на тридцать меньше той, что выставляли в крупных магазинах, она все равно оказалась внушительной. Особенно если учесть, что мне по закону глубинной подлости достался надтреснутый шаромаг.

— Он хотя бы исправно работает? — усомнилась я, стерев с него пыль и подозрительно покосившись на разветвленную трещинку.

— Да как можно! — праведно возмутился продавец. — Мы некачественными вещами не торгуем! Но ежели госпожа кадет сомневается, может сию минуту его проверить.

Я прикусила губу, лихорадочно пытаюсь придумать, как выйти из положения, и за неимением лучшего варианта сунула свой шаромаг Горту:

— Давай лучше ты. У меня... это... нестабильная магия пока.

Горт удивленно на меня посмотрел, но просьбу все-таки исполнил. Несильно встряхнул шаромаг, и спустя несколько мгновений в том появились аккуратные, простые по форме кристаллы. Затем сын пекаря встряхнул и свой шаромаг — он показал то же самое.

— Вот видите! — Арти торжествующе поднял указательный палец. — Говорю же, неисправного товара не держим!

Как оказалось, уйти из магазина магических вещей, не приобретя что-нибудь ненужное, очень сложно. Очки для быстрого чтения буквально просили, чтобы я их купила, но даже премия не позволяла поддаваться соблазну. Жизнь давно научила меня экономить. А вот Горт и Сильвия приобрели по простенькому артефакту-накопителю и еще какие-то мелочи.

Во второй половине дня по расписанию у нас стояла основательная тренировка, но времени в запасе имелось предостаточно. Я хотела заглянуть еще в любимую библиотеку к господину Слоуэну, поэтому у выхода из магазина мы разошлись.

Морозец сегодня разыгрался нешуточный, вполне свойственный для второго зимнего месяца. Второй и первая половина третьего — вообще самый суровый период в Сумеречье. Зато как же приятно после них почувствовать робкое потепление, несущее легкое дуновение скорой весны... Пока о весне можно было разве что только мечтать.

Проходя мимо дешевого магазина одежды, я заметила на витрине теплый вязаный шарф в паре с рукавицами. Вещи были симпатичными, и соблазн потратить деньги вернулся, но победу вновь одержала годами взращенная экономность. И любовь к своему старенькому красному шарфу, что уж тут.

— Фрида! — неожиданно раздалось позади меня. — Фрида Талмор!

Обладательницу этого голоса я узнала еще до того, как обернулась. Перед глазами тут же предстали давние, но ничуть не померкшие картины: вот я мерзну на пороге школы и не могу попасть внутрь, потому что Гейра с мальчишками держат дверь; вот Гейра ставит мне подножку, и я падаю, разбивая нос под общий смех; а вот меня несправедливо отчитывает учительница с подачи все той же Гейры...

За прошедшие годы она изменилась. Переезд в столицу явно пошел ей на пользу, наложил на внешность отпечаток лоска и беззаботной жизни под крылом успешного отца, имеющего сеть небольших кондитерских. Королева-пироженка, как ее прозвали в детстве, построинела и повзрослела, но не утратила кукольного очарования.

— Фрида, ты? — в очередной раз переспросила она, хотя точно меня узнала. — Надо же, какая встреча!

Наверное, случись нам увидеться несколько месяцев назад, когда я работала в рыбной лавке, мне бы захотелось немедленно убежать или провалиться в Глубину. Но сейчас все было иначе.

— Здравствуй, Гейра, — приветствовала я, спокойно посмотрев ей в лицо.

По мне скользнули оценивающим взглядом и, судя по последовавшему за ним вопросу, в форме кадетов Морского корпуса Гейра не разбиралась:

— Как жизнь? Где работаешь?

Только я открыла рот, как она в своей излюбленной манере не дала вставить ни слова:

— Ах да. Слышала, ты в рыбной лавке торгуешь. Ну и как, много платят?

Теперь отвечать я даже не пыталась.

— Понимаю, копейки. Но, во всяком случае, больше, чем можно заработать попрошайничеством. Все еще стоишь на «Ледянке»?

А вот это откровенно брошенное оскорбление проглотить я уже не смогла. Так называемая «Ледянка» — перекресток, где часто собирались нищие, до сих пор преследовала меня в кошмарах. И мороз, пробирающийся под прохудившийся, изъеденный молью полушубок, и окоченевшие пальцы, и обветренные губы, с которых срывались ненавистные просьбы о подаении. И маленькая девочка — моя ровесница, ползающая по заледенелому тротуару, когда какой-то юный лорд посчитал забавным рассыпать перед ней монетки.

В душе поднялась обжигающая, затопившая меня волна:

— Я...

Ответить мне снова не дали.

Но не Гейра — она стояла, изумленно вытаращившись мне за спину, — а тот, кто неожиданно положил руку на мое плечо и ровно произнес:

— Фрида Талмор служит в Морском корпусе ловцов потерянных душ. Она получает жалованье, достаточное для того, чтобы обеспечить себе достойную жизнь, и пользуется уважением среди сослуживцев за упорство и отвагу. Еще вопросы есть?

Я стояла ни жива ни мертва, не в силах поверить, что это происходит на самом деле. Но, кажется, бывшая одноклассница была потрясена куда больше моего: с ее лица буквально сбежали все краски, тонкие пальцы судорожно сжали дорогую сумочку, ноги в таких же дорогих сапожках сделали маленький шагок назад.

— Лорд... — едва слышно пролепетала Гейра. — Лорд Рей?

Почти в точности повторяя ее жест, я впила пальцами в кончик шарфа. Адмирал источал настоящий холод, но его прикосновение было полно теплого ободрения, даже жара, чувствующегося сквозь несколько слоев одежды.

За все годы совместной учебы мне ни разу не приходилось видеть Гейру настолько растерянной, и сейчас маленький черный червячок, сидящий где-то глубоко внутри меня, тихонько злорадствовал. Наверное, это не делало мне чести, но я действительно испытывала мрачное удовлетворение от того, что адмирал оказался здесь так вовремя и поставил Гейру на место.

Мне хватило времени насладиться произведенным эффектом, прежде чем адмирал Рей пошел прочь и позвал за собой. Напоследок взглянув на Гейру, я уже собралась идти за ним, как вдруг ощутила нечто странное. Нечто необъяснимое, заставившее задержаться взглядом на дорогой изящной сумочке, которую она по-прежнему крепко сжимала в руках.

— Люди не меняются, Фрида Талмор, — неожиданно прошипела Гейра. — Ты всего лишь девчонка из Слезных трущоб и, как бы ни старалась, навсегда ею останешься!

Оставив за собой последнее слово, она круто развернулась и спешно зашагала к ожидающемуся ее экипажу. Пока кучер предусмотрительно распахивал перед ней дверцу, пока Гейра забиралась внутрь, я все стояла, не сводя с нее глаз. И даже когда экипаж тронулся с места, провожала его взглядом до тех пор, пока не осознала, что уже очень долго заставляю адмирала ждать.

Сбросив странное оцепенение, я уж было подумала, что он ушел, но ошиблась. Адмирал стоял неподалеку и молча наблюдал не то за мной, не то за постепенно скрывающимся из виду экипажем.

— Пойдем, — просто сказал он, как только я оказалась рядом. — Нужно поговорить.

Это «нужно поговорить» показалось очень многообещающим. Тут же вспомнились слова Флинта о том, что сегодня адмирал Рей сообщит мне какую-то важную новость.

Я занервничала и настолько погрузилась в собственные волнения, что даже не заметила, как мы пришли в небольшую, уютную рядом с аптекой таверну. Как заняли свободный стол, не заметила тоже. Зато когда гоблин с постной миной поинтересовался, чего мы изволим заказать, пришла в себя моментально.

Предложенный ассортимент не запомнила, поэтому просто попросила принести то же, что и моему спутнику. Благо деньги при себе имелись, а

цены в заурядной таверне, в отличие от ресторанов, не кусались, аки чернотубые акулы.

Когда гоблин, громко шаркая башмаками по полу, удалился, за столиком повисло напряженное молчание. Вернее, напряженным оно было для меня. Адмирал же, судя по выражению лица, просто о чем-то задумался.

К тому моменту, когда перед нами поставили простой черный чай, я вся извелась и умудрялась сохранять видимость спокойствия лишь чудом.

— Может, чего-нибудь еще? — ничего не выражающим тоном осведомился гоблин, прибавив к чаю луковый пирог.

Адмирал Рей жестом велел ему уйти, и как только шарканье зазвучало в другом конце зала, внимательно на меня посмотрел.

Многострадальный кончик моего шарфика превратился в плотный жгут — хорошо, под столом не видно.

— Фрида, — как это обычно бывало, звуки бархатного голоса заставили невольно вздрогнуть. — Поднебесных ради, перестаньте трястись. Я намереваюсь съесть пирог, а не вас!

Меня это почему-то не успокоило. По ощущениям, щеки стали цвета того самого шарфика.

Адмирал шумно выдохнул и, чуть помедлив, спросил:

— Может, скажете, почему вы меня так боитесь? Что я совершил по отношению к вам такого, чтобы вызвать этот страх?

Если можно было покраснеть еще больше, я это сделала — буквально вспыхнула как каминное пламя, когда через него кто-то совершает переход. Язык прирос к небу, и, даже зная я ответ на поставленный вопрос, ответить все равно бы не смогла.

Точнее, могла сказать банальное: «Вы морской демон! Повелитель уймы потерянных душ, маг первой ступени!»

Но это было бы ложью. Как раз его магическая сила не пугала, ведь я знала, что кроется за ней на самом деле. И до сего момента видела от Эртана Рея только хорошее.

Он некоторое время помолчал, вероятно ожидая от меня хоть каких-то слов. Но, так их и не дождавшись, вновь заговорил. Только теперь его тон был почти таким же холодным, как при обращении к Гейре:

— В таком случае перейдем к сути. Накануне вечером отыскалась ваша мать.

Такого я не ожидала. Нет, где-то в глубине души подозревала, что рано или поздно это случится, но никак не была готова к таким новостям именно сейчас. Одним поднебесным известно, сколько раз в своем воображении я

представляла этот момент, сколько раз проживала его во всех красках, испытывая десятки разнообразных, раздирающих душу чувств.

В реальности же я не смогла осознать полученное известие и не почувствовала практически ничего. Только ощущение, будто меня в ледяное море без предупреждения бросили.

— Ее зовут леди Аэлина Лавьет, — продолжал адмирал, пока я мысленно барахталась в накрывающих волнах. — Это известная фамилия в высшем свете. Чистокровных родов ундин существует не так много, и этот — один из них. Вдовствующая леди Карелла Шаркэ, приходящаяся тебе бабушкой, пользуется уважением в обществе, чем по большей части обязана ныне покойному мужу. Аэлина также является вдовой, ее супруг погиб несколько лет назад. Насколько известно, сейчас у нее негласный роман с советником короля, но это не столь важно. О своем особом происхождении они обе явно осведомлены, хотя, разумеется, никогда его не афишировали.

Рассказ адмирала проплывал как будто мимо меня, в то время как я все тонула, тонула, тонула... Барахталась в ледяном море, не понимая, что происходит.

Мама, бабушка... Бабушка, ши возьми! Да к тому же леди!

В мыслях роилось столько вопросов, что я не знала, какой из них озвучить первым, к тому же не была уверена, хочу ли получить ответы. Возможная правда пугала, и мне было страшно даже подумать о причинах, по которым мама могла меня оставить. Страшно, потому что я была уверена — какими бы они ни были, принять их я вряд ли смогу. Возможно, пойму, даже признаю весомыми, но не приму. Если все это время она жила, зная о моем существовании, если купалась в роскоши, в то время как я выпрашивала милостыню, если...

— У нее есть еще дети? — вынырнув из собственного моря, хрипло спросила я.

— Нет. Есть основания полагать, что ваш род продолжается только одним ребенком, причем каждый раз — девочкой.

Теперь я тем более ее не понимала. Зато внезапно поняла другое — мамой больше не сумею назвать даже мысленно. Аэлина или леди Лавьет, по-другому никак.

Неожиданно мою лежащую на столе руку накрыла ладонь, прикосновение которой заставило встрепенуться и взглянуть в лицо адмиралу. Его всегда холодные глаза оттаяли и смотрели внимательно, заглядывали почти в самую душу, словно бы зная, что в ней сейчас творится.

Судорожно сглотнув и не осмелившись отнять руку, я все так же хрипло спросила:

— Они... в смысле... мои родственницы, тоже ведь являются носительницами особой крови? Их тоже могут использовать для соединения осколков?

— Основная часть силы сосредоточена в тебе как в последней наследнице. — Голос адмирала отчего-то тоже звучал глухо. — Но даже если кто-то вознамерится использовать их, леди Шаркэ обладает и средствами, и влиянием, чтобы себя защитить.

До конца осознать рассказанное у меня все равно не получалось. Я воспринимала все будто во сне, но знала, что поздним вечером, оказавшись наедине, не сдержусь. Буду думать, постепенно осмысливать и точно разревусь, выпустив соленое море наружу.

Руку я все-таки высвободила и отвела взгляд, уставившись в небольшое, покрытое морозным узором окошко. За ним кружил редкий снег, и день стоял на удивление солнечный, что в наших краях случается редко.

— Фрида, я понимаю, насколько это тяжело, — произнес адмирал. — Но тебе придется с ними встретиться.

Адмирал Рей исхитрился менять форму обращения так плавно, что я даже не замечала. Только теперь обнаружила, что он говорит мне «ты» практически половину разговора. В отличие от бывшего работодателя или ему подобных, которые таким обращением ставили себя выше других, от адмирала оно звучало мягко и доверительно. Будто сокращая незримое расстояние между нами, стирая установленные рамки и делая ближе.

Невольно задумавшись об этом на несколько коротких мгновений, я не сразу уловила смысл только что сказанного. Да, этим днем я вообще являла собой образец рассеянности.

— Что? — переспросила наконец, вникнув в смысл слов.

— Тебе необходимо встретиться с матерью, — терпеливо повторил адмирал. — В складывающейся ситуации любая поддержка не будет лишней. Вдобавок она или леди Шаркэ могут знать о местонахождении грота либо же располагать другой важной информацией. Но если ты категорически откажешься от этой встречи, заставлять тебя никто не станет. Я, как и обещал, сделаю все для твоей защиты. Но, прежде чем дашь окончательный ответ, прошу хорошо подумать.

Обхватив пальцами кружку уже почти остывшего чая, я посмотрела на свое маленькое размытое отражение и глубоко вдохнула. В настоящий момент понять, хочу ли видиться с так называемой родней, было сложно.

Наверное, теперешняя я — повзрослевшая и хоть сколько-нибудь поумневшая — не желала видеть тех, кто обо мне забыл. Но другая моя часть — маленькая девочка, каждый вечер ставящая на подоконник банку светлячков, тянулась к этой встрече, наивно веря в сказку.

К тому же я понимала, что речь идет не только обо мне и о моих чувствах. Леди Шаркэ и ее дочь действительно могут располагать очень важными сведениями, и с моей стороны будет эгоистично думать только о себе.

ГЛАВА 3

— Надень его, когда вернемся в корпус. — Адмирал протянул мне небольшой отполированный камешек на тонкой серебряной цепочке. — Этот амулет защитит и даст мне знать, если ты окажешься в опасности.

Какая ирония. Вот уже в третий раз за последнее время мне преподносят украшение. Причем не кто-нибудь, а известные на все королевство пират и адмирал королевского флота. Мне, ничем не выдающейся Фриде Талмор!

Впрочем, учитывая некоторые обстоятельства, мнение о самой себе придется пересмотреть. Не такая уж я и невыдающаяся. И, судя по стремительно развивающимся событиям, известность в определенных кругах тоже не за горами.

Поколебавшись несколько мгновений, я робко приняла кулон и спрятала его во внутренний карман пальто. Показалось, что бледно-голубой камешек источает легкое тепло, и вообще касаться его было очень приятно.

Защита, значит. Артефакт, устанавливающий связь и настроенный в данном случае на меня и адмирала Рея.

Вот так незаметно наступил подходящий момент спросить о том, о чем я уже давно задумывалась. Мне и раньше случалось замечать, что адмирал оказывается рядом в нужное время (за исключением ситуаций с Кайером Флинттом), но если прежде я списывала это на случайность, то после сегодняшнего происшествия с Гейрой заподозрила неладное.

— Как получилось, что вы так вовремя оказались в этих кварталах?

Наверное, вопрос стоило сформулировать несколько иначе, но я боялась, что передумаю и опять промолчу.

Уголки губ адмирала чуть приподнялись.

— Не мог же я нарушить обещание и оставить тебя без присмотра. С некоторых пор тебя сопровождает одна из моих потерянных душ.

Кажется, после такого заявления я потеряла свою челюсть, укатившуюся куда-то под стол.

— В-ваших д-душ? — переспросила, заикаясь. — Как же...

Сбившись с мысли, фразу я не закончила, и вместе с тем в памяти всплыла очень яркая картинка, как адмирал использовал потерянную душу, дабы переместиться из катакомб дреу в Морской корпус.

Воспоминания навевали страх — это если мягко сказать. Очень мягко.

Так и представился размытый белесый силуэт, принимающий

очертания дверного проема... Как есть жуть!

— Да, одна из моих душ, — спокойно повторил адмирал Рей, наконец принявшись за луковый пирог. — Если вы, кадет Талмор, задаетесь вопросом, как это возможно, поясняю. Маги с шестой по третью ступень могут привязывать потерянные души к какому-либо месту. Маги третьей — еще и к предмету. А маги первой при определенных природных задатках способны привязывать потерянные души к себе. Также существуют маги первой ступени, именуемые морскими демонами, — в зависимости от объема магического резерва они держат и управляют несколькими душами, а помимо привязки непосредственно к себе могут привязать их к кому-то другому.

Съев кусочек пирога, адмирал невозмутимо закончил:

— Я отношусь к последним.

Мог бы не напоминать — меня и так на мелкую дрожь пробило. И от обыденности его тона, и непосредственно от сути сказанного.

Разумеется, я знала, кто такие морские демоны и на что они способны. Но об их способностях привязывать потерянные души не только к себе, но и к другому человеку, слышала впервые.

Это что же получается — сейчас рядом со мной постоянно находится невидимая потерянная душа, способная левой пяткой отправить на дно не один корабль?

Вот ши!

— И да, Фрида, — с нескрываемым удовольствием съев еще один кусочек местного изыска, вновь заговорил адмирал. — Об этом лучше никому не рассказывать.

Этого тоже мог бы не говорить. Я никогда не относилась к числу любителей почесать языком. Да и вообще скорее откусила бы этот самый язык, чем проболталась кому-то о своем «тесном» знакомстве с адмиралом.

Подняв на морского демона несчастные глаза, я с надеждой спросила:

— А может, достаточно кулона?

— Кулон необходим для твоей безопасности в корпусе, — возразили мне. — Установленная вокруг скалы защита не позволяет использовать потерянные души в полной мере, но за пределами корпуса именно душа обеспечит безопасность. Артефакт может дать сбой, а потерянная душа, находящаяся под моим контролем, — нет.

Звучало убедительно и исчерпывающе. Заодно стало предельно ясно, почему Флинт выбрал для нашей встречи именно пещеру Гана, находящуюся прямо под корпусом.

Подперев подбородок рукой, я покосилась на луковый пирог, но,

невзирая на его аппетитность, так к нему и не притронулась. Обреченно вздохнув, отхлебнула остывший чай, оставила кружку и негромко поинтересовалась:

— А как ее зовут?

Меня одарили удивленным взглядом:

— Кого?

— Привязанную ко мне душу, — меланхолично пояснила я. — Или это он?

Кажется, мне впервые удалось поставить адмирала в тупик. Не то чтобы он молчал долго, но молчание это было очень выразительным. Крайне задумчивым, я бы сказала.

— У таких душ нет имен, — сообщил он общеизвестный факт. — Они отличаются от привязанных к месту — таких, как те, что служат в корпусе.

Отступить так просто я не собиралась. Все-таки представлять, что рядом находится самая обычная потерянная душа, а не безымянная невидимка, было морально проще.

— Так он или она? — преисполнившись неожиданной наглости, повторила я.

— Он, — ответил адмирал Рей спустя очередную короткую паузу.

— Значит, будет... — я задумалась, пытаюсь подобрать подходящее имя. И, снова вспомнив белесый, будто сотканный из тумана силуэт, уверенно выпалила: — Дымок!

Адмирал, в этот момент доедающий пирог, поперхнулся. Закашлялся, опустошил чашку гадостного по вкусу чая и недоуменно переспросил:

— Дымок? И это имя для смертоносной потерянной души? Он, между прочим, один из сильнейших в моем подчинении!

Потупившись, я упрямо пробормотала:

— Все равно на дым похож. А Дымок — это мило и совсем не жутко.

Раздался какой-то странный звук, заставивший подумать, что адмирал подавился вторично. Но, подняв глаза, я обнаружила, что он едва сдерживает смех.

И ничего смешного! Это всяким морским демонам с душами рядом находиться — все равно что на горячих источниках отдыхать. А нам, простым полуундинам, это очень и очень страшно!

Неожиданно занавески на окне зашевелились. Чуть всколыхнулись мои волосы, лица коснулось прохладное дуновение, а на недопитом чае образовалась тонкая корочка льда.

Что это такое, я поняла не сразу. Зато выражение лица адмирала теперь точно можно было трактовать, как по-настоящему удивленное.

— Надо же, — словно не веря, с сомнением произнес он. — Похоже, новое имя ему понравилось.

Волосы на моей голове снова зашевелились — только уже не от ветра. Ну ничего себе! Вот вам и бесчувственная потерянная душа...

— Позвольте поинтересоваться, это у вас талант такой? — вкрадчиво уточнил адмирал. — Вызывать доверие всех живых и даже фактически мертвых? Морские коттики, обычные коттики, потерянные души...

«Морские демоны», — чуть было не брякнула я, но вовремя опомнилась.

Вскоре в таверне началась потасовка, и мы поспешили уйти. Адмирал сопровождал меня до набережной, где велел возвращаться в корпус.

— В корпус, Фрида, — еще раз повторил он. — Прямо и только прямо. Шагом марш!

Я и зашагала. Чувствуя на себе неотрывный провожающий взгляд, обернулась и, поражаясь собственной дерзости, иронично отдала честь. А затем подобрала полы пальто и припустила со всего духу. По набережной, разумеется. Прямо и только прямо!

Сегодня пользоваться помощью Гана я не рискнула, но и подниматься на скалу своим ходом не пришлось. Удачная встреча с Тэйном способствовала полету на грифоне, а уже буквально через полчаса я оказалась на тренировке. Еще несколько месяцев назад такие нагрузки показались бы мне невозможными, но сейчас я уже успела к ним привыкнуть. Программа для кадетов была составлена безупречно, сложность нарастала постепенно, так что мы все справлялись. А если вдруг кто-то пытался отлынивать, жаловаться и принимать облик ползающего по снегу червяка, его быстро приводил в чувство громкий голос капитана Вагхана.

— Подъем или увольнение! — то и дело разносилось по полигону. — Кадет Нрирл, вы уверены в своем выборе?!

Умел наш капитан мотивировать, что тут скажешь.

После колоссальной потери энергии я не отказалась от позднего ужина, который прошел приятно. В общем-то как и весь день. Саламандры устроили целое огненное представление, Карк, пользуясь отсутствием начальства, развлекался, передвигая тарелки с места на место и заставляя их исчезать. Горт зачитывал юмористические стишки собственного сочинения, кто-то стал накладывать их на музыку, и в какой-то момент ужин превратился в репетицию хора. Весело, одним словом.

Идя в свою комнату после принятия душа, я буквально волочила ноги, которые так и норовили зацепиться друг за друга. В последнее время

любой контакт с водой давал мне заряд сил, но не в этот раз. Действительно устала. А ведь послезавтра — еще и плановый рейд, перед которым нас знатно погоняют...

— О, доходяга ундинистая вернулась! — закономерно приветствовали сирены, прикрыв за мной дверь. — А мы тут постельное белье поменяли и пол помыли, пока ты прохлаждалась!

Надев казенную светло-серую пижаму, я опустилась на кровать и, взяв подушку, уткнулась в нее носом. А и правда — вкусно пахнет, свежо.

— Мы что-то не поняли! — синхронно возмутились приставучие потерянные души. — А спасибо где?!

Я хотела было напомнить, что вообще-то уборка является их прямой обязанностью, но вместо этого послушно поблагодарила. Связываться еще с ними...

Стук прозвучал ровно в тот момент, когда я уже откинула хрустящее от чистоты одеяло и приготовилась нырнуть в постель. Не дожидаясь позволения войти, визитер отворил дверь и на цыпочках прошмыгнул внутрь. Визитером оказалась Крилл, поэтому вспыхнувшее во мне недовольство моментально погасло.

— Еще не спишь? — спросила она, присев рядом.

Вопрос относился к разряду риторических, так что вместо ответа я зажгла настольную лампу и, взглянув на Крилл, поинтересовалась:

— Что-то случилось?

Мой взгляд задержался на смятом конверте, который она сжимала в руке с такой силой, словно от него зависела вся ее жизнь.

Крилл закусила губу, судорожно вздохнула и вцепилась в бумагу еще крепче, после чего я встревожилась не на шутку. Несмотря на непродолжительное знакомство, я неплохо ее узнала и теперь не сомневалась — что-то действительно случилось.

— Помнишь, я рассказывала, что сбежала из дома? — глухо спросила Крилл, глядя на меня глазами, блестящими не то от переполняющих ее эмоций, не то от сдерживаемых слез. — Так вот, положение нашей семьи стало еще хуже. Мой... несостоявшийся «жених» не стал молчать, и в высшем свете разразился настоящий скандал. Все знают, где я сейчас нахожусь, и осуждают. «Леди не пристало заниматься мужским делом», — спародировала она чей-то неприятный голос, на мгновение замолчала и эмоционально продолжила: — Рисс, мой младший брат, серьезно проигрался, но дело не в деньгах. Просто он стал совершенно неуправляемым, отец планировал отправить его в закрытое мужское училище, но Рисс умудрился сбежать, и сейчас все только о нас и говорят!

Крилл тяжело задышала и, приложив ладони к горящим щекам, выдохнула:

— Какая же я эгоистка... окончательно все испортила... все!

Я не знала, каково это — быть частью семьи аристократов. Не знала, каковы предписываемые высшим светом правила. Но зато на собственной шкуре знала о том, что такое всеобщее осуждение. Пренебрежение. Злоба.

— Крилл, послушай, ты ни в чем не виновата, — уверенно произнесла я, тронув ее за плечо. — Неужели ты бы хотела вместо службы в корпусе сейчас быть невестой того, кто тебе не нравится? Можешь мне поверить, сплетни затихают быстро — рано или поздно люди забывают обо всем. А жизнь у тебя одна, и ты поступила правильно, прислушавшись к себе и своим желаниям. Это вовсе не эгоизм!

Затронутая тема и потерянный вид Крилл буквально задела меня за живое. Наверное, потому, что я сама переживала подобное. И не только в прошлом. Можно не сомневаться — всеобщее осуждение мне еще не раз предстоит пережить в будущем.

— Неужели вас никто не поддерживает?

— Открыто — нет, — уже не сдерживая слез, ответила Крилл и вновь взяла в руки письмо. — Дело в том, что проблемы Рисса связаны не только с картами. Долго объяснять, но суть в том, что он умудрился задеть интересы самого принца Дэрена. А если против тебя настроен принц, считай, тебе конец.

Немного помолчав и обдумывая услышанное, я задалась вопросом:

— А почему вы не попросите о помощи адмирала Рея? Ты ведь рассказывала, что он хороший друг вашей семьи.

— Он сейчас почти не бывает в столице. — Крилл всхлипнула. — К тому же мой старший брат, с которым они дружны, слишком горд, чтобы открыто попросить о помощи. Эртан Рей и так сделал для нас слишком много.

— И тебя это остановит? — удивилась я. — Да, твои родные находятся далеко, но ты-то здесь, и адмирал совсем рядом! Почему просто с ним не поговорить?

Крилл замялась и отвернулась, уставившись куда-то в пространство. Это говорило лучше всяких слов — она скорее утопится, чем о чем-нибудь его попросит. Жажда независимости, гордые отказы от ранее предложенной помощи и неоднократные заявления, что ей ничего не нужно, работали и сейчас.

Тысяча кругов глубины, неужели все аристократы такие гордые?! Гордые и твердолобые!

— Поступай как знаешь, — вздохнула я, поняв, что убеждать ее бесполезно. — Но, если бы речь шла о моей семье, я бы сделала все, чтобы им помочь. Особенно если бы чувствовала себя хоть сколько-нибудь виноватой.

Расстались мы на не слишком позитивной ноте, спать уже совершенно не хотелось, и вместо этого я мучилась разнообразными мыслями. О Крилл, о своей объявившейся родне и — уже привычно — об адмирале. Правда, о последнем все же стала не думать и больше терзалась из-за предстоящего выбора.

Советовать всегда легко, а вот самой принять правильное решение...

Потенциальная встреча с Аэлиной не то что пугала — вселяла настоящий ужас. Что я ей скажу? Что она мне скажет? Да и разве захотят они с леди Шаркэ меня увидеть после стольких лет?

Накрыв голову подушкой, я глухо застонала. Как же сложно! Невероятно сложно перебороть страх и поступить правильно. Забавно, но решение я приняла еще в таверне, когда адмирал просил меня хорошо все обдумать. А сейчас просто боялась его озвучить даже мысленно.

— Глубина их всех поглотит! — с недовольством пробормотала я. — Вот и поеду в столицу, вот и встречусь с этими леди, вот и узнаю, где находится грот! Это они передо мной виноваты — пускай они и беспокоятся!

Вынырнув из-под подушки, я погасила свет, удобно устроилась в кровати и решительно закрыла глаза.

Все! Спать!

Ранний подъем мог бы показаться отвратительным, если бы я каким-то чудом не выспалась. Проснулась самостоятельно, и не то что до гонга — до воплей «глубинных тарактелок»! Спокойное, размеренное утро сулило такой же спокойный день, но на дне явно что-то сдохло, и все пошло не так.

Нехорошее предчувствие у меня возникло еще на тренировке, когда мы наматывали круги по полигону. Стояла непроглядная тьма, разгоняемая лишь парящими рядом морскими светлячками и огнями саламандр. В ангарах кричали проснувшиеся грифоны, внизу тревожно шумело море, где-то вдалеке затянули песню сирены, нагоняющие смертную тоску. Крилл была погружена в себя и не желала разговаривать, Горт не читал смешные стишки, капитан Вагхан отчего-то был очень хмурым. В общем, все надежды на приятный день пошли прахом. Если он и обещал быть спокойным, то в самом нехорошем понимании этого слова.

Поэтому я даже не удивилась, когда после тренировки капитан Вагхан попросил меня задержаться. Наверное, не удивилась бы, даже сообщи он о моем увольнении, — до того нехорошее зародилось предчувствие.

— Адмирал Рей просил вас после завтрака подойти к ангарам, — сообщил он, и у меня под ложечкой противно засосало. — И еще. Вы купили шаромаг?

Я заторможенно кивнула.

— Вечером дадите мне, я поставлю на него защиту, не позволяющую посторонним видеть отражение вашей магии.

Заторможенно кивнула снова, поблагодарила, спросила разрешения идти и, получив его, буквально полетела в обеденный зал. Выискивая свободное место, я со всего маху плюхнулась на стул, наспех съела рисовую кашу, сделала пару глотков чая и помчалась к ангарам.

В такое время там обычно не было никого, кроме зрителя летунов, так что о приватности разговора можно было не беспокоиться. Впрочем, я даже не сомневалась, что одним разговором дело не ограничится — если уж адмирал позвал к ангарам, значит, скорее всего, куда-то полетим. А еще это значит — случилось нечто серьезное. Не на прогулку же меня позвали!

Пока добралась до места, успела известить себя всевозможными предположениями и окончательно увязнуть в неконтролируемом волнении. Всей душой ощущала надвигающиеся неприятности, которые с каждым моим шагом становились все ближе.

Адмирал Рей дождался меня рядом с оседланным грифоном, на каких обычно летали рядовые ловцы. Хотя бы не редкий черный пегас — и то облегчение.

Повелитель четырехсот девяноста девяти потерянных душ выглядел привычно серьезным и собранным, но воздух вокруг него буквально вибрировал от напряжения. Еще и грифон негромко фыркал, бил снег мощными лапами, всем своим видом выражая беспокойство.

— Адмирал Рей, — приветствовала я, поравнявшись с ними. — Вы хотели меня видеть?

Сегодня прозрачно-голубые глаза были предельно холодными, колючими, как осколок льда, поэтому я предпочла в них не смотреть. И без того нервничала.

— Доброе утро, Фрида, — приветствовали меня в ответ, пока я старательно изучала кончики своих сапожек. — Мне совершенно не хочется вас пугать, но не сказать об этом не могу. Накануне вечером, около полуночи, неподалеку от Слезных трущоб было найдено тело девушки. Судя по признакам, на нее воздействовали темной магией. Некромантией,

если быть точнее.

Под ложечкой засосало с такой силой, что мне захотелось согнуться пополам. К горлу подступил липкий комок, сердце забилось чаще, и я отчаянно, почти не веря, понадеялась, что интуиция меня обманывает.

— Речь о Гейре Грей, — добил адмирал, оправдав худшие предположения.

Нет, я вовсе не была жительницей Поднебесья, чтобы плакать о той, что изводила меня столько лет. Но мне стало страшно — по-настоящему страшно, до темных пятен перед глазами и подрагивающих рук. Потому что я только-только видела ее живой, находилась рядом с ней и слышала ее голос.

— Почему ее убили? — хрипло спросила я, с трудом держа себя в руках.

— Начато следствие, выясняются обстоятельства, — прикованный ко мне взгляд стал ощутимо тяжелым, и последовало уточнение: — Обстоятельства, которые будут объявлены официальными. Причастность некроманта к убийству наталкивает на определенные выводы.

Перед моими затуманенными глазами вновь предстала Гейра. Холеная, в дорогой одежде... с зажатой в руках маленькой сумочкой, которая до сих пор не давала мне покоя.

— При ней были какие-нибудь вещи? — задала я очередной вопрос, позабыв об изучении собственных сапог и открыто глядя на адмирала.

— В вас дремлют задатки следователя, — невесело усмехнулся он. — Нет, ничего.

Я даже не сомневалась, что он и без меня запомнил ту треклятую сумочку, но не смолчала:

— Некромант не стал бы нападать на кого-то просто так. У Гейры каким-то образом оказался осколок, верно?

— Ошибся. Не дремлют — уже пробудились, — вновь невесело сыронизировал адмирал. — Вы правы. Скорее всего, она должна была передать его дроу. После недавней облавы жрица скрылась где-то в горах, все известные входы в катакомбы перекрыты, и она отрезана от своих. Отец Гейры не гнушался иметь дело с контрабандистами, благодаря им же и добился таких успехов в своем деле. Дроу либо стали его шантажировать, либо снова оказали какую-то услугу в обмен на то, чтобы он передал осколок их жрице. Вот только господин Грей почему-то перепоручил это дело дочери.

Адмирал на несколько мгновений замолчал, затем чуть прищурился и с раздражением произнес:

— Я ведь видел ее. Мог догадаться и остановить.

«А я еще и чувствовала, — подумалось мне со щемящей тоской. — Осколок чувствовала!»

Я еще не знала, откуда во мне взялось такое желание, но, не раздумывая, эмоционально попросила:

— Я должна ее увидеть!

На лице адмирала отразилось непонимание.

— Вы в своем уме?

Ответа он, естественно, не дождался, а, не дождавшись, продолжил:

— Представляете, что это за зрелище? Если вы, увидев оседланного грифона, подумали, что я намерен взять вас собой, то ошиблись, кадет Талмор. Да, сейчас мне необходимо снова навестись в следственный отдел, но вам там делать нечего.

ГЛАВА 4

Я была в корне не согласна. Точнее, умом согласна, а вот сердцем — нет. Поэтому буквально минут через десять мы уже парили над окутанным синевой Сумеречьем.

— Напомните, почему я на это пошел? — Голос адмирала сливался со свистом северного ветра.

— Просто иногда мне свойственно наглеть, — ответила я так тихо, что он точно меня не расслышал.

Я и себе объяснить не могла, почему вдруг настолько сильно захотела взглянуть на Гейру.

Собственный порыв казался ненормальным, но в то же время правильным. Вдруг я замечу то, что не заметили остальные? Никоим образом не сомневаюсь в работниках следственного отдела, но все же с кристаллом душ связана именно я. И осколок почувствовала тоже я.

Как ни странно, страха перед предстоящим «зрелищем» не было. Вряд ли что-то может оказаться страшнее полчища восставшей со дна нежити, а ею мне уже пришлось налюбоваться сполна.

— Держитесь крепче, — велел адмирал Рей, направив грифона на снижение.

Послушно плотнее к нему прижавшись, я ощутила, как к щекам прилил жар, совладать с которым не мог даже немислимой силы мороз. Если бы меня спросили, что страшнее: встретиться лицом к лицу с сотней потерянных душ или лететь вместе с адмиралом, я бы однозначно выбрала второе. И не потому, что он плохо управлял грифоном (вообще-то отлично), а потому что тесное соседство с ним было подобно глубинной пытке. Самой глубинной из всех глубиннейших!

Огни фонарей становились все ярче, свист ветра усиливался, и синяя дымка расступалась перед нами, являя взору пустынные улицы. В последний раз взмахнув крыльями, грифон приземлился на расчищенную площадку у центрального входа. Здание следственного отдела, как всегда, смотрелось уныло. И напрягало. И воспоминания навевало самые что ни на есть кошмарные.

Даже захотелось перефразировать вопрос адмирала: «Напомните, почему я решила сюда наведаться?»

Какого ши в мою голову пришла такая идея, я не понимала до сих пор, но помехой это не стало. Должно быть, свою роль сыграло желание стать

лично причастной к проводимому расследованию. Поверить, что все это происходит на самом деле и я действительно носительница особой крови.

Чтоб этой крови пусто было...

Адмирал помог мне спуститься с грифона, задержав при этом руки на моей талии чуть дольше, чем было нужно. Его глаза едва заметно блеснули, после чего он принял обычный холодно-сосредоточенный вид и уточнил:

— В последний раз спрашиваю, вы уверены?

В горле пересохло, голос, похоже, пропал, поэтому я лишь утвердительно кивнула в ответ.

Внутри мы вошли беспрепятственно, и один страж тут же взялся проводить нас на нижние уровни. Раньше я только слышала, а теперь убедилась воочию, что именно там проходят всевозможные процедуры, изучаются улики и... осматриваются трупы. Жутко, конечно, и противно, но такова суровая правда жизни.

В камере, куда мы вошли, было холодно и многолюдно. Здесь присутствовали уже знакомый мне зеленоволосый следователь, еще несколько стражей и мужчина в белом потрепанном халате. Последний стоял, склонившись над длинным столом, на котором лежало прикрытое простыней тело.

Стоило мне здесь оказаться, ощутить давящую атмосферу и специфический запах, как тут же возникло желание уйти. Но оно было мимолетным, почти мгновенно испарившимся, а страх так и не пришел. К чему бояться мертвых? Бояться нужно живых. Или поднятых. Или, в крайнем случае, потерянных душ.

— Адмирал Рей, хорошо, что вы зашли, — тем временем приблизился к нам следователь. — Уже известны результаты экспертизы.

Меня одарили выразительным взглядом, в котором так и читалось: «Какого ши эта особа тут делает, кто ее сюда впустил, пускай немедленно уходит и не мешает важным разговорам!» Ну или что-то в этом духе.

— Все в порядке, — проследив за его взглядом, успокоил адмирал. — Это Фрида Талмор.

Теперь взгляд зеленоволосого расшифровать не удалось, но в нем явно отразилось узнавание.

Мне захотелось съежиться и тихонечко растечься по полу, уподобившись попавшему в помещение снегу. Мысленно так и перенеслась в тот момент, когда сидела на допросе и по двадцатому кругу пыталась доказать свою непричастность к убийству пары троллей.

Когда следователь вновь обратился к адмиралу, я разве что облегченно не выдохнула:

— Как мы уже знаем, смерть была практически мгновенной. Так же удалось установить, что жертва не сопротивлялась и, вероятно, вообще не поняла, что произошло. Однако существует одно весомое «но». За последнюю пару часов на теле появились следы, никак не свойственные примененной магии смерти.

Адмирал моментально оказался рядом со столом, мужчина в халате откинул простыню, и... обзор мне загородили несколько широких мужских спин.

Воцарилась гробовая тишина. Глубоко вдохнув, я медленно подошла к ним, остановилась рядом с адмиралом и, собравшись с духом, посмотрела в белое как свежий снег лицо. Пожалуй, самым главным среди всколыхнувшихся во мне чувств было сожаление. А еще — нежелание признавать, что девушка, с которой я говорила еще вчера, сейчас мертва.

— Видите эти пятна? — точно издалека донесся до меня голос эксперта. — Обычно после воздействия магией смерти кожа покойного сильно белеет и остается чистой еще около пяти дней, а здесь...

Дальше я не расслышала, потому что меня пронзило осознанием: некромант, которого мне довелось видеть на пиршестве дроу, и тот, кто убил Гейру, — два разных мага. Хотя их магия была очень похожа, различия все же существовали. Это было невозможно выразить словами, только почувствовать каким-то необъяснимым внутренним чутьем... и, кажется, в настоящий момент такое чутье работало только у меня.

Тем не менее встравать в происходящий разговор я не стала и молча вслушивалась, надеясь узнать что-нибудь полезное.

— Пять отрядов стражей прочесали весь остров, но следов некроманта не обнаружили, — сообщил следователь. — Зато удалось задержать одного опасного пирата, который, по полученным сведениям, состоит в команде Кайера Флинта.

При звуках знакомого имени я даже вздрогнула от неожиданности. А вслед за этим задумалась: мог ли не некромант, а Флинт быть причастен к смерти Гейры? К сожалению, в отношении этого вопроса мое чутье молчало. Я вообще не слишком хорошо разбиралась в магии и не умела ее различать, только вот к некромантии почему-то оказалась чувствительна.

Через некоторое время адмирал изъявил желание пообщаться с пойманным пиратом, и мы поднялись на этаж выше. Шанса вставить свои пять копеек мне так и не представилось, но я и без того пока намеревалась молчать. Если и решусь поделиться своими наблюдениями, то только с адмиралом Реем, без посторонних.

Чем ближе мы подходили к нужной камере, тем страшнее мне

становилось. Смешно — на тело погибшей знакомой смотрела без боязни, а тут вдруг даже руки задрожали! Все потому, что камера, у которой мы остановились, была мне очень хорошо знакома. Да-да, она была той самой — говорящей и обладающей агрессивными повадками, в которой не так давно сидела я!

— О, здравствуйте, гости дорогие! — прозвучал бодрый старушечий голос, когда следователь отпер дверь. — Господин Шейн и... о, лорд Рей, какая честь!

Я, как могла, старалась держаться за спиной адмирала, но это не спасло от ехидной фразы:

— А кто это там позади топчется? Ой, глянь-ка, так это ж девка та слезливая! Ну шо, жизнь-таки наладилась, а?

«Девке той слезливой» как никогда захотелось провалиться в самую Глубину. На мгновенно покрасневшую меня обратился выразительный взор и следователя Шейна, и адмирала Рея, и стоящих поблизости стражей, и даже подавшегося к двери заключенного.

— А ты куда зенки лупишь? — уже совсем недружелюбно гаркнула камера. — Сидеть, я сказала!

Поднявшийся было на ноги пират тут же испуганно плюхнулся на тюфяк. В этом невысоком чернобородом толстяке я без труда узнала Пипа. Мысленно так и перенеслась на палубу «Черного призрака» в момент, где Флинт рассказывал о заядлом клептомане, специализирующемся на воровстве книг.

А как только я его узнала, так сразу и захотела не то что оказаться в Глубине, а вообще превратиться в морскую пену. Ведь в тот раз он мог меня запомнить!

Подстегиваемая этой мыслью, я быстро выскочила в тюремный коридор и отошла от камеры на безопасное расстояние. Сердце подпрыгнуло и стучало быстро-быстро, ноги сделались похожими на лишённые костей щупальца осьминога, по горлу точно морской еж прошелся. Ши возьми!

К счастью, мой уход не привлек внимания и никого не удивил. Пока адмирал и следователь о чем-то негромко переговаривались и периодически обращались к Пипу, я всей душой жаждала отсюда убраться. Но как бы то ни было, об этом визите не жалела и о своем внезапном желании посмотреть на Гейру — тоже. Мысли о ней и о некроманте не давали мне покоя, и я возвращалась к ним снова и снова.

Сейчас, не видя перед собой убитую, я не сомневалась в своей правоте. Примененное к ней заклинание действительно походило на

некромантию, но я откуда-то знала, что это не магия известного нам некроманта. А если так, то что это означает? Что в Сумеречье объявился еще один маг смерти? Да ну... быть не может.

Гипотеза номер два — Гейру убил теневой охотник. Ведь, как известно, магия последователей Нагхара имеет много общего с магией некромантов. И все же верить в это не хотелось. Неожиданно для себя я вдруг осознала одну странную вещь: мне не верилось, что Флинт или его правая рука могли убить ни в чем не виновную девушку. Пару горных троллей — запросто. Банду огров — не моргнув глазом. Но только не слабого, неспособного себя защитить человека!

Впрочем, возможно, я по-прежнему оставалась идеалисткой и пыталась увидеть хорошее там, где его нет.

Судя по испуганным воплям, на допросе Пипа адмиралом камера вновь отличилась. А судя по непрестанному скрежету железа, отличилась сильно. Незадачливый пират сдался минут этак через десять и признал, что действительно состоит в команде Флинта. Вслед за этим от него потребовали точную информацию о нынешнем местоположении «Черного призрака» и его капитана, но здесь Пип упорно молчал. Сказал лишь, что понятия не имеет, где нынче плавает эта глубинная посуда, с которой его так бесцеремонно высадили.

Сама по себе поимка Пипа, да и его слова откровенно пахли тухлой рыбой, и было совершенно непонятно, как Флинт вообще допустил, чтобы повязали члена его команды. Разве что этот клептоман вновь отправился на промысел, для чего и сошел на берег.

Только-только я об этом подумала, как господин Шейн подтвердил:

— Его задержали в городской библиотеке, расположенной на Смурной улице. Сегодня библиотекаря выслана повестка, днем состоится его допрос как свидетеля. Как только появится новая информация, я непременно вам сообщу.

Мне стало очень не по себе. Смурная улица, городская библиотека... старый эльфогном Слоуэн — ее бессменный и единственный библиотекарь, приходящийся мне добрым другом.

Мне еще предстояло тщательно подумать над многими вещами, но одно важное решение я все же приняла. Собственными глазами увидев Гейру, убитую из-за осколка кристалла душ, поняла, что сделаю все возможное, лишь бы предотвратить подобное.

Когда мы с адмиралом вышли на улицу, я остановилась у крыльца, набрала побольше воздуха и на одном дыхании выпалила:

— Я согласна.

В ответ на вопросительный взгляд уточнила:

— Согласна встретиться с Аэлиной Лавьет.

Мы стояли друг против друга, разделяемые лишь синей мглой и редкими хлопьями начавшегося снега. Дыхание порождало рассеянные облака прозрачно-белого пара, повторяющие в этот момент цвет глаз адмирала.

Мое решение он воспринял спокойно, но я уловила мягкие теплые нотки, прозвучавшие в его голосе:

— В таком случае, поездку в столицу надолго откладывать не стоит. Отправимся туда сразу после ближайшего рейда.

Я коротко кивнула, стараясь не выдать всколыхнувшегося в душе волнения. Оно было сильнее, чем я могла ожидать, — расплзлось по всему телу неприятной липкой субстанцией, сковав движения. Сложно. Очень сложно осознать, что через какую-то жалкую неделю я увижу свою биологическую родню!

В корпус мы возвращались, как всегда, порознь, дабы не давать лишнего повода для сплетен. Мой сегодняшний подъем на скалу вышел на диво легким — по ступеням я буквально взлетела, чувствуя при этом заряд небывалой бодрости.

После еще одной общей тренировки и одной индивидуальной кадеты собрались в аудитории, где нас ожидала лекция. Вел ее ни много ни мало сам капитан Вагхан, который почему-то опаздывал.

Мы с Крилл привычно расположились за вторым столом в центральном ряду, разложили вещи и принялись ждать. После вчерашнего разговора между нами возникло некоторое напряжение, которое очень меня угнетало.

Крилл выглядела крайне усталой и потерянной, похоже, не спала всю ночь. Мне искренне хотелось ей помочь, но я понимала, что об обращении к адмиралу она не захочет даже слушать.

Время близилось к вечеру, и аудитория утопала в полумраке. В этом помещении мы прежде были всего пару раз — обычно лекции проходили в другом. Аудитория была немного меньше прежней. А еще здесь имелся негаснувший камин, обеспечивающий постоянное тепло.

Ох уж эти мне каминны...

Саламандры развлекались тем, что швыряли в каминное пламя сгустки своего собственного огня. Такие действия порождали громкие взрывы и разлетающиеся во все стороны искры, похожие на огненный фейерверк.

— А вы что здесь забыли? — осведомилась Сильвия, неодобрительно

на них посмотрев. — У ловцов сейчас сбор перед рейдом, разве нет?

Организовав еще один особо громкий взрыв, Аргар фыркнул:

— Делать нам больше нечего, как такой ерундой страдать. Все равно ничего нового на таких сборищах не рассказывают. Капитан Вагхан сейчас, наверное, свою любимую речь толкает, поэтому и задерживается.

— Два наряда вне очереди, ловец Грэйдэ, — внезапно раздалось у двери. — Агира Грэйдэ, составите брату компанию.

Прошествовав к центральному столу, капитан Вагхан шумно опустил на него кипу папок и добавил:

— Можете приступать прямо сейчас. Пока кадеты будут прослушивать новый материал, вы займетесь составлением отчета за последний месяц.

Попавшиеся ловцы мгновенно побледнели, затем покраснели и снова побледнели, демонстрируя реакцию не саламандр, а меняющих цвет хамелеонов. Судя по всему, нудная однотипная работенка являлась для них настоящим кошмаром.

Пока они с видом мучеников приступали к отбыванию наказания, капитан повесил свой китель на спинку стула, проверил, все ли кадеты на месте, и принялся рассказывать о шаромагах.

Как всегда, лекция носила сугубо теоретический характер, а применять полученные знания нам предстояло непосредственно на практике. Помня о просьбе (точнее, приказе) капитана, свой шаромаг я взяла с собой, и сейчас он находился у меня в сумке.

— Шаромаг является примитивным артефактом, показывающим основную составляющую магии живого существа, — толкал речь капитан Вагхан, прогуливаясь меж рядов. — Пока вы усвоили лишь азы ремесла ловцов, и шаромаг может помочь вам в изучении собственной магии. Используя его, вы будете наглядно видеть изменения своих магических кристаллов, которые составляют суть любой магии.

Оказавшись перед своим столом, он без перехода спросил:

— Кто может подробнее рассказать о сути магии и ее материальной составляющей? Кадет Талмор, пожалуйста.

В мою сторону он даже не смотрел, поэтому его слова стали неожиданностью. Тем не менее я поднялась с места и, вспомнив все, что узнала по этому поводу из учебников, произнесла:

— Все живые организмы состоят из биологических клеток, которые можно взять за основную составляющую. В магии основной материальной составляющей также являются клетки, только они имеют другую структуру. В зависимости от направленности магии обладателя им свойственны разные виды и формы. Нарастая друг на друга, такие клетки

образуют кристаллы, которые мы можем увидеть в шаромагах. С приобретением опыта и оттачиванием навыков кристаллы могут видоизменяться, а в редких случаях — даже меняться полностью.

— Кадет Талмор получает бонус к итоговому зачету месяца, — удовлетворенно кивнул капитан Вагхан. — Продолжим.

Пока он более детально останавливался на освещенном мной вопросе, я походила на морского светлячка. Буквально светилась от гордости, которая так и распирала! Эта тема была новой, и мои скромные познания базировались исключительно на моем же учебном рвении.

Перейдя к другой части лекции, капитан повернулся к доске и принялся чертить на ней базовую схему кристалла, которую велел за ним перерисовывать.

Я опустила взгляд на тетрадь и только взялась за перо, как вдруг прямо на раскрытые страницы упала скомканная бумажка. Бросив быстрый взгляд на капитана Вагхана, я осторожно ее развернула и, увидев содержимое, обомлела.

«Отправляйся обратно в трущобы, безродная выскочка!» — гласило послание, выведенное неровными печатными буквами. Чуть ниже автор даже не поленился сделать рисунок: знак Лайара, символизирующий смерть.

Когда я завертелась, выискивая взглядом того, кто бы мог это написать, все кадеты старательно перерисовывали схему, уткнувшись в тетради.

Полученная записка не вызвала ни страха, ни злости, ни раздражения. Только укол разочарования — все, с кем я проходила обучение и служила в одном отряде, казались честными и порядочными. Было крайне сложно поверить, что некто мог оказаться мало того что завистником, так еще и трусом, боящимся выплюнуть свой яд мне в лицо.

В школьные годы из подобных записок я могла составить целую коллекцию. Еще в те времена они перестали меня задевать, но столкнуться с подобным в Морском корпусе я никак не ожидала. Да и за что желать мне смерти? За то, что заслужила похвалу капитана Вагхана? Что за детские выходки...

— Кадет Талмор, что у вас там? — прозвучавший прямо надо мной голос застал врасплох.

Капитан Вагхан, не изменяя себе, продолжал демонстрировать невероятную бдительность.

Показывать ему глубинную записку не хотелось совершенно, но требовательный тон, сопровождающийся не менее требовательным, можно даже сказать — препарирующим взглядом, вынудил это сделать.

Я уже приготовилась к грядущим разборкам и выяснению личности отправителя, когда записка вновь оказалась передо мной. Точнее, уже не записка, а пустой помятый листок.

— Урна там, — напомнил капитан, кивнув в сторону двери. — Увижу после лекции на полу мусор, будете драить весь этаж.

Ничего не понимая, я на негнущихся ногах поднялась и доставила «мусор» до места назначения. Прежде чем снова сесть, еще раз окинула кадетов и даже саламандр быстрым взглядом, но никто из них ничем себя не выдал.

Содержимое записки исчезло. Скорее всего, то были невидимые чернила, исчезающие после прочтения, — я такие как-то видела в лавке магических вещей.

Как бы то ни было, внимания на случившееся я предпочла не обращать и, снова сконцентрировавшись на лекции, принялась усердно перерисовывать схему.

Когда прозвучал гонг и все стали расходиться, я нарочито медленно складывала вещи в сумку, намереваясь уйти последней. Быстро собравшаяся Крилл выразительно на меня посмотрела, как бы спрашивая, почему я копаюсь. Я попросила ее меня не дожидаться, на что она пожала плечами и ушла вместе с остальными.

Помимо нас с капитаном в аудитории остались только саламандры, но эти двое так страдали над отчетами, что их присутствие в расчет можно было не брать.

Достав свой шаромаг, я нерешительно приблизилась к капитану Вагхану:

— Вы говорили, что поставите на него защиту...

Приняв шаромаг у меня из рук, капитан внимательно его осмотрел и, заметив трещину, скептически заметил:

— Вы получаете приличное жалованье, кадет Талмор. В этом месяце — еще и с премией. Неужели не могли сходить в хороший магазин, вместо того чтобы по дешевке приобретать брак?

— Он исправен, — попыталась возразить я. — Просто...

По правде говоря, весомых аргументов не нашлось. Не могла же я сказать, что до сих пор страдаю от привычки нещадно экономить и берегу каждую копейку. Когда в твоей жизни случаются моменты, о которых хочется забыть, когда лучшим лакомством становится кусок черного хлеба, не так просто себя перебороть. Глубоко внутри всегда сидит опасение, что это может повториться.

Судя по всему, внятного ответа от меня и не ждали. Крепко сжав

шаромаг, будто желая превратить его в лепешку, капитан прошептал несколько рваных фраз. За стеклом за клубился синий туман, постепенно сменившийся множеством мелких искорок. Затем все исчезло, а еще — исчезла та самая трещинка. И теперь мой шаромаг выглядел совсем новеньким, даже чуть-чуть поблескивал.

Поблагодарив, я осторожно отправила его обратно в сумку, попрощалась и отправилась к себе. Коридоры этим вечером пустовали и, утопая в полумраке, выглядели жутковато. Впрочем, наверное, мне так казалось из-за утреннего визита в следственный отдел, после которого было сложно смотреть на что-либо позитивно.

Идя по переходу в общежитие, я внезапно вспомнила, что так и не надела подаренный адмиралом кулон. Он все еще лежал в кармашке пальто, которое сейчас находилось в комнате.

— Вот ши, — пробормотала я, ускорившись.

Не то чтобы всерьез опасалась, что в стенах родного корпуса со мной может что-нибудь случиться, но все-таки было тревожно. Еще и глубинная записка наложила свой отпечаток. Как бы я ни старалась о ней не думать, она то и дело пробиралась в мысли.

Впервые за время службы я чувствовала себя незащищенной. Не беззащитной — именно незащищенной, чего в этой крепости никогда за собой не наблюдала. Ведь даже Дымок здесь слабее, чем обычно!

Вместо привычных опасений воспоминание о привязанной ко мне душе неожиданно согрело. Тут же вспомнились и наш разговор с адмиралом, и его теплый взгляд, и каждое произнесенное слово... Какая же я дура! Да что мне может угрожать в корпусе, когда здесь находится сам Эртан Рей?

Благополучно добравшись до комнаты, остаток вечера я потратила на сборы. Отправляться в трехдневный рейд было уже не впервой, но легкое волнение все равно присутствовало. До сих пор испытывала смесь благоговения и восторга, поднимаясь на борт нашего «Летящего»!

За сборами и душем я совсем забыла об ужине и на него отправилась одной из последних. Перед этим повесила на шею кулон, спрятав его под одеждой. Пока снова шла по многочисленным коридорам и поднималась по ведущей в башню лестнице, не могла отделаться от навязчивых неприятных ощущений. Умом понимала, что вокруг меня нет ничего страшного, но сердце отчего-то было не на месте. А на полпути к обеденному залу и вовсе стало казаться, что за мной кто-то следит.

Паранойя, не иначе! Может, я и ундина особых кровей, но это вовсе не значит, что вокруг меня вращается весь мир и всем есть до меня дело. Если

дергаться от каждого шороха, так и с ума сойти недолго...

ГЛАВА 5

Уже ночью на море разразился шторм. Непогода так бушевала, что над запланированным рейдом повис большой и жирный вопросительный знак. Ветер свистел в каминных трубах, швырял в окна охапки колючего снега и поднимал невероятного размера волны. Последние ударялись о подножие скалы, разлетались на тысячи брызг и порождали шум, сравнимый с раскатами грома.

Именно этот шум и разбудил меня ни свет ни заря, он же заставил выползти из теплой постельки и посмотреть в окно. Увиденное оптимизма не внушало. Захотелось немедленно закутаться в одеяло и не казать на поверхность носу до тех пор, пока все это безобразие не прекратится.

Но ловцы потерянных душ — это же не просто форма и военноморская выправка! Ловцы — это отвага, решимость, умение не отступать перед трудностями! И самоотверженная глупость, если учесть, что рейд все-таки не отменили.

Обсуждение шло прямо за завтраком, где собрались и рядовые ловцы, и капитаны, и адмирал Рей. Ну и кадеты, в данном случае — без права голоса.

Капитан Диатей, отряду которого сегодня также предстояло выходить в море, напомнил, что по уставу ненастья не являются поводом для отмены рейда, и упомянул, что, по прогнозу, шторм уляжется уже после обеда.

Так что как бы ни хотелось остаться в теплом помещении, вскоре я в окружении таких же бедолаг топала к полигону. Там уже стояли оседланные грифоны, рассевшись по которым, мы полетели к пристани.

Даже несмотря на шторм, адмирал с нами не отправился. Он остался на суше, и я подозревала, что это связано не только с делами, требующими его присутствия в корпусе, но и с проводимым расследованием.

Рейд с самого начала отличался от предыдущего. Если в прошлом кадеты лишь наблюдали и помогали в меру своих скромных сил, то сейчас от нас требовалось работать на уровне настоящих ловцов.

Я носилась как испуганная рыба, стараясь не отставать от Косички — своего неизменного личного куратора, и ничем не уступать остальным. Несмотря на подсобляющие потерянные души, привязанные к кораблю, сегодня мы все выполняли обычную командную работу. Поднимали паруса, следили за направлением ветра, подтягивали канаты и одновременно наблюдали за горизонтом.

Хотя капитан Вагхан и обеспечивал кораблю защиту, сравниться по силе с той, что устанавливал адмирал, она не могла. «Летящий» знатно потряхивало, через борт переливалась морская вода, отчего палуба быстро покрылась белым соляным налетом.

Когда мы приблизились к барьеру, все заняли свои позиции. Я оказалась стоящей почти на самой корме, рядом с Косичкой, и приготовилась. Всего секунда — и барьер остался позади.

Нас выбросило в открытое, кишачье потерянными душами море. Море, которое неистовствовало, показывало дурной нрав и совсем не радовалось наведавшимся к нему гостям.

Потерянные души не заставили себя ждать, напомнив, что теперь их мгновенное появление считается нормой. Правда, было их всего четыре, так что справились мы без особого труда. Но не прошло и часа, как объявилась еще парочка — уже посильнее. С ними пришлось повозиться: общими усилиями сплести сложную сеть, а затем долго и упорно пытаться поймать этих вертких и крайне злобных созданий.

После наступило временное затишье. Даже море немного успокоилось, как и предсказывал капитан Диатей. Пользуясь возможностью передохнуть, я отошла подальше от остальных, положила руки на борт и, глядя на волнующуюся темно-синюю воду, шумно выдохнула.

То еще выдалось утро...

Что-то странное, медленно движущееся под толщей воды я заметила еще до того, как раздались крики. Сначала это был размытый силуэт, который я списала на разыгравшееся воображение. Но совсем скоро стали различимы голубоватая, отливающая перламутром кожа, черные у корней и синие на концах волосы, блестящая мелкая чешуя...

— Русалки! — громко выкрикнул кто-то. — За бортом — дикие русалки!

Не успели звуки голоса смолкнуть, как из моря, точно дельфины, выпрыгнули девушки с рыбьими хвостами. Звонко засмеялись, игриво глядя на корабль, и снова нырнули в набежавшую волну.

— Всем отойти от борта! — отдал приказ капитан Вагхан. — Магию не применять!

Не так давно русалок внесли в Синюю книгу как редкий вымирающий вид, поэтому причинять им вред строго запрещалось. В древние времена на них велась охота, прозванная перламутровой лихорадкой. Чешуя русалок — очень дорогой материал. Летом у них случается что-то вроде линьки, и, если знать нужные места, можно найти ее прямо на побережье. Но некоторые, не дожидаясь лета, отлавливали русалок и сдирали чешуйки

живьем — преимущественно таким варварством занимались пираты. Поэтому до сих пор между русалками и пиратами существовала особая нелюбовь. И именно пираты чаще всего становились жертвами этих с виду безобидных существ.

Пока в голове, шелестя страницами, проносился мой личный мыслительный справочник, я выполнила приказ, отойдя подальше от борта. Защита защитой, но русалки и заморозить могут. Причем не важно, мужчина ты или женщина. Сам на дно прыгнешь, прямо в гостеприимно распахнутые объятия Нагхара.

— Пир-р-раты, — шипели русалки, снова и снова выпрыгивая из воды. — В пяти милях отсюда пир-р-раты, впр-р-раво...

Когда сказанное ими услышал капитан Вагхан, начался дурдом. Самый настоящий дурдом, переплунувший даже суматошное утро! Скрипели покачивающиеся реи, шелестели терзаемые паруса, сходило с ума беспокойное море, смеялись и шипели русалки, и сквозь весь этот шум прорывался голос командующего капитана Вагхана.

«Летящий» медленно разворачивался, борясь с шальным ветром и сопротивлением гигантских волн. Такое я видела впервые и молилась только о том, чтобы не поскользнуться на палубе и не сделать что-нибудь не то. Как правило, основная часть работы ложилась на управляющие кораблем потерянные души, но сейчас весь отряд работал с ними наравне.

А вот когда «Летящий» развернулся на сто восемьдесят градусов и капитан scomандовал полный вперед, я увидела силу потерянных воочию. Паруса вздулись как наполненные воздухом легкие, палуба под ногами вздрогнула, и... стало понятно, почему наш корабль носит такое имя. Мы буквально полетели! Действительно полетели, едва касаясь кромки воды!

Стая русалок все еще плыла за нами, но постепенно отстала — их голоса делались все тише, хотя после еще долго продолжали звучать в ушах.

Никогда раньше я не замечала за собой расизма, но сейчас русалки как таковые были мне неприятны. Вот неприятны, и все тут. Как кошка собаке. Наверное, все из-за крови ундин. Мы же вроде как на противоположных сторонах стоим, русалки — с глубинным Нагхаром, ундины — с поднебесной Ританой.

Когда обозначенные пять миль оказались пройдены, пиратами даже не запахло. Аргар посмотрел в подзорную трубу и вскоре сообщил, что никаких кораблей поблизости нет.

— Проклятье, — негромко выругался капитан Вагхан. — Нашел кому поверить...

— Может, это был Флинт? — предположила Агира. — Его фрегат постоянно то появляется, то исчезает... настоящий «Черный призрак».

— Типун тебе на язык, баба бестолковая! — цыкнул вышедший на палубу дреу, до сего момента трусливо отсиживавшийся в трюме. — Нашла кого поминать, ящерица огненная!

«Ящерица огненная» на оскорбление отреагировала моментально, и наш матрос получил по носу сгустком пламени. Ойкнул, отпрянул, открыл рот, явно намереваясь выругаться, но тут же опасливо прикусил язык.

Повисла недолгая тишина.

— Капитан, — нарушил ее Тэйн. — Если я правильно понимаю, мы вошли в Пентаграмму?

Тишина повисла снова. Абсолютная, не нарушаемая даже плеском волн и свистом ветра — шторм незаметно затих, на что я обратила внимание только сейчас. Но какое дело до шторма, когда мы, следуя указаниям русалок, вошли в одну из самых опасных зон Сумеречного моря? Кладбище кораблей или, как его еще называли, Пентаграмма, поглотило не одну сотню судов.

Все взгляды, и мой в том числе, обратились в сторону застывшего капитана Вагхана. Судя по его виду, Тэйн попал в точку. А судя по тому, что никто из нас (даже сам капитан) не заметил, как мы сюда приплыли, своими чарами русалки все-таки воспользовались.

Тысяча кругов глубины!

Относительно небольшой участок моря в форме пятиконечной звезды пользовался дурной славой не просто так. Не просто так здесь затонуло и столько кораблей. Это было место, где магия вела себя самым непредсказуемым образом, а любая защита с кораблей чаще всего попросту исчезала, чем пользовались и потерянные души, и глубинные твари, и даже некоторые русалки, любящие утащить моряков на дно.

А еще, если верить слухам, здесь обитали чернозубые акулы. Много чернозубых акул, встреча с которыми грозила потерей конечностей, а то и жизни!

«Бух!» — раздался поблизости глухой стук. Это наш женоненавистник-дрео лишился чувств.

Капитан Вагхан бросил на него быстрый взгляд, затем с уверенным видом расправил плечи. Не став терять времени, он отдал приказ привязанным душам вести корабль обратно, а ловцам — занять свои позиции на случай, если атакуют потерянные.

Повисло ощутимое напряжение, а когда спустя несколько минут корабль не сдвинулся с места, оно усилилось в разы.

— В чем дело? — резко спросил капитан.

— Наша сила не действует, — прошелестели негромкие мужские голоса. — Не можем управлять...

За те самые считанные минуты утихший шторм перерос в штиль, и «Летящий» встал как вкопанный. Обычно в таких случаях его управление полностью брали на себя души, но, раз сейчас они оказались бессильны, у нас появились проблемы. И проблемы крупные.

«Шлеп!» — раздался плеск волн — это очухавшийся дреу выбросил за борт свою старую швабру.

— Ты зачем это сделал, плесень корабельная?! — вскинулась обиженная на него Агира.

— Шоб вы, бабы, понимали, — пробубнил он. — Примета такая: шоб призвать ветер, нужно в море швабру бросить или мачту поцарапать!

Сказав это, дреу незамедлительно приступил к воплощению альтернативного варианта.

Пока он царапал ножом по дереву, капитан Вагхан ровно произнес:

— Ветра можно не ждать, его здесь не бывает. У нас есть три варианта. Поскольку магия в Пентаграмме непостоянна, можно подождать, пока души сумеют снова взять управление. Но неизвестно, когда это случится и случится ли вообще. Второй вариант — проверить, можем ли пользоваться магией мы, и, если можем, направить ее на выход из этих вод. И вариант номер три, на случай, если не сработает второй, — садиться в шлюпки и выбираться за пределы Пентаграммы на них.

Третий вариант предполагал множество нюансов и рисков, но все понимали, что другого может не остаться. Если прибегнем к нему, за «Летящим» все равно придется возвращаться, только уже с подмогой.

И надо же было адмиралу не пойти с нами в рейд именно сегодня! Что-то мне подсказывало: он сумел бы в одиночку управлять кораблем даже здесь.

Когда все стали проверять наличие магии, выяснилось, что она работает только у ундин и частично — у альвов. То есть у меня с Косичкой и у Сильвии с капитаном Вагханом. Потянувшаяся ко мне водная струя стала полнейшей неожиданностью — я даже не сомневалась, что окажусь бессильна! Сперва я просто не поверила своим глазам, но всеобщее внимание, тут же устремленное в мою сторону, поверить вынудило.

Однако вскоре открылся еще один неожиданный и крайне неприятный факт. Хотя альвы и не утратили магию полностью, толком ее использовать не могли. Сильвия откровенно злилась, что-то шипела сквозь зубы и не оставляла попыток заставить внутреннюю силу слушаться. Капитан

оставил эти попытки быстрее, поняв, что пользы не будет, а время уходит.

Прикованное к нам с Косичкой внимание стало еще ощутимее. Я даже невольно спряталась за Косичкину спину, надеясь, что никому в голову не придет просить нас брать управление под контроль. Впрочем, о чем это я? Конечно, не придет — это ведь просто смешно! Даже у Тэйна ни в жизнь сил не хватит, что уж говорить обо мне!

— В любом случае попытаться стоит, — ровно произнес капитан Вагхан, на сей раз вынудив меня усомниться в собственном слухе. — Ловец Бродельврок и кадет Талмор, поскольку магия в этих водах ведет себя непредсказуемо, есть пара процентов вероятности, что вам удастся прыгнуть выше головы. В других обстоятельствах это было бы невозможно, но сейчас...

Его речь прервал сильный толчок, от которого корабль качнулся. Теперь это был не рухнувший в обморок дреу, не выкинутая за борт швабра, а...

— Акулы! — во всю глотку завопил Горт. — А-а-акулы!

После его крика мне тоже захотелось повторить это «а-а-а». Но тут повторилось кое-что другое: толчок, по силе превосходящий предыдущий.

После него я уже не только за спину Косички спряталась, но и машинально вцепилась ему в плечи, чтобы не упасть. На несколько мгновений меня сковал ледяной ужас: с чернозубыми акулами я прежде не сталкивалась и знакомиться с ними сейчас совсем не хотела.

— Фрида, соберись, чтоб тебя! — неожиданно выругался Тэйн, развернувшись ко мне лицом. — Забудь о плетении сетей, сейчас будем использовать чистую магию. Просто обеспечь мне максимальную подпитку, как делала всегда, а остальное я сделаю сам!

Нужный эффект на меня оказал не столько смысл слов, сколько его тон. Больше не медля, я вытянула перед собой руки, призывая энергию из морской воды, и та незамедлительно откликнулась, потянувшись на корабль двумя переливающимися струями.

Меж тем мир на месте не стоял, и, концентрируясь на своем занятии, я мимолетно отмечала происходящее вокруг. Капитан Вагхан и Сильвия действовали по той же схеме, что и мы с Косичкой: Сильвия обеспечивала капитану подпитку, и тот направлял все силы на восстановление защиты корабля. Судя по всему, пока получалось не очень.

Контроль собственной магии альвам по-прежнему давался с трудом, а то и не давался вовсе. Заставив себя не смотреть в их сторону, я полностью сосредоточилась на себе, своей силе и энергии морской воды, проходящей через меня и передающейся Тэйну. Занятая собой, я не видела и не знала,

получается ли что-то у Косички, есть ли хоть какой-то результат от наших действий и не показалась ли из темных вод чернозубая гигантская пасть.

Судя по испуганным прерывистым вскрикам — показалась, и не одна.

— Поглоти меня Глубина! — взвизгнул один из кадетов, за что тут же получил выговор от своего куратора:

— Следи за речью! Если не хочешь отправиться на дно, поминай лучше Поднебесье!

Короткое препирательство прошло мимо меня, но все же что-то из услышанного заставило меня вздрогнуть и задуматься. А уже через несколько мгновений я поняла, что именно: Поднебесье.

Ундины, как никто другой, связаны с Ританой — поднебесной покровительницей всех морей. Вот почему наша с Тэйном магия работает даже в Пентаграмме! Пусть я полукровка, но давно пора признать, что принадлежность к особому древнему роду подразумевает наличие немалых сил. Нужно лишь суметь ими воспользоваться, заставить пробудиться...

Как ни старалась, прыгнуть выше головы, как выразился капитан Вагхан, я не могла. Выжимая из себя максимум возможностей, я давала Тэйну ровно столько энергии, сколько всегда, и, кажется, этого все-таки не хватало.

Далеко не сразу мне удалось заметить, что сдвинуть «Летящий» Тэйн больше не пытался. Вместо этого он направлял все силы на восстановление магической защиты, объединяя усилия с капитаном и Сильвией. У последних, кажется, наметился прогресс, отчего перед нами блеснул робкий лучик надежды.

Чернозубую акулу я все-таки увидела, причем буквально перед собой. Эта зараза выпрыгнула из воды, раззявила пасть, дыхнув на меня непередаваемым амбре, щелкнула челюстями и нырнула обратно.

От ужаса я даже чуть энергетические потоки из рук не выпустила! Но в последний момент сумела удержать и заставить себя не думать, где и в каком окружении нахожусь. Драгоценное время утекало, как вода сквозь пальцы, а защита восстанавливалась крайне медленно, неохотно, в то время как акулам вести игру надоело.

«Летящий» трянуло так, что еще немного — и он переименовался бы в «Тонущий». Не удержав равновесия, я рухнула на палубу, присоединившись к тем, кто также не устоял на ногах.

— Вставай! — держащийся за канат Косичка протянул мне руку. — Ну же, хватайся!

Я ухватилась, но только сделала попытку встать, как корабль снова трянуло. Поскользнувшись, я опять упала и, откатившись назад, больно

ударилась спиной о борт.

Началось какое-то безумие. Чернозубые твари бились о днище с такой синхронной силой, словно обладали разумом и желали пробить в корабле брешь.

Обрывки фраз, плеск воды, скрип дерева — все звуки доносились до меня словно из-за ватной стены. Мир казался размазанным, нереальным, а я сама находилась как будто не здесь. Наблюдая за всем происходящим отстраненно, я понимала лишь одно: нельзя сдаваться. Нельзя просто так лежать и ничего не делать, в то время как другие борются и за свою жизнь, и за жизни остальных.

Кое-как ползком придвинувшись к мачте, я ухватилась за нее изо всех сил, подтянулась и поднялась на непослушные ноги.

В Пентаграмме явно правила Глубина, потому как ровно в этот же момент корабль в очередной раз содрогнулся. И хотя мне удалось удержаться на ногах, этого не удалось Лейону — одному из наших ловцов и лучшему другу Аргара. Расширившимися от ужаса глазами наблюдая, как он падает за борт, я не верила тому, что вижу.

— Ловец за бортом! — все из-за той же ватной стены донесся до меня голос капитана, рядом с которым тут же появился Аргар.

В руках саламандра оказался небольшой бочонок, крепко перевязанный веревкой, который вскоре последовал за Лейоном. К Аргару присоединились еще несколько ловцов, помогая ему удерживать конец веревки, а что происходило в море, я просто не видела.

Отыскала взглядом Тэйна, который все это время справлялся без моей помощи, и хотела было побежать к нему, но ноги словно приросли к палубе. Внезапно я предельно ясно поняла, что это бессмысленно. Что бы мы сейчас ни сделали, все бессмысленно. Сил попросту не хватит — в этих водах верх над Ританой испокон веков одерживает Нагхар.

Стало по-настоящему страшно и за себя, и за остальных. Вспомнился недавний трагический рейд капитана Диатея, из которого вернулась всего половина отряда. Неужели и нас постигнет та же участь? Неужели все закончится вот так?

Как это обычно бывает в такие мгновения, время замедлилось. Я словно видела себя со стороны — с застывшим, точно стеклянным взглядом, растрепавшейся косой и размотавшимся алым шарфом. Чувства переполняли, и я, неспособная их умерить, была близка к тому, чтобы дать им выйти наружу. Еще не понимала, что со мной происходит, но ощущала, как глубоко внутри что-то просыпается, медленно наполняет кровь, неумовимо меняя меня саму. Глаза застлала темная пелена, легкие обожгло

немыслимо морозным воздухом, и... Все закончилось так же внезапно, как началось. Я даже не поняла, что со мной произошло, но отошла быстро.

Списав странное состояние на магию ундин, сорвалась с места и побежала туда, где стояли ловцы и кадеты. Уже на бегу я неожиданно осознала, что палуба под ногами больше не качается, а плеск, производимый акулами, исчез.

Увидев, вокруг чего, а вернее — кого столпились ловцы, я пошатнулась и закрыла рот ладонью, подавляя крик. При виде окровавленного Лейона мне стало плохо, но самое главное — он был жив. Порвав нижнюю рубашку на лоскуты, Аргар с помощью Агиры перевязывал ему раны, но было предельно ясно, что пострадавшему парню срочно требуется помощь врачей.

Обнаружив рядом с собой дрожащую, истерично всхлипывающую Крилл, я машинально коснулась ее руки, желая приободрить, и внезапно заметила, что кое-что изменилось. Кое-что важное. Капитан Вагхан, Тэйн и Сильвия, неестественно бледные, тяжело дышащие сидели прямо на мокрой палубе. А корабль покрывал едва заметный, но вместе с тем прочный барьер.

ГЛАВА 6

Наш выход из Пентаграммы можно было назвать настоящим чудом. Акулы неожиданно присмирели, перестав атаковать корабль, барьер защитил от прочих негативных воздействий, а уже спустя полчаса нашим потерянным душам удалось вновь взять под контроль управление «Летящим».

Учитывая состояние Лейона, ни о каком продолжении рейда, естественно, не могло быть и речи — капитан сразу же взял курс на Сумеречье. Но не проплыли мы и полмили, как из стелившегося над водой легкого тумана появился еще один фрегат королевского флота. И не просто фрегат — «Синий волк», выходящий в море под командованием капитана Диатея.

Корабли остановились бок о бок, и я заметила стоящего рядом с капитаном адмирала, который уже через мгновение оказался около нас.

Планы поменялись: рейд было решено продолжить, а Лейона доставить в корпус на «Синем волке». Пока пострадавшего транспортировали, капитаны и адмирал обсуждали произошедшее, и поскольку я стояла поблизости, прекрасно слышала их разговор.

О том, как именно адмирал узнал, что нам требуется помощь, никто не спросил. Капитан Вагхан, вероятно, догадывался об этом и так, но я знала точный ответ — подаренный мне амулет.

— Здесь был некромант, — неожиданно заявил адмирал. — И он пользовался магией.

К нему тут же обратилось множество изумленных взглядов — к разговору прислушивалась не только я, но и весь отряд.

— Мы ощутили магию смерти еще в то время, когда вы были в Пентаграмме, — пояснил капитан Диатей. — Он был где-то поблизости. Возможно, именно некромант при помощи русалок направил вас к кладбищу кораблей, только неясно, для чего.

Мы давно выбились из графика, Лейону требовалась срочная помощь, поэтому общение адмирала и капитанов долго не продлилось. Обсуждение множества возникших вопросов отложили до нашего прибытия в корпус, капитан Диатей вернулся на свой корабль, и «Синий волк» с «Летящим» разошлись.

Адмирал остался с нами. Поймав его мимолетный взгляд, за короткие доли секунды я прочла в нем слишком многое. И внезапно захотела

оказаться рядом — совсем рядом, чтобы чувствовать как можно ближе этот ореол уверенности и поддержки, защищенность и покой.

Адмирал переживал за меня. Внешне по отношению ко мне оставался абсолютно бесстрастным, ничем не выделял среди других, но я интуитивно чувствовала его волнение... Пожалуй, даже больше, чем просто волнение. И среди всего сегодняшнего безумства, пережитых кошмаров и тревог это отношение стало моим утешением. Сладкой пилюлей, почти полностью исцелившей от страха.

— Говорил же — бабам на корабле не место, — пробурчал вновь высунувшийся на палубу дреу. — Только беды притягивают... И швабру свою родную из-за них выкинул!

Его ворчание вызвало невольную улыбку. Оно как будто говорило — все хорошо, все обошлось, ничего непоправимого не случилось. Мысли о том, что могло бы произойти, не восстанови капитан защиту и не исчезни вдруг чернозубые акулы, нагоняли настоящую жуть. Но главное — мы спаслись, и слава поднебесным.

— А отличное ведь приключение! — весело улыбнулся Аргар, никогда не теряющий бодрости духа. — А то что это все вечно отряду капитана Диатея достается? Должно же когда-нибудь и нам перепасть!

Агира отвесила брату звучный подзатыльник, выражая всеобщее мнение: такие приключения никому и даром не нужны.

На море все было тихо, потерянных не наблюдалось, и кадетов отпустили отдохнуть в каюты. Еще никогда не слишком мягкая койка не казалась мне такой прекрасной. Упав на нее, не снимая сапог, я растянулась во весь рост и закрыла глаза. Плеск волн и мерная качка убаюкивали, но я просто балансировала на грани сна и реальности, невольно прокручивая в мыслях все увиденное и услышанное за сегодня.

Некромант. Неужели он в самом деле был поблизости? Неужели наше появление в Пентаграмме — его рук дело? Очень не хотелось думать, что происшедшее как-то связано с кристаллом душ, но вероятность такого варианта была высока. Пора было признать, что все странные события, случающиеся в последнее время, так или иначе связаны с ним. И со мной, ши возьми!

Вновь вспомнив необъяснимое состояние, охватившее меня некоторое время назад, я открыла глаза, присела и притянула к себе сумку. Бросила быстрый взгляд на Крилл — она лежала, отвернувшись лицом к стене, — и достала свой шаромаг.

Собравшись, я хорошенько его встряхнула и замерла, дожидаясь, пока внутри сформируется кристалл. Цветок не заставил себя ждать — он был

таким же, как в прошлый раз, только чуть более ярким. Значит, моя магия постепенно крепла.

Порадовавшись этому обстоятельству, я уже собралась отправить шаромаг обратно, когда вдруг заметила, что один из лепестков хризантемы потемнел. Едва-едва, почти незаметно, но все же будто покрылся темно-серым налетом.

Подумать над тем, что это могло значить, мне помешала Крилл, перевернувшаяся на другой бок. Посмотрев на шаромаг, она буднично поинтересовалась:

— Что делаешь?

Я с трудом подавила желание тут же закрыть хризантему — благо вовремя вспомнила, что капитан Вагхан установил специальную защиту, не позволяющую посторонним видеть истинное отражение моей магии.

— Проверяю уровень способностей. — Мне даже не пришлось врать. — Вроде бы прогрессирую.

Крилл подперла голову рукой и вздохнула:

— Не думала, что это будет так тяжело. Когда я увидела окровавленного Лейона, чуть не лишилась чувств. Ты, наверное, подумаешь, что я сумасшедшая, но мне кажется, вокруг происходит что-то странное. Странное и опасное. Адмирал и капитаны об этом знают, но нам не говорят...

Мне бы очень хотелось поговорить с подругой по душам, рассказать ей обо всем, но разве я могла? Будь это только моя тайна — наверное, поделилась бы. Но кристалл душ касался не только меня, и само знание о нем подвергало риску. Поэтому для Крилл, как и для многих других, было лучше находиться в неведении.

Вскоре в дверь постучали с привычными ворчливыми нотками:

— Ужин забирайте!

Дроу вкатил в каюту передвижной столик, уставленный тарелками с наваристой ухой, хлебом и крепким черным чаем. Наш кок всегда готовил хорошо, но сегодня просто превзошел себя — уха была удивительно насыщенной, ароматной и сытной. Правда, даже такую вкуснятину пришлось есть с трудом, так как аппетит отсутствовал вовсе.

Крилл, в отличие от меня, ела с удовольствием и, судя по виду, в этот момент считала простую уху лучше подаваемых аристократам к столу изысков. Забыв о привычках леди, она разломала ржаной хлеб, обмакнула его прямо в бульон и, посмотрев на меня, спросила:

— Ты себя хорошо чувствуешь? Какая-то бледная...

Чувствовала я себя неважно. Крилл даже спрашивать не требовалось

— и так знала, что выгляжу паршиво. Аппетит появляться не желал, тело охватила неожиданная слабость, и в целом ощущения были такими, словно я не притрагивалась к еде несколько дней, одновременно занимаясь тяжелыми физическими нагрузками.

— Я полежу немного, — сказала я, подумав, что так меня не накрывало даже после тренировок. — Устала просто.

Немного полежать не получилось — неожиданно я проспала до самого позднего вечера. Казалось, прикрыла глаза всего на минутку, а когда открыла, часы показывали двадцать два часа. Крилл в каюте уже не было, наверху раздавались голоса, прислушавшись к которым я мгновенно избавилась от возникшей тревоги. Никаких криков, паники и звуков, напоминающих бой. Уже хорошо.

Поднявшись с кровати, я подошла к настенному зеркалу и, взглянув на свое отражение, успокоилась окончательно. Возможно, некоторая бледность еще осталась, но, во всяком случае, живого мертвеца я не напоминала.

Раз меня не звали, значит, ловцы по-прежнему справлялись без помощи кадетов, но я все равно решила подняться наверх. Тем более что мы с Тэйном были среди тех, кому предстояло нести вахту в первой половине ночи.

На палубе меня встретили легкий морозный ветер и высокое чернильное небо, усыпанное множеством сверкающих звезд. Ночь выдалась поразительно ясной, чарующей, беззастенчиво выдающей тайны всех созвездий. Я не очень хорошо разбиралась в звездах, но без труда нашла и созвездие Ританы, и Руэниса — повелителя поднебесных ветров, и Таггара — первого в истории ловца. На миг почудилось, что я увидела даже знак Лайара, но, конечно, это было не так. Глубинному покровителю смерти нечего делать на небесах.

— Красиво, верно? — произнес Косичка, когда я к нему приблизилась.

Мы оба стояли, запрокинув голову, и смотрели на небо, впитывая его и наслаждаясь минутным покоем. Рядом с ним мне было по-особенному хорошо. Для меня Тэйн все еще оставался немножко снобом, но я давно поняла, что это лишь очень маленькая его часть. А за ней скрыты отзывчивость и чуткость, готовность всегда прийти на помощь.

Я давно заметила, что у таких, как Тэйн, обычно мало друзей, потому как подпускают они к себе немногих. Но если уж тебя сочли другом или хотя бы приятелем, можешь быть уверен, что обзавелся надежной опорой. Такие друзья не становятся бывшими и не предают. А еще именно сейчас я поняла, что настоящая дружба и рождается вот так — в сложных

ситуациях, когда нужно действовать вместе, положиться друг на друга и доверять.

Наверное, дружба — это в первую очередь и есть доверие.

— Фрида, Тэйн! — позвала нас Агира. — Эй, кадет Талмор и ловец Бродде... Бродельвр... ундины, короче, идите к нам!

Утратив философское настроение, невольно фыркнула: оказывается, не одна я плохо выговаривала фамилию Косички.

На ближайший час управление кораблем легло исключительно на адмирала и потерянных душ. Капитан Вагхан и большая часть ловцов разошлись по каютам, а неугомонные саламандры организовали для самых стойких активную деятельность, предложив сыграть в кости.

— Что еще за дикость? — сложив руки на груди, поморщилась Сильвия. — Мы же не пираты!

— При чем тут пираты? — искренне удивился Аргар, уже приспособившийся в качестве стола «спасательный» бочонок. — В порту в кости все играют, честные моряки — в том числе.

В интонации Сильвии сквозил скепсис:

— Мы не просто моряки, а ловцы потерянных душ, состоящие на службе в королевском морском флоте. И должны соответствовать.

— Так, кадет! — не выдержал Аргар, вспыхнув в самом буквальном смысле. — Или присоединяйся, или марш спать, нечего здесь капитана нравочениями изображать!

Как ни странно, из двух предложенных вариантов Сильвия выбрала первый. Вообще-то я тоже не очень жаловала подобные игры, но, в конце концов, раз играют даже ловцы, то почему бы и нет?

Играли парами. Саламандры сели напротив друг друга, Аргар ловко подбросил два видавших виды кубика, отправил их в стаканчик и встряхнул.

— Играем на желания, — сообщил он, прежде чем выбросить кости. — По три раза.

Помимо того что поздний вечер был невероятно красивым, он выдался еще и холодным. Невольно поежившись, я обхватила себя руками и выдохнула морозный пар. Казалось бы, родившиеся в этих суровых краях должны давно привыкнуть к такому климату, но нет — я по-прежнему мерзла и всегда с нетерпением ждала пусть и короткого, но все-таки лета. В этом отношении адаптация саламандр просто поражала. Будь я такой же теплолюбивой, наверное, давно превратилась бы в сосульку, а не сверкала азартными глазами!

В первом раунде победу одержал Аргар и по такому случаю не

упустил возможность поиздеваться над сестрой. Заставил ее сходить к коку, принести горячий чай и с поклоном ему подать.

— Пожалуйста, мой лорд, — выполняя указание, процедила Агира и уже от себя добавила: — Чтоб вы подавились.

Следом играть сел Тэйн, компанию которому неожиданно составила Сильвия. Тэйн, как и альва, не был любителем таких игр, но сейчас, видимо, они оба решили отвлечься после тяжелого дня.

— Замерзла? — участливо поинтересовался Горт, вместе со мной наблюдающий за ходом игры. — Вот бы нам сейчас тоже чаю горячего и пару пышных булочек. С джемом черносмородиновым...

Про джем прозвучало до того мечтательно, что я улыбнулась. Видать, тяжело приходилось сыну пекаря без сладостей — в рейдах нам вредной пищи не перепало.

— А ты предложи коку сыграть в кости, — пошутила я в ответ. — Если выиграешь, загадай ему испечь что-нибудь вкусненькое.

Задумчивое, а затем просветлевшее лицо Горта красноречиво подтвердило истину: в любой шутке есть доля правды. Кажется, он воспринял эту идею всерьез.

Когда пришел наш черед садиться за импровизированный стол, я уже очень жалела о недоеденном ужине. Зря все-таки вспомнили про булочки!

Удача меня не слишком баловала в жизни, но сегодня вдруг повернулась лицом. Сначала у меня выпали «четверка» и «пятерка», затем — две «пятерки», а после — «пятерка» и «шестерка». Подвох состоял в том, что удача все-таки издевалась, так как Горт все три раза умудрился выбросить больше. Когда после тщательного встряхивания стакана ему выпали две «шестерки» и я приготовилась к исполнению какого-нибудь глупого желания, Аргар внезапно стукнул Горта по плечу:

— Не годится, ты два раза жульничал!

Никто и опомниться не успел, как сын пекаря в негодовании вскочил с места и толкнул саламандра в ответ. До драки дело не дошло только потому, что между ними моментально оказался Тэйн.

— Посмотри у него в кармане! Там наши кости, а он, когда сам бросал, заменял их на свои, с подпиленными краями! — воскликнул Аргар.

Несмотря на пристрастие к сладкой выпечке, упрекнуть Горта хотя бы в капле лишнего веса было нельзя. Он пребывал в идеальной физической форме, и залезть к нему в карман было не так-то просто. Когда же Тэйну это все-таки удалось, оказалось, что Аргар был прав.

— Ну и как это понимать? — нахмурился мой куратор.

Даже втянуть голову в плечи захотелось, хотя обращались вовсе не ко

мне. Умел Косичка быть суровым и даже немного жутким.

Горт был вспыльчивым и гордым, поэтому никто не ждал, что он легко признает свою вину. Тем не менее это произошло.

— Простите, не удержался. — Он передернул плечами. — Старые привычки. У нас во дворе только так и играли.

В целом я его понимала и почти не осуждала. Мелкое мошенничество не самое страшное, чему может научить улица. Но обманывать нас — своих сослуживцев, в любом случае неприемлемо, и так считали все.

— Извинись перед Фридой, — потребовал Аргар. — Немедленно.

Столкнувшись взглядом с Гортом, я почувствовала себя неловко, но, когда он все же принес извинения, атмосфера немного разрядилась. Правда, игровой настрой куда-то улетучился, и, чтобы не попасться, нам не хватило всего нескольких минут.

Мы уже собрались заканчивать с игрой, когда над нашими головами прозвучал ледяной голос:

— Выбирайте: два наряда вне очереди на корабле или в корпусе.

Вздروгнули все, нервно ойкнули мы с саламандрами. Брат с сестрой еще от последнего наказания не отошли, а теперь им доставалось снова.

— Адмирал Рей... — попытался было возразить Аргар.

— Что? — буквально убив его взглядом, осведомился тот. — У вас есть оправдание?

Оправданий не было, аргументов не было, объяснений тоже не было, жалостливые глаза на адмирала не действовали. Двумя словами — ши возьми!

Пока все мысленно решали, какое из двух зол выбрать, на меня вдруг что-то нашло. Что-то такое... глубинно глупое. Просто вдруг так жалко всех стало. Если бы речь шла только обо мне, и слова бы ни сказала. Но сегодня все так устали, столько волнений пережили. Тот же Аргар вон Лейона фактически спас...

— Адмирал Рей, — поднявшись на ноги, проронила я.

Голос чуть дрогнул, а от одного только вида направленных на меня льдистых глаз захотелось раствориться. Даже не то что раствориться — потерянной душой стать захотелось, чтобы меня тут же бесследно развеяли!

Тем не менее я продолжила:

— Этот день был для всех очень трудным. Ловец Бродельврок и кадет Уилград оказали огромную помощь капитану Вагхану в восстановлении защиты, пока мы были в Пентаграмме. Ловцы Грэйдэ самоотверженно бросились на спасение оказавшегося за бортом. А кадет Дагг, невзирая на

отсутствие в тот момент магии, также вел себя очень храбро.

Как только я закончила говорить, воцарилась тишина. Кажется, потрясены были все, помимо самого адмирала.

Спустя невыносимо растянувшуюся паузу он, прищурившись, спросил:

— А вы, кадет Талмор? Как проявили себя вы?

Дар речи сделал мне ручкой и нырнул в самые глубины Сумеречного моря. Я могла бы сказать, что помогала куратору, но вместо этого почему-то вспомнила свое падение, неуклюжие попытки подняться и почти панический страх. Да никак я себя не проявила, если быть честной. Никак!

— Кадет Талмор... — вознамерился вступить за меня Косичка.

— Кадет Талмор идет со мной, — перебил и закончил за него адмирал. — Для особо смелых и любящих спорить наказание также особое. Кадет, — это уже едва не падающей на подкашивающихся ногах мне, — будете отбывать наказание под моим личным присмотром. Остальным немедленно заняться делом.

Видя, что все продолжают испуганно хлопать глазами, адмирал повысил голос:

— Живо!

Всех буквально сдуло морозным ветром. Я видела, что многие хотели за меня вступить, особенно Тэйн, но сумасшедших спорить с морским демоном все-таки не нашлось.

— Будем тебе должны, — уходя, шепнул мне Аргар. — Удачи, подруга.

Заставив ноги повиноваться, я прерывисто вздохнула и поплелась за адмиралом на свою казнь. Куда меня ведут, понятия не имела, зато прекрасно знала, чем обычно заканчивается пререкание с морскими демонами. Раз — и твоя душенька-душа уже воспарила к небесам, если, конечно, не потерялась по пути.

Спустившись на среднюю палубу, мы прошли в конец узкого коридора, где перед нами гостеприимно распахнулась темная дверь. Меня пропустили вперед, и, переступив порог, я оказалась в просторной двухкомнатной каюте, освещенной огнем саламандр. Подсвечники стояли на столе из красного дерева и на комод, а еще пара висела на стене, соседствуя с морским пейзажем.

В целом обстановку каюты можно было назвать уютной, если бы не присутствие за моей спиной ее хозяина.

— Не стойте в дверях, кадет Талмор. — Адмирал легонько меня подтолкнул, и от неожиданности я влетела в центр как ошпаренная.

Наверное, даже когда перестану бояться всего на свете, адмирал Рей

неизменно будет являться исключением.

Привычно сцепив руки в замок и стараясь не смотреть на начальство, я изучала узоры на темно-сером ковре и представляла, что меня ждет. Конечно, лишать души меня не станут, и, скорее всего, наказание будет более гуманным. Например, мне поручат разобрать какие-нибудь бумаги, как Аргару и Агире, или велят навести порядок в комнате, или составить отчет о происшествии в Пентаграмме, или...

— Кадет Талмор, вам не жарко? — нарушили ход моих мыслей насмешливые слова.

И вот тут перед глазами отчетливо предстал мой визит в апартаменты адмирала, находящиеся в корпусе. В частности, как мне помогли снять верхнюю одежду и шарф. Ни в коем случае не желая повторения, я поспешно избавилась от кителя, подрагивающими от волнения руками сняла шарфик и, за неимением лучшего варианта, оставила одежду в руках.

— Можете повесить сюда, — любезно предложил адмирал Рей, в этот момент пристраивающий свой китель на вешалку.

Выполняя требуемое, я уронила шарф, наклонилась, чтобы его поднять, и следом уронила свой китель. Мысленно обругала себя последними словами, уняла проклятую дрожь в руках и под немигающим взглядом адмирала наконец справилась со «сложной» задачей.

Глаза не подняла и потому реакцию на свою неуклюжесть так и не увидела. Зато увидела, как начищенные до блеска сапоги проделали путь до мягкого дивана, после чего прозвучало:

— Подойдите и садитесь.

Кажется, у меня уже выработалась привычка подчиняться, когда адмирал говорил со мной в таком тоне, поэтому подошла и села. К счастью, не мимо, а аккуратно на диван.

А далее случилось то, что заставило меня вспыхнуть, точно саламандра, покраснев от корней волос до самых кончиков ногтей. В животе предательски заурчало — громко так, с выражением. Не стоило, ох не стоило Горту о еде вспоминать!

— Вы не поужинали. — Не вопрос, а констатация факта. — Какое блюдо хотите?

Ассоциация с моим прошлым визитом в адмиральские покои стала еще ярче. Так и вспомнилось, как из камина выходил официант «Синей жемчужины» и подавал нам виртуозно приготовленные изыски.

— Какое блюдо вы хотите? — чеканя слова, повторил адмирал. — Если верить вашим же словам, день был трудным. Чтобы восстановить силы, вам нужно поесть.

«И чтобы я смогла выполнить нужную работу», — добавила я про себя.

Отложенное наказание несколько успокоило, хотя предстоящая трапеза с адмиралом пугала ничуть не меньше. Тем не менее на поставленный вопрос пришлось отвечать, ибо заставлять морского демона повторять в третий раз — идея далеко не лучшая.

— Булочки с черносмородиновым джемом, — проговорила я первое, что пришло в голову. И, тут же поняв, что таких кушаний на корабле нет, поспешно исправилась: — То же, что ели на ужин все остальные.

Не прошло и полминуты, как передо мной оказалась тарелка с пышущей жаром рыбой, картофельным гарниром, овощами и пиалой с соусом. Горячий чай и... булочки. С черносмородиновым джемом.

Слава поднебесным, на этот раз обошлось без вина.

— Как заказывали, — подворачивая манжеты, сказал адмирал. — Сегодняшний ужин из корпуса.

Я чуть было не спросила, как он здесь оказался, но вовремя вспомнила о Карке — работающей на благо корпуса и отвечающей за подачу блюд потерянной душе. Наверное, и он у адмирала состоит в прямом подчинении.

Приняв единственно верное решение — забыть, где и с кем нахожусь, я с удовольствием утолила голод. Даже вкус сполна ощутила и не подавилась ни разу — прогресс. Адмирал, видимо тоже не поужинавший вовремя, составил мне компанию, и некоторое время повисшую в каюте тишину нарушал лишь стук столовых приборов.

— В столицу едем через три дня, — неожиданно сообщил он.

Я-таки подавилась. Сглазила!

— А как же...

— Последние события этому не мешают, — верно истолковал он мой невнятный посыл. — Напротив. Чем скорее вы увидите с семьей, тем лучше.

В горле моментально пересохло, я глотнула чаю. Мне казалось, я уже свыклась с мыслью о необходимости встретиться с родственниками, но волнение по этому поводу все-таки не отпускало. Наверное, дело было не только в них, но и в самом визите в столицу. Я ведь за пределами Сумеречья нигде не бывала...

— Прости, Фрида.

Подумав, что мне померещилось, я подняла на адмирала широко распахнутые глаза, в которых, по ощущениям, отражалось недоумение. Столкнувшись с его взглядом, растерялась окончательно.

— За то, что сегодня опоздал. Я обещал защиту, но Пентаграмма сильно искажает магию, из-за чего мне не сразу удалось понять, что происходит. Охраняющая тебя душа молчала, а амулет сработал неточно. Больше такого не повторится.

Я снова уподобилась саламандре, краснея с макушки до пят. Не зная, куда себя деть и как на такое ответить, просто молча кивнула. Показалось, что всяческие отрицания и благодарности будут сейчас неуместны.

— А теперь приступим к наказанию, кадет Талмор, — сменил тему адмирал Рей, и его глаза как-то странно блеснули.

Если, направляясь сюда, я просто боялась, то сейчас едва не впадала в панику. Почему-то вдруг показалось, что никакие бумажки меня перебирать не заставят и отчеты писать — тоже, и даже об уборке каюты я могу не мечтать. Поднебесные, спасите...

— Прямо сейчас, смотря мне в лицо, десять раз называешь меня по имени.

Впервые в жизни я настолько радовалась тому, что сижу. И очень надеялась, что мое лицо не слишком перекосило от непередаваемой смеси изумления и ужаса.

Глядя на меня, адмирал задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола.

— С этим определенно нужно что-то делать...

Видимо, на моем лице все-таки отчетливо проступили испытываемые эмоции, так как он со вздохом пояснил:

— Фрида, нам предстоит часто бывать в обществе друг друга, особенно учитывая предстоящий визит в столицу. А ты до сих пор смотришь на меня как на вышедшего из Глубины Нагхара.

Нервно сглотнув, я поерзала на диване, отползая подальше, и вжалась в мягкую спинку.

— Ты должна доверять мне, а доверие и страх несовместимы, — добавил адмирал и, заметив, что слова меня не убеждают, раздраженно добавил: — Поднебесных ради! Я ведь не прошу называть себя морским котиком на глазах у сослуживцев!

Повисла тишина. Очень долгая тишина, которую я нарушила сдавленным фырканьем. Затем мое фырканье стало громче. А в итоге я вообще не выдержала и рассмеялась в открытую, пряча полыхающее лицо в ладонях.

Адмирал Рей, видимо, решил, что у меня случилась истерика, и, моментально оказавшись рядом, предложил кружку с оставшимся чаем:

— Фрида! Что?!

— Вы... морской демон... — выдавила я сквозь спазмы смеха. — Морской котик...

Меня накрыла новая волна, и пока я пыталась с ней справиться, адмирал вернулся на место. Постепенно цунами схлынуло, в моей душе наступил штиль, и как теперь смотреть на адмирала, было решительно непонятно. Но находиться в неведении было еще хуже, поэтому я все-таки заставила себя робко поднять взгляд. Следуя давней привычке, посмотрела сначала одним глазком, чуть разомкнув ладони, и только потом — двумя.

Адмирал улыбался. Искренне улыбался, и улыбка эта касалась даже обычно ледяных глаз!

— Я бы хотел сказать, что у тебя удивительный смех, но, боюсь, начнется пожар.

Поняв, что он намекает на мои полыхающие щеки, я снова уронила лицо в ладони. Если бы от смущения можно было сгореть, от меня бы осталась лишь горстка пепла.

ГЛАВА 7

Отсрочка подошла к концу, ознаменовав наступление моего персонального «наряда вне очереди». Силы поднебесные, я бы могла назвать его просто адмиралом, лордом, даже лордом Реем. Но по имени? Да я и мысленно отдельно от фамилии произнести его не могла!

— Я жду, — поторопил мой мучитель. — Чем быстрее справишься, тем быстрее отсюда выйдешь.

Язык словно онемел, делая эту пытку еще более изощренной. Да разве же я могла когда-нибудь вообразить, что буду не только ужинать в обществе адмирала королевского флота, но еще и называть его по имени? По имени, ши возьми!

— Желаешь дождаться моей старости? — усмехнулся он, глядя на меня в упор. — Учти, морские демоны, которых ты так боишься, живут очень долго.

Сжав под столом руки так сильно, что ногти до боли впились в ладони, я глубоко вдохнула. Ведь давно решила, что пора бороться со своими страхами, и уж кого-кого, а адмирала бояться как минимум глупо. Однако все разумные доводы не действовали, так как существовало одно весомое «но». Глубоко в душе я понимала, что боюсь не столько его самого, сколько тех чувств, что он во мне пробуждает. Признаться себе в них было еще сложнее, чем произнести заветные пять букв, и, чтобы не задумываться об этом дольше, я с трудом проронила:

— Эр-ртан.

И тут же замерла, не веря, что сумела. Честное слово, даже с восставшей нежитью сражаться легче!

Адмирал выразительно заломил бровь:

— Прежде не замечал за вами заикания, кадет Талмор, но попытка зачтена. С вас еще девять. Четко, ясно, не отводя взгляд.

— Эртан, — послушно произнесла я, немного осмелев. — Эртан, Эртан, Эртан...

С каждым разом голос делался все тверже, но вместе с тем тише. Скрещении наших взглядов только добавляло переживаний, и я чувствовала, что в эти мгновения перешагиваю через невидимую, разделяющую нас грань. Просто озвучить буквы — одно. Но совсем другое — осознать их, сопоставить с сидящим напротив человеком и прочувствовать, как они делают нас ближе. Неприметную девчонку из

трущоб и одного из самых известных лордов королевства.

— Эртан, — повторила я в последний раз, и каюту наполнила тишина.

Она была мягкой, обволакивающей, доверительной, тонущей в полумраке и разбавленной бликами горящих свечей. Глаза напротив смотрели так, словно видели во мне больше, чем я знала о себе сама.

— Мне, наверное, пора, — неуверенно разрушила я хрупкое волшебство. — Там дежурство и...

Пристально посмотрев на меня еще несколько долгих секунд, адмирал поднялся из-за стола, приблизился и отодвинул мой стул, помогая встать. Проявив удивительную грацию, я не споткнулась, благополучно дошла до вешалки и, даже когда мне помогли надеть китель, не уподобилась саламандре в третий раз. Определенно повод для гордости!

На душе почему-то вдруг стало легко-легко, хотя и беспокойно. Присутствие рядом адмирала ощущалось всей кожей, всем существом, но оно не тяготило, а вызывало сопровождающееся дрожью волнение.

— Фрида, — негромко позвал он, когда я коснулась дверной ручки.

Медленно обернувшись, оказалась с ним лицом к лицу — близко настолько, что почти утонула в талом льде прозрачных глаз.

— Ты забыла.

В его руках находился алый шарф, который через мгновение коснулся моей шеи. Адмирал завязывал его медленно, словно нарочно растягивая этот момент и заставляя меня нервничать все больше. Я не могла ни пошевелиться, ни, вопреки желанию, отвести от него глаз.

Сделав последний оборот, он замер, не спеша меня отпустить. Моей щеки коснулось его дыхание, и в голове пронеслась глупая мысль о том, что, оказывается, дыхание морских демонов очень теплое...

Неприступный, холодный, привыкший к повиновению, сейчас повелитель четырехсот девяноста девяти потерянных душ казался как никогда открытым. Близким. Настоящим, как любое живое существо.

Следом пришла еще одна глупая мысль — захотелось его коснуться, проверить, что он реален, чтобы окончательно в этом убедиться... Я уже приподняла руку, когда с ужасом поняла, что намереваюсь сделать, и тут же себя одернула. Но дурман не развеялся, не отпустил, и я продолжала стоять на месте, точно вмерзнув в пол.

— Фрида... — выдохнул адмирал непривычно низким, обволакивающим голосом, от которого в животе появилось странное томление. Точно тысячи мотыльков защекотали меня изнутри своими крыльями.

Я даже не уловила того момента, когда два прозрачных океана стали

еще ближе. И еще. И еще... Не заметила и того, как мою талию обвили руки, осторожно придвинувшие к сильному, точно высеченному из теплого камня телу. Если бы только я не утратила способность мыслить, если бы могла понимать хоть что-то, то непременно заметила бы нежную осторожность и сдерживаемый яркий порыв, проступивший на обычно холодном лице. Словно я сама — трепыхающийся маленький мотылек, к которому стремится пламя, боящееся его обжечь.

«Ундины могут приворожить одним поцелуем», — все-таки промелькнула в голове связанная мысль, но для нее было слишком поздно.

Я ощутила мягкое, полное с трудом сдерживаемого огня касание губ. Точно пойманная в сеть рыбка, неистово забилось сердце, по коже прибежала новая волна сумасшедшей дрожи, веки сомкнулись. Остались только губы и обнаженные чувства, в которые обратилась вся я.

Всего лишь легкое соприкосновение губ оказалось подобным погружению в самую Глубину — пугающую и опасную, но до чего же волнующе-манящую...

— Фрида, — сдавленно выдохнуло мое наваждение, обняв еще крепче.

В этот же миг до меня дошло, *что* я делаю. *Где*. И главное — *с кем*.

Растерянная, потрясенная, до предела смущенная, я с трудом выскользнула из таких одурманивающих объятий, из которых меня выпустили по первому требованию.

Ошалело смотря в потемневшие, цвета Сумеречного моря глаза, я машинально коснулась кончиками пальцев своих горящих губ. И, не в силах оставаться здесь дольше, потянулась к двери, рывком ее распахнула и выбежала в коридор. Неслась по нему так, словно за мной по пятам гналась банда вооруженных до зубов троллей, и остановилась лишь у лестницы, ведущей на верхнюю палубу.

Шумно глотая морозный воздух, я прислонилась лбом к холодной стене. Просто не верилось, что все это случилось на самом деле.

Поцелуй. Мой первый поцелуй. С морским демоном и адмиралом королевского морского флота...

Тысяча кругов Глубины!

Наверх я поднималась как пират на виселицу. Просто не представляла, как сейчас предстану перед сослуживцами и стану выполнять привычную работу. Не требовалось видеть себя со стороны — была уверена, что все и так читалось на моем лице.

Мороз охладил горячую кожу, приглушил вызывающий румянец, но жар губ унять не смог. Не смог утихомирить и сердце, все еще подскакивающее к самому горлу и мешающее дышать.

Я словно находилась между Глубиной и Поднебесьем, вне времени и пространства, точно заблудшая потерянная душа. Слишком многое для меня значило то, что только что произошло. Но чем это являлось для него? Сиюминутным порывом, следствием очарования ундины? Или же...

Вот об этом «или» стоило подумать позже. А еще лучше — не думать вообще. Может, я и наивная, но не настолько, чтобы поверить в неосуществимую сказку, где прекрасный лорд... Нет, решила же не думать!

К своей персональной виселице я приближалась медленно, давая себе время остыть и хоть немного привести в порядок растрепанные чувства. Ночь продолжала радовать ясным небом и тишиной, волны мерно покачивали наш корабль, и тысячи звезд рассыпались по темному небу, похожие на мелкие драгоценные камешки.

— Фрида! — чуть ли не хором воскликнули незадачливые игроки в кости, когда я поравнялась с ними. — Адмирал сильно нагрузил, да? Наверное, наизусть устав читать заставил, да? Или горы бумажек перелопачивать, да? Бедненькая-а-а...

Последнее завывание принадлежало Аргару, сочувственно похлопавшему меня по плечу.

— С нас причитается, — кивнула Агира, взявшая меня под руку с другой стороны, и тут же любопытствовала: — Так все-таки, каким было наказание?

Пока шла сюда, я была до того растеряна, что даже не потрудилась придумать ложь, и как сейчас ответить, совершенно не знала. Меня выручила Крилл, проявившая неожиданную бойкость и резво растолкавшая неугомонных саламандр:

— Оставьте ее в покое, дайте передохнуть. Ваша вахта — рано утром, если не забыли, так что лучше шли бы спать. Еще одного промаха нам точно не простят!

Брат с сестрой синхронно вздохнули и послушались, чем несказанно всех удивили. Следом со мной попытался заговорить Тэйн, во всем облике которого читалось осознание вины, но Крилл стала моим надежным телохранителем и отшила его вслед за саламандрами.

— Постой немножко, проветрись, — посоветовала она, подведя меня к борту. — При всем благородстве, Эрган Рей бывает жестким, я знаю.

От звуков имени, которое вынужденно повторяла целых десять раз, я вздрогнула. И, чтобы это осталось незамеченным Крилл, сделала вид, что поежилась от морозного ветра.

— Я в последнее время много думала о твоих словах, — внезапно поделилась она. — Ну, о том, что ты бы сделала все ради близких.

Наверное, я и правда слишком горда и эгоистична. Нужно поговорить с адмиралом и попросить его о помощи. Только вот... — она нервно прикусила губу, — вряд ли его отпустят из Сумеречья, когда такое творится. Он, наверное, и сам знает, что происходит в нашей семье, но вернуться в столицу не может.

Некоторое время поколебавшись, сомневаясь, говорить или нет, я все же поделилась:

— Адмирал будет в столице через три дня, — и в ответ на изумленный взгляд Крилл соврала: — Случайно услышала, как он капитану Вагхану об этом говорил.

Я не представляла, как объяснят мое отсутствие в корпусе, не знала, будет ли адмирал афишировать свое отбытие в столицу, поэтому предпочла не говорить всей правды. Да и в конечном счете что я могла сказать? Что адмирал лично сопроводит меня на встречу с моей объявившейся матерью, которая к тому же оказалась голубых кровей?

Немного помолчав, Крилл задумчиво кивнула:

— В таком случае точно попрошу... Спасибо, Фрида.

Остаток ночи прошел спокойно и без происшествий. Видимо, Провидение решило сжалиться и над всеми нами, и лично надо мной. Тэйн проявил тактичность и извиняться больше не пытался, хотя вдобавок к дежурству заставил проговаривать вслух последний пройденный материал. Меня это даже радовало — учеба как ничто иное способна отвлечь от будоражающих душу мыслей и опасных надежд.

Спать я ушла ближе к утру, а проснулась только к полудню. Весь день пролетел незаметно, и хотя меня ужасала одна только мысль о встрече с адмиралом Реем, эти страхи не оправдались. Пока я изводила себя, снова и снова представляя, как буду на него смотреть и пытаться делать вид, что минувшим вечером ничего такого не произошло, он попросту ушел. Об этом я узнала уже во второй половине дня. Убедившись, что «Летящий» защищен не хуже королевского дворца и держит курс по строго распланированному маршруту, адмирал вернулся в Сумеречье.

Управление снова перешло к законному владельцу — капитану Вагхану, который выглядел мрачнее обычного. Все понимали, что он корит себя за вчерашнее, и старались лишний раз не привлекать его внимания, сосредотачиваясь на своей задаче.

Погода сегодня стояла благоприятная, море было спокойным, и даже мороз немного спал. Встречающиеся нам потерянные души по большей части были слабыми и нападали как-то вяло, так что отлавливать их не составляло труда.

Вот бы все рейды проходили так же!

Хотя, надо отметить, такому поведению душ способствовала усиленная адмиралом защита. Благодаря ему корабль без преувеличения походил на неприступную крепость и одно только соприкосновение с барьером отнимало у потерянных уйму сил.

Только вечером, вернувшись в каюту, я обнаружила неприятный сюрприз. И не только неприятный, но еще и странный. Крилл с куратором дежурила в первую ночную смену, так что в том, что предназначался он мне, не оставалось никаких сомнений. Да и лежала эта пакость именно на моей кровати.

Медленно приблизившись, я подцепила кончиками пальцев записку и прочла:

«Тебе здесь не место! Убирайся или сдохнешь!»

Затем перевела взгляд на тухлую синеводку, из глаз которой торчали булавки, и поморщилась от вони. Синеводки я, конечно, не испугалась — бывшую торговку рыбой вряд ли можно таким смутить, но записка насторожила. Написана она была точно таким же почерком, как та, что мне не так давно подбросили в корпусе.

В первый раз можно было списать все на случайность, сейчас — во второй, на совпадение. Но почему-то я не сомневалась — будет третий, и он станет уже закономерностью.

Вот спрашивается, кому я костью поперек горла встала?

Отбросив брезгливость, я взяла синеводку за хвост, прихватила записку и поднялась на верхнюю палубу. Стараясь остаться незамеченной, прокралась к борту и швырнула «подарочки» в пенящееся море. Говорить о них никому не собиралась. По крайней мере, пока. Да и кому рассказывать? Обращаться с такими мелочами к адмиралу Рею, особенно сейчас, я бы стала разве что под страхом смертной казни. Капитана Вагхана тоже беспокоить не хотелось. Да и вообще, эти выходки однозначно не имели отношения ни к кристаллу душ, ни ко мне как к наследнице особой крови, а значит, важными не являлись.

Но это не отменяло оставшегося на душе осадка. Я просто понять не могла, кто способен на такую подлость. Весь наш отряд — такой дружный, сплоченный, переживший столько передраг. И вдруг такое...

Я не знала, кем является отправитель, но, кем бы он ни был, мне стало обидно. Потому что действительно хорошо относилась ко всем, а когда предает тот, кому веришь, — это всегда ранит.

Хотя я решила ни с кем не делиться, оставлять это просто так тоже было нельзя. Поэтому вместо того чтобы вернуться в каюту, я отправилась

на камбуз, намереваясь поговорить с коком. Ясно как день, что синеводку в море никто не ловил, а значит, ее стащили именно из кухни. Вероятно, вчера, когда ее как раз использовали для приготовления ухи.

Кок у нас был самый добрый, самый улыбочивый и самый скромный повар из всех, каких я знала. Чуть полноватый усатый мужчина с густыми бровями и легким акцентом, придающим ему особое обаяние.

Остановившись в узком кухонном проеме, я негромко постучала по стене:

— Не помешаю?

Судя по разложенным на столе лепешкам, Бильбо занимался приготовлением перекуса для ночных дежурных.

— Помешаете, — в отличие от кока, его помощник любезностью не отличался. — Не видите, что ли, заняты мы. Идите-идите, у нас тут и без того тесно.

Я сложила руки на груди и непроизвольно усмехнулась. Рыжий вихрастый парнишка слишком много общался с нашим дреу и успел перенять некоторые его черты. Убеждение, что женщинам на корабле (и на службе в принципе) не место, стало буквально его кредо.

Конкретно сейчас он был занят чисткой картошки, но говорил со мной с таким важным видом, будто готовил изыски для самого короля.

— Ну что ты, Шанка, — покачал головой Бильбо. — Негоже так с кадетом разговаривать, — и, уже обращаясь ко мне, любезно пригласил: — Проходите, пожалуйста. Разумеется, вы нам не помешаете.

Шан поджал губы и недобро на меня зыркнул, но этот молчаливый выпад остался мной проигнорированным.

На камбузе было гораздо теплее, чем в каютах. Даже жарко. Над большими кастрюлями поднимался густой пар, щедро сдобренный ароматами тушеного мяса.

Ослабив верхние пуговички кителя, я отметила, что наша корабельная кухня практически не отличается от пиратской. Разве что атмосфера здесь царила куда более дружелюбная — и Бильбо, и Шан гораздо приятнее работающего у Флинта гнолла.

Ненадолго погрузившись в воспоминания об экскурсии на «Черный призрак», я тут же себя отругала. Нашла о чем думать!

И, не теряя времени, обратилась к коку:

— Скажите, вы ведь вчера уху из синеводки варили?

— И из синеводки, и из голубохвостика, — улыбнувшись в усы, подтвердил тот. — Что, понравилась?

— Очень, — кивнула я, подбирая слова для очередного вопроса: — А

вы не подскажите, к вам кто-нибудь из отряда накануне заглядывал?

Бильбо на миг замер, прекратив раскатывать тесто, задумался и отрицательно покачал головой:

— Нет, никого не было. Капитан только.

Капитан Вагхан никак не мог быть тем, кто подбрасывал мне сомнительные записки, поэтому информация оказалась почти бесполезной. Почти — потому как на ее основе возникло предположение, что обеспечить синеводкой таинственного отправителя мог Шан. Мальчишке вроде него за честь в чем-то помочь кадету — если, конечно, тот не девушка.

— Шан, а ты не видел? — спросила я у него, хотя знала, что мне все равно не ответят.

Так и случилось. Мальчишка пробормотал что-то невнятное и принялся чистить картошку до того самозабвенно, словно от этого занятия зависела его жизнь. В общем-то я не возлагала на кухонных работников больших надежд, поэтому не слишком расстроилась. Еще немного пробыв на камбузе и все же предприняв несколько попыток разговорить Шана, я сдалась. Затея оказалась бесполезной.

По пути в каюту мне стало немного неудобно. Умом понимала, что корабль надежно защищен, но что толку в этой защите, если тот, кто желает мне зла, находится здесь? Впрочем, зла — слишком громко сказано. Этот некто просто меня недолюбливает и вряд ли зайдет дальше тухлой рыбы да сомнительных писуллек.

Успокаивая себя таким образом, я уже почти дошла до своей каюты, как вдруг услышала приглушенные, как будто сдавленные голоса. Подслушиванием я никогда не занималась, считая его занятием очень некрасивым, но сейчас что-то заставило меня замереть.

— Не вини себя, Рагх. — Голос Сильвии звучал за приоткрытой дверью ее каюты. — Все мы оказались под чарами русалок просто потому, что этого не ожидали...

— В этом и дело, — ответили ей. — Должность обязывает меня быть готовым ко всему. Всегда.

В короткую, наполненную напряжением паузу я все никак не могла вспомнить, где слышала это имя. На корабле не могло быть никого постороннего, но никто из сослуживцев его не носил...

— Рагх, не отталкивай меня. — Впервые мне приходилось слышать, чтобы Сильвия обращалась к кому-то с такой мольбой. — Я так тебя лю...

Видимо, фразу жестом оборвал ее собеседник.

— Вы с рождения обручены, леди Уилград. Поверьте, ваши чувства ко мне остынут так же быстро, как пришли.

Только при этих словах, произнесенных подчеркнуто официальным тоном, я наконец поняла, кому принадлежит голос. Поняла и обомлела, пораженная до глубины души. Тот, кому Сильвия Уилград — высокомерная, самолюбивая альва фактически признавалась в любви, был не кем иным, как капитаном Вагханом. Его имя, в отличие от фамилии, я слышала всего пару раз, да и то мельком, поэтому и не смогла вспомнить сразу.

— Остынут? — тихо, с затаенной болезненной злостью переспросила Сильвия и взорвалась: — Остынут?! Гидра тебя утащи, они не остывают уже несколько лет! С тех пор как ваш клан заключил перемирие с нашим, с тех пор как ты с отцом лично стал приезжать к нам каждые выходные, я просто схожу с ума! Сколько раз говорила об этом, но ты будто не слышишь! Я уже не та пятнадцатилетняя девчонка, которая когда-то потерялась в горах! Когда же ты это поймешь? А помолвка — плевать на нее!

Сильвия говорила негромко, но до того эмоционально, что я буквально ощутила исходящую из каюты энергетическую волну. И тут же устыдилась того, что все еще здесь стою, приоткрывая завесу чужих тайн.

— Успокойтесь, кадет Уилград, — прозвучало холодно, когда я уже сделала несколько шагов. — Вы будущий потомственный ловец. Не всем желаниям суждено сбываться, и вам следует помнить об этом, как никому другому, — а после, через несколько бесконечно долгих мгновений послышалось полное тихого сожаления слово: — Прости.

Войдя в каюту, я поспешно закрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной, радуясь, что Крилл на дежурстве. В мыслях творился полнейший хаос, и мне требовалось побыть в одиночестве, чтобы успокоиться и разложить все по полочкам.

Поверить в то, что нечаянно подслушанный разговор мне не померещился, было так же тяжело, как признать реальность моего вчерашнего «наказания». Капитан Вагхан всегда казался еще суровее и жестче адмирала. До чего же странно было услышать это страстное, полное неприкрытых чувств: «Рагх...»

Наверное, больше всего меня поразило, что совсем рядом, ближе, чем можно было предположить, существовала история, так похожая и одновременно не похожая на мою. То, о чем я старалась не думать весь день, снова нахлынуло, поймало в сети и накрыло с головой.

Сам факт прежнего знакомства Сильвии и капитана Вагхана не удивил — они оба происходили из влиятельных кланов альвов. Вполне закономерно, что им доводилось встречаться еще до того, как Сильвия

пополнила ряды кадетов. И все же...

Оторвавшись от двери, я доплелась до кровати и, скользнув взглядом по покрывалу, аккуратно его сняла. Рыбный запахок вьелся в него намертво, и что-то мне подсказывало: он не исчезнет даже после тщательной стирки.

Переодевшись, я накинула на плечи тонкое одеяло, села, подобрав под себя ноги, и устремила взгляд в круглое оконце. Ночное море снова было беспокойным, волнующимся, а волны — темными, как сама опустившаяся на него ночь. Небо затянуло плотными тучами, сквозь которые удавалось пробиваться лишь рассеянными лучам одной луны.

Я приглушила свет настольной лампы, плотнее закуталась в одеяло и, глубоко вдохнув, медленно выдохнула в попытке выпустить из себя все беспокойства.

Неожиданно действительно полегчало.

— Все будет хорошо, — пообещала я себе, изо всех сил стараясь в это поверить. — Обязательно будет.

ГЛАВА 8

Выходной, который нашему отряду дали сразу после рейда, я потратила на визиты. Было совестно, что уже давно не навещала старых друзей, а в преддверии скорого отъезда в столицу откладывать дольше было попросту некуда.

Начала я со скромной, уютнейшей на Смурной улице библиотеки, от одного только вида которой на душе становилось тепло. Маленький медный колокольчик звякнул, и я вошла в пропахшее книгами помещение. У здешних книг был особенный запах — пожелтевшей бумаги, старого клея и воспоминаний о тех, кто читал их, сменяя друг друга, долгие годы.

Господин Слоуэн занимал свое неизменное потертое креслице. Он что-то записывал в раскрытой тетради и, когда я подошла, не поднимая глаз бросил:

— Вы табличку на двери читали? Сегодня библиотека не работает.

Табличку я заметила, но разве мог остановить меня такой пустяк?

— Здравствуйте, господин Слоуэн, — улыбнулась я, чувствуя к нему прилив особой нежности.

Угольный карандаш дернулся, оставив на бумаге кривую полосу, и, вскинув голову, старый эльфогном посмотрел на меня поверх очков. Замер, словно не понимая, кого видит перед собой, а признав меня, радостно воскликнул:

— Фрида! Девочка моя, как я рад, что ты зашла!

Мы сидели за небольшим, предназначенным для чтения столиком, и пили ягодный отвар. Ягоды были наши — северные, горные, обладающие насыщенным, с легкой горчинкой вкусом. Господин Слоуэн сам ходил в горы, собирал их, чтобы затем высушить и долгими зимними вечерами наслаждаться фирменным отваром.

«Для иммунитета!» — угощая, приговаривал он, когда я прибегала к нему, будучи еще совсем девчушкой.

— Для иммунитета! — сказал он и сейчас, наполняя глиняную чашечку.

Отчасти я пришла в библиотеку из желания узнать о Пипе — пойманном пирате из команды Флинта, которого задержали именно здесь. Но вместо того, чтобы задавать о нем вопросы, просто пила чай, грелась у разведенного камина и вела разговоры о другом.

Мы говорили о книгах, вспоминали былые времена и приключавшиеся

прежде истории — только хорошие, избегая упоминать о плохих. Несмотря ни на что, и в школьные годы бывали минуты радости, когда мир виделся мне не злым и враждебным, а спокойным и уютным. Таким он становился именно в этом месте — в этой маленькой городской библиотеке, где многие книги были зачитаны буквально до дыр.

Казалось бы, мы с господином Слоуэном не виделись всего ничего, но за это время он сильно сдал. Хотя и был эльфогномом, годы брали свое, ведь его возраст давно перевалил за девятый десяток.

— Эх, не повезло мне, — словно прочитал он мои мысли и подул на горячий отвар. — Ничего хорошего от предков не взял, даже долгожительства не досталось. Вот так живешь-живешь, а потом бац — и в Глубину отправляться надо. Я уж и костюмчик себе справил. Красненький такой...

— Господин Слоуэн! — возмущенно перебила я. — И как вам не стыдно? В какую такую Глубину вы собрались? Вам, дорогой мой, путь заказан только в Поднебесье. К тому же на кого библиотеку вздумали оставить? А на моей свадьбе кто обещал погулять, а?

Эльфогном тихо хихикнул и, сделав глоток, кивнул:

— И то правда. На свадьбе твоей, Фридка, спляшу, как в молодости. Ох, спляшу! — Его обращенные ко мне глаза блеснули. — Что-то подсказывает мне, таки дождусь. Глядишь, и костюмчик новенький как раз на гулянку надену...

Я засмеялась вместе с ним, хотя внутри что-то задрезжалось, как наполненный до краев сосуд, готовый вот-вот расплескаться. Никогда я не задумывалась о свадьбе, да и о любви как таковой всерьез — не до того было. А теперь вдруг эти сказанные в шутку слова задели за живое, вызвали в мыслях знакомый образ, и я почти физически ощутила легкое покалывание на губах. Почти живую окунулась в растаявший лед, которым обратились холодные глаза...

— А чей-то ты, Фридка, покраснела, что ли? — пытливо всмотревшись мне в лицо, заметил господин Слоуэн. — Не влюбилась, часом, а?

— Не влюбилась! — слишком поспешно возразила я, сбросив наваждение.

Чтобы эльфогном не стал развивать эту тему, поспешно ее сменила, уведя разговор в наиболее интересующее меня русло. Пришло время расспросить о Пипе, и на все мои вопросы господин Слоуэн ответил. Мы все также мирно пили ягодный отвар, угощались песочным печеньем, купленным в соседней лавке, и я внимательно его слушала.

— Он как только вошел, я сразу заподозрил неладное, — проворчал библиотекарь. — С виду весь такой страшный, подозрительный... типичный пират, прости Поднебесье! Все ошивался тут, книжки лапал, да еще и с платных стеллажей. Я за ним зорко следил, ты не подумай! Но он ушлым оказался, ловким. Заболтал меня, попросил томик с верхней полки достать, и, пока я лестницу передвигал, убежал. Ты представь, только был, а тут раз — и нет! И двенадцати редчайших книг тоже нет! Ух и прибавилось у меня тогда седых волос... Я сразу за ним на улицу помчался, а тут патруль как раз проходил. Короче говоря, повязали они его. Долго в догонялки играли, прохиндей этот почти удрал, да только мешок с краденым слишком тяжелым оказался. Даже ума не приложу, зачем пирату столько книг! Я-то думал, их братия вообще читать не умеет...

Да уж. Что ни говори, а Пип и впрямь странный. У Флинта вообще вся команда странная и непростая. И он сам — тоже непростой.

— А книжки мне вернули, — продолжил господин Слоуэн, бросив на дальний стеллаж любовный взгляд. — Все до единой вернули. Только к следователю пришлось сходить, показания дать. А я, ты ж знаешь, терпеть не могу так далеко таскаться. Старость все же, да и вообще...

В библиотеке я провела еще около часа. Посиделки с библиотекарем вышли душевными, добрыми, наполненными светлой ностальгией. Напоследок он попросил не забывать его, заглядывать почаще и обязательно себя беречь.

— Постараюсь, — пообещала я. — До свидания, господин Слоуэн.

— Пусть алый рассвет всегда освещает твой путь, — растрогался тот и махнул рукой, украдкой стерев скатившуюся по щеке слезу.

Следом я наведальась к Далии, где стараниями ее мамы чуть не превратилась в самого настоящего толстопузого тролля. У моей дорогой подруги сегодня был выходной, но она пошла в лавку игрушек, чтобы купить младшим братьям подарки ко дню рождения.

Пока ее не было, меня буквально заставили съесть фасолевый суп и жареные бараньи ребрышки, после чего любезно-настоятельно велели попробовать фирменный семейный пирог. Меня не хватило не то что на пирог, но даже на чай — вообще удивительно, как я после супчика с ребрышками не лопнула.

— Это же надо, Фридошка, — улыбнулась госпожа Виана. — Еще немного, и ты станешь самым настоящим ловцом! Тяжело учиться, наверное?

— Тяжело в учении, легко в бою. — Я улыбнулась в ответ и пошутила: — В сравнении с господином Митто наше начальство — просто милые

морские котики!

Сказала и тут же поперхнулась, внезапно осознав, что только что ляпнула.

«Я же не прошу вас называть меня морским котиком», — моментально всплыло в памяти.

Вот и назвала...

Мое замешательство госпожа Виана расценила по-своему.

— Да, трудно тебе было, — вздохнула она. — И Митто этот — далеко не подарок, и сама по себе работа сложная. Я же вижу, какая усталая Даляя домой возвращается, а ты еще и без конца перерабатывала... Но ты очень изменилась, Фридоочка. — На этот раз ее улыбка была особенно теплой. — Похорошела и как будто повзрослела. Мне всегда казалось, что в тебе есть что-то такое... особенное.

Я ничего не ответила и опустила взгляд. Если бы только госпожа Виана знала, насколько особенное и как сильно мне временами хочется от этого особенного избавиться...

Вернувшись, Даляя застала меня не только в обществе своей мамы, но и неугомонных близнецов, присоединившихся к ужину. Два пятилетних вихрастых мальчонки тут же вскочили со своих мест, окружили ее и принялись допытываться, куда она дела их подарки.

— Отстаньте, дети глубинные! — грозно прикрикнула на них Даляя. — У вас день рождения через неделю, и вообще никаких подарков можете не ждать!

Потеснив их в сторону под синхронные разочарованные вопли, она с распростертыми объятиями бросилась ко мне. Настроение подруги тут же переменялось, и я словами не могла передать, насколько взаимной была радость от нашей встречи.

Прихватив поднос с едой для голодной Далии, мы переместились в ее комнату, где на меня обрушилась лавина вопросов. И если сперва они касались преимущественно службы, то после переключились на личную жизнь.

Изначально я не планировала рассказывать об этой самой жизни ввиду ее отсутствия, но внезапно на меня что-то нашло. Просто вдруг до того захотелось выговориться, поделиться тем, в чем сама не могла разобраться, что я рассказала обо всем. Ну... почти обо всем, лаконично заменив слово «адмирал» «старшим по званию».

Даже легче как-то стало.

— Ты ему точно нравишься! — с маниакальным блеском глаз заявила Даляя. — А все твои домыслы о чарах ундин и икринки выведенной не

стоят!

Здесь я с ней была несогласна, но иногда спорить с Далией — себе дороже. Поэтому вместо отрицаний просто задала встречный вопрос и ближайший час слушала о том, какой распрекрасный страж Нэрвис. Отношения у них складывались самые что ни на есть серьезные, и Далия была влюблена по уши.

Когда все темы были обсуждены и мне пришло время уходить, в комнату заглянула госпожа Виана. Виновато посмотрев на дочку, она сообщила, что ей срочно требуется отлучиться, а Далии этот вечер придется присмотреть за близнецами.

— Но, мама! — возмутилась га. — Ты же знаешь, что я хотела устроить Нэрвису сюрприз! Утром испекла его любимые кексы, и кто теперь их отнесет?

— Я отнесу, — предложила я. — Если ты, конечно, не возражаешь.

Разумеется, Далия не возражала. Планы на сегодня у меня отсутствовали, а заглянуть к стражам правопорядка было совсем не трудно.

Когда у меня в руках оказалась ярко-красная коробочка с бантом и приклеенными на нее сердечками, стало понятно, что Далия действительно влюблена. И влюблена по-настоящему. Она никогда не отличалась усидчивостью, готовить вообще терпеть не могла, а здесь расстаралась на славу!

Пока я шла исполнять свою миссию, настроение было поистине прекрасным. Где-то в глубине души я боялась, что между нами с подругой возникнет некоторое напряжение, какое обычно бывает после долгих разлук, но все было как раньше. Все те же доверительность и понимание друг друга с полуслова. Сегодняшний день показал, что измениться могут обстоятельства, но отношения — если они настоящие — всегда остаются прежними.

Мое прекрасное настроение испарилось ровно в тот момент, когда я вывернула из-за угла и увидела, что творится у следственного отдела. А творилось там нечто странное. У входа столпилось несколько подразделений, воздух гудел от шума и криков, капитан стражи о чем-то рьяно спорил с господином Шейном. Предчувствуя неладное, я незаметно подошла ближе и, привстав на цыпочки, попыталась хоть что-нибудь рассмотреть, но видела перед собой одни лишь спины. Однако зрение другое — внутреннее, основанное на интуиции, позволило распознать флер опасной темной магии.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, на какую именно магию это похоже, когда на меня налетел спешащий куда-то страж.

— А ты еще кто? — притормозив, бросил он. — Уходи, здесь небезопасно!

От оправданий меня спас его товарищ, крикнувший, чтобы тот поторопился. Не дожидаясь, пока еще кто-нибудь решит прогнать путающуюся под ногами девицу, я прошмыгнула вдоль выстроившихся шеренг и замерла в тени соседнего здания. Переминаясь с ноги на ногу, высматривала среди стражей Нэрвиса, но его нигде не было.

Уйти, не отдав подарок Далии, я не могла. Да и смутная охватившая меня тревога подталкивала к тому, чтобы здесь задержаться и узнать, что происходит.

Через пару минут в нескольких шагах от меня остановилась пара молодых, облаченных в форму ребят. У них я и попыталась прояснить ситуацию, на что во второй раз получила исчерпывающее:

— Здесь небезопасно, иди домой.

Аж ногой от досады притопнуть захотелось! А еще я пожалела, что по случаю выходного предпочла простое пальто форменному кителю — с ловцом они наверняка разговаривали бы по-другому.

— А вы не подскажете, где найти Нэрвиса? — Я решила не отступать. — Он из третьего подразделения, темноволосый такой...

Описание вышло «исчерпывающим», но, как ни странно, стражи быстро поняли, о ком речь. Переглянувшись, они понимающе ухмыльнулись, и один из них выдал:

— Похоже, у Нэра новая поклонница. Малышка, может, ты нам свой подарочек отдашь, а мы ему передадим?

Все зачатки симпатии к этим двоим отсохли, как ростки на морозе.

— Просто скажите, где я могу его найти. Он мне не...

Белесый силуэт появился за стражами настолько внезапно, что я резко замолкла, испуганно вскрикнула и отступила назад. Потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять: силуэт — открывшая проход потерянная душа, а передо мной стоит адмирал Рей.

Не сказать, чтобы это меня успокоило. Скорее, напротив, вызвало сильнейшее желание вскрикнуть еще раз.

— Адмирал Рей! — развернувшись, синхронно проронили стражи и отдали честь.

Адмирал их проигнорировал и, кажется, даже не заметил, потому как смотрел на меня. В упор. А затем его взгляд опустился на коробочку с сердечками, находящуюся в моих подрагивающих руках. К «в упор» добавилось «не мигая».

— Кадет Талмор. — Обманчиво-спокойный голос был подобен

острому льду. — Позвольте узнать... какого ши вы здесь делаете?!

Адмирал очень редко повышал голос, и, не ожидавшая этого сейчас, я снова попятилась. Правда, пятиться было уже некуда, из-за чего спина коснулась холодной каменной стены.

Моя антипатия к двум стражам практически переросла в абсолютную нелюбовь, когда кто-то из них ляпнул:

— Так она... это... Нэрвиса нашего искала. Старшего из третьего подразделения.

К «в упор» и «не мигая» добавилось «прищурившись». В исполнении адмирала такая комбинация производила убойное впечатление. Причем убойное в самом прямом смысле — так и казалось, что этот взгляд меня сейчас по стенке размажет.

Видимо, решив, что, если я молчу, значит, нужно говорить за меня, страж добавил:

— Если Нэр и вам нужен, то он сейчас внутри. Это ведь на его смене случилось...

— Сгиньте, — не дав им договорить, резко велел адмирал.

Стражи беспрекословно повиновались. Умчались, сверкая пятками и подгоняемые разыгравшимся ветром. А я осталась один на один, фактически нос к носу с морским демоном и маячившей за его спиной потерянной душой.

— Повторяю вопрос. Что вы здесь делаете? — адресовалось мне, в то время как ледяной взгляд буравил красную коробочку.

Понять, о чем подумал адмирал, не составило труда. Именно из-за этого понимания во мне наряду с волнением и страхом появилось неожиданное негодование. У меня, между прочим, выходной, который имею право проводить где, как и с кем хочу. Опасности я себя не подвергаю, устав не нарушаю, а во всяких там домыслах не виновата!

— Пришла к другу, — ответила я, не желая оправдываться.

Удивительно, как после этих слов подарок не покрылся инеем.

— К другу, значит. — Некоторое время адмирал молчал, после чего совершенно другим тоном сообщил: — На ближайшую неделю вам даны увольнительные. В столицу отбываем завтра вечером, в половине девятого подойдите к центральному входу. А теперь, будьте любезны, возвращайтесь в корпус. Здесь небезопасно.

Опять! В третий раз мне говорят, что у следственного отдела небезопасно, но пояснить, почему, никто не удосуживается.

— Что случилось? — учитывая обстоятельства, на ответ я особо не рассчитывала, но он не заставил себя ждать:

— Заключенный пират сбежал. Судя по всему, не без помощи своего капитана.

Я так и обомлела. Вот что это была за магия — теневого охотника!

— Но как? — Я была поражена. — Как можно сбежать из-под такой надежной охраны?

Насколько мне было известно, охраняли Пипа как зеницу ока — одна говорящая камера чего стоила!

На сей раз ответа я не получила. Если Флинт сумел избежать виселицы, немислимым образом сбежав из столичной тюрьмы, что уж говорить о здешней? Похоже, преград для него и впрямь не существовало.

Пока я пыталась переварить поразительную новость, к адмиралу подошел господин Шейн. Мне еще раз напомнили, что следует вернуться в корпус, и даже открыли проход, но я возразила. Уйти, не передав подарок Далии, не позволяла совесть, да и, в конце концов, не зря ведь я тащилась на другой конец города. На короткий миг лицо адмирала отразило удивление, но оно тут же исчезло, скрывшись под непроницаемой холодной маской.

Возиться со мной времени явно не было, следовательно настойчиво звал адмирала внутрь, и, наверное, меня бы отправили в корпус принудительно, если бы я внезапно не заметила у входа знакомого стража.

Набравшись наглости, я быстро извинилась и так же быстро проскользнула мимо стоящих рядом мужчин. Могла бы поклясться, на сей раз удивление адмирала длилось дольше одного мига.

— Кадет Талмор! — полетело мне в спину, но я лишь ускорила.

Провоцировать его не хотела, но выбора не оставалось. Вот отдам эти глубинные кексы и с чистой совестью вернусь в родные пенаты, исполнив приказ. И вообще, нечего сейчас мной командовать — выходной есть выходной!

Нэрвис был до того задумчив и погружен в себя, что не сразу меня заметил. А когда заметил, далеко не сразу узнал. Он смотрел сквозь меня, словно пребывая где-то далеко, и докричаться до него я смогла лишь с третьей попытки.

— Фрида? — В его глазах наконец появилось узнавание. — Что ты здесь делаешь?

— Если ты сейчас скажешь, что здесь небезопасно, останешься без сладкого, — пригрозила я, мысленно гадая, сколько еще раз услышу этот вопрос. — На вот, тебе Далия передала. Она сегодня с близнецами сидит, госпожу Виану на работу вызвали.

Приняв многострадальную коробочку, Нэр долго на нее смотрел, после

чего потрянул головой и вымученно улыбнулся:

— Спасибо. Смена сегодня паршивая, я сам не свой.

— Как это произошло? — Я не могла не воспользоваться возможностью узнать подробности. — Как он сбежал?

Нэрвис рассеянно взъерошил волосы и выдохнул:

— А ши его знает. Мы с напарником дежурили, когда камера не своим голосом заголосила. Открыли дверь, а там вместо нашего заключенного Флинт собственной персоной стоит. Я даже глазам своим не поверил, подумал, что мерещится... А он вдруг улыбнулся мне, подмигнул и буквально через секунду скрылся во всполохах пламени. Это уже потом я от начальства узнал, что с ним теневой охотник приходил. Вот же Глубина! Не мог на часик позже заявиться, когда бы я смену сдал! Теперь точно премии лишат...

Следователь Шейн и адмирал Рей возникли рядом, словно выпрыгнувшие из табакерки ши. Первый велел Нэрвису немедленно проследовать за ним, а второй... Поднять глаза на второго у меня не хватило духу. Вся смелость внезапно испарилась, вынудив привычно гипнотизировать начищенные до блеска сапоги. Гипнотизировать до тех пор, пока не повеяло особым, ни с чем не сравнимым холодом и на мою спину не легла рука, настойчиво подтолкнувшая вперед.

— Идите уже, Фрида! — так, чтобы услышала только я, процедил адмирал. — И чтобы из корпуса до завтрашнего вечера ни шагу, это понятно?

Я кивнула, не будучи уверенной, что этот кивок заметили, и шагнула в окутанный белой дымкой проем. Всего шаг — и обстановка меняется, превращаясь в родную казенную комнатку.

Сняв верхнюю одежду, я прихватила халат и неспешно направилась в душ. Там, стоя под упругими горячими струями, не могла избавиться от непонятного, но крайне приятного ощущения. Волнующе-приятного, я бы сказала. Почему-то «в упор, не мигая и прищурившись», вместо того чтобы пугать, меня сейчас радовали.

Стояла глубокая ночь, когда меня разбудил негромкий, но непрерывно раздающийся звук. Казалось, кто-то настойчиво скребется в дверь, словно намеренно мешая мне спать. Раздосадованная пробуждением, я поморщилась и, присев на кровати, сунула ноги в тапки. А ведь так хорошо спалось! Такие сны хорошие снились, что в последнее время вообще большая редкость.

Звук повторился еще один раз, но, как только я поднялась с постели,

все тут же смолкло. От наступившей тишины мне вдруг стало не по себе — как несколько дней назад, когда казалось, что в корпусе за мной кто-то наблюдает.

— Эй, — позвала я привязанных к комнате сирен. — Что там за дверью?

Они почему-то не ответили. Не то из природной вредности, не то просто не услышали.

Звуки больше не повторялись, и я решила, что вполне могу обойтись и без вылазки в коридор. Снова улегшись в постель, натянула одеяло до самого носа, закрыла глаза и...

Царап-царап, царап-царап...

Вот ши! Вновь подскочив с кровати, я подбежала к двери, одним рывком ее распахнула и не увидела ничего, кроме пары морских светлячков, маячивших в крошечной темноте.

Просто «не по себе» стремительно переросло в «страшно». Страх был иррациональным, ведь, в сущности, чего здесь бояться? Не темноты же...

Постояв с минуту и вглядываясь в плотную черноту, я уже собралась возвращаться в комнату, как вдруг светлячки всполошились. Точно потревоженные чем-то невидимым, они хаотично замельтешили, замерцали, и к ним присоединилось множество других, таких же суетливых и перепуганных собратьев.

Сердце моментально подпрыгнуло и застучало как бешеное. Дважды ши! Нежити не испугалась, а тут всего лишь какие-то светлячки! Я не додумала, внезапно заметив нечто ужасное. В полушаге от меня, подвешенная за хвост, болталась дохлая крыса, голова которой держалась на честном слове.

Не в силах даже закричать, я пошатнулась и вцепилась в дверной косяк. В этот же момент заметила, что дверь моей комнаты изгваздана красными пятнами. Видимо, от сквозняка крыса раскачивалась и ударялась об нее выставленными вперед, скрюченными лапами — вот тебе и «царап-царап»...

Мне подурнело. Никогда не боялась ни крови, ни крыс, ни даже дохлых крыс. Но сейчас, видя прямо перед собой этот кошмар, едва сдерживала истеричные вопли. Стараясь размеренно дышать и не паниковать, я пыталась понять, что со всем этим делать. Не оставлять же крысу здесь до утра? Но в голову ничего путного не шло. Все мысли занимал холодный, леденящий душу страх. Дохлая, истекающая кровью крыса, да еще и обнаруженная среди ночи, — зрелище и впрямь не для слабонервных.

— Поднебесные... — на грани слышимости простонала я. — Да что же это такое?

Ноги подкашивались, сердце не переставало болезненно сжиматься, держать себя в руках не получалось абсолютно, но ровно в тот момент, когда я уже почти скрылась в своей комнате, рядом с крысой появился темный силуэт.

Я все-таки заорала. Так громко, что удивительно, как на этот крик не сбежался весь корпус!

— Фрида?! — не то изумленно, не то испуганно позвал силуэт.

Хотя нет, все вместе: и изумленно, и испуганно, и в крайней степени взволнованно.

Силуэт шагнул по направлению ко мне и вслед за этим силуэтом быть перестал, превратившись в адмирала Рея. Не контролируя себя, я всхлипнула от облегчения и сделала то, чего в нормальном состоянии не сделала бы и под страхом смерти. — бросилась к нему и крепко-крепко обняла. Я ведь действительно испугалась — до одури, до слабости в коленках и тошноты.

Где-то на грани восприятия заметила, что кулон на моей шее приглушенно мерцает, адмирал рассеянно поглаживает меня по волосам и что-то спрашивает, а затем — вероятно, после того как заметил крысу, подхватывает меня на руки и открывает проход.

Свою мертвую хватку я разжала лишь в тот миг, когда по глазам резанул яркий свет. Отстранившись, тут же прищурилась, привыкая к освещению, и взглянула на адмирала. Обычно идеально лежащие волосы растрепаны, щека примята после сна, а из одежды на морском демоне... только домашние штаны.

Ой.

Я зажмурилась в тщетной попытке стереть из памяти рельефный торс, идеальную светлую кожу и образ домашнего морского демона в целом. Так и с сердечным приступом слечь можно — нельзя ведь сразу столько потрясений на одну бедную-несчастную меня...

Адмирал действовал быстро. Сгреб меня в охапку, усадил в кресло, накрыл теплым одеялом, сунул в руки невесть откуда взявшийся чай и, скомандовав ждать здесь, скрылся в образовавшемся проходе.

Клацнув зубами по фарфору, я сделала пару глотков и поежилась. Что, если я до сих пор сплю? Не может ведь все это происходить на самом деле...

Жар, исходящий от отплясывающего в камине огня, и крепость черного чая категорично возражали — может.

Чуть не выронив кружку из слегка подрагивающих рук, я опустила ее на столик и закуталась в одеяло точно в кокон. Несмотря на то что в покоях адмирала было тепло, изнутри меня до сих пор сковывал холод. Воспоминания о крысе я усердно гнала прочь, но все равно то и дело к ним возвращалась.

Интересно, что предпримет адмирал Рей? Устранит источник моего страха и устроит разбирательство прямо сейчас или подождет до утра? То, что разбирательство будет, не подвергалось никаким сомнениям.

Чем больше я приходила в себя, тем сильнее испытывала неловкость и тем адекватней могла анализировать произошедшее. Судя по всему, быстрое появление адмирала было вызвано как раз-таки подаренным им кулоном. А я вместо того чтобы с облегчением выдохнуть и поблагодарить за своевременный приход, бросилась ему на шею... Поднебесные, как же стыдно!

Вернулся адмирал скоро, и его очередное внезапное появление заставило меня нервно вздрогнуть. Теперь морской демон, при всей своей одомашненности, выглядел жутко.

Морской демон был зол, морской демон был хмур, и морской демон покрылся темной чешуей. Только рука, конечно, но все же.

На меня посмотрели прозрачными, как слеза русалки глазами, и я судорожно сглотнула.

— Как, по-вашему, что сейчас произошло? — вопреки зловещему виду, его голос звучал спокойно.

— Мышку убили, — трагическим шепотом ответила я и, подумав, добавила: — Наверное, хотели напугать.

Направленный на меня взгляд стал уж совсем выразительным.

Сложив руки на груди, адмирал поинтересовался:

— И часто вас подобным образом пугали прежде?

Вот как он догадался?

— Два раза, — еще тише отчиталась я, ни на секунду не обманувшись этим делано-ровным тоном.

Повисшее молчание походило на затишье перед бурей. И в своих ощущениях я не ошиблась.

— Почему не сообщили об этом сразу, кадет Талмор?! — внезапно обрушились на меня с силой всего Сумеречного моря. — Да будет вам известно, что на «убитую мышку» повесили сильнейшее проклятие глубинной ведьмы!

И от того, что было сказано, и от того, как это было сказано, я испытала самый настоящий ужас во второй раз за эту Нагхарову ночь.

Закрыла рот ладонью и от греха подальше вжалась в спинку кресла. У меня уже прямо привычка выработалась — или смотреть на лакированные сапоги, или вжиматься. За неимением сапог пришлось прибегнуть ко второму.

Адмирал шумно выдохнул и прикрыл глаза. Неподвижно постоял несколько долгих секунд, и постепенно чешуя с его руки исчезла. А я только теперь поняла, что ему, должно быть, пришлось собственноручно нейтрализовать проклятие. А еще — что глубинные ведьмы с их проклятиями вообще-то на дорогах не валяются и встречаются не чаще теневых охотников. Ну надо же, сколько чести-то мне одной...

Подойдя, адмирал присел на подлокотник и уже не обманчиво, а действительно спокойно спросил:

— Сильно испугалась?

Помимо прочего, в его голосе отразились забота и сочувствие, согревшие лучше полыхающего в камине огня.

— Сильно, — не стала я отрицать очевидное и, решившись поднять глаза, неуверенно проронила: — Но... но я не понимаю, разве кому-то есть смысл меня убивать?

— Почему сразу убивать? — Адмирал передернул плечом. — Проклятия глубинных ведьм имеют несколько разновидностей. Если говорить кратко и обобщенно, только два из них являются смертельными. То, что подбросили тебе, к таким не относится.

Если от такой информации мне должно было полегчать, то нет — не полегчало.

— Судя по тому, что кулон молчал, к прошлым «сувенирам» проклятия не прилагались, — констатировал адмирал. — Какими они были?

— В первый раз — записка с исчезающими чернилами, ее мне подбросили прямо на лекции. А во второй — протухшая синеводка, ее уже в рейде и тоже — в комплекте с письменными угрозами.

От адмирала ощутимо повеяло холодом:

— И что за угрозы?

— Точнее, не совсем угрозы, а выражение личной неприязни, — исправилась я. — Писали, что мне в корпусе не место. А не рассказывала я, потому что думала, будто это несерьезно. Ведь по всему выходит, что это дело рук кого-то из нашего отряда. А среди нас...

— А среди нас, — резко оборвал адмирал, — далеко не все жители Поднебесья, как бы ни хотелось верить в обратное. В общем, так, — без перехода резюмировал он. — Разбираться с этим будем утром. Ночевать будешь здесь, кровать в твоём распоряжении.

Меня будто в ледяную воду со скалы сбросили! Из легких разом вышибло весь воздух, все прочие переживания вмиг померкли, и я не своим голосом, с запинкой переспросила:

— К-как здесь? У меня ведь кулон и вообще...

— Очнитесь, кадет Талмор! — вновь разозлился адмирал. — Вас едва не прокляли и напугали до полусмерти! Уверены, что хотите сейчас вернуться в место, где это произошло?

Я не хотела. Очень не хотела! Но оставаться ночевать в личных покоях адмирала не хотела еще больше. Подобное было невозможно, неправильно, и пусть даже об этом никто не узнает, сам факт заставлял в очередной раз впадать в панику.

Точно, Нагхарова ночь!

ГЛАВА 9

В глубинах Сумеречного моря обитают небольшие рыбки, прозванные равнодушниками. Их так называют за выражение глаз, в которых отражается такое вселенское безразличие, что кажется — отправь эту рыбу живьем на сковородку, она даже не шелохнется.

Так вот, я усердно старалась уподобляться таким рыбкам. Подумаешь, переночую в покоях начальства. Подумаешь, это начальство — повелитель уймы потерянных душ и по совместительству — адмирал королевского флота. О чем тут переживать?

Сперва я хотела возразить, настоять на своем и вернуться к себе, но не стала по одной-единственной причине. Не из-за боязни вновь остаться одной, а потому что понимала — адмирала мой отказ обидит. Он ничем этого не покажет, по-прежнему будет меня защищать, но очень хрупкое установившееся между нами доверие разлетится вдребезги.

Если быть до конца откровенной, никто прежде обо мне так не заботился. Никто не оберегал и не давал обещания защищать, что бы ни случилось. Так стоит ли этого лишаться из-за безосновательной боязни и глупого стеснения?

Правильно, не стоит. Только умом это понять легко, а сердце трепещет, как пойманная рыбка, что хочет ускользнуть в бездонные морские пучины.

«Я равнодушник», — повторила про себя, когда передо мной гостеприимно распахнули дверь спальни.

— Ну же, Фрида, вы ведь не на эшафот идете, — поддел меня адмирал.

Это еще как посмотреть...

Хвала поднебесным, дополнительного стресса мне не добавили и постель расстилать не стали. Адмирал просто взбил подушку, обеспечил меня перенесенным из гостиной одеялом и пожелал приятных сновидений.

— Чувствуйте себя как дома.

Это он сейчас пошутил, да?

Даже если считать домом не ту почерневшую от времени хибару, где я прожила всю свою жизнь, а комнату в корпусе, с этими апартаментами она все равно не стояла и рядом. Я отдавала себе отчет, что личные покои адмирала далеко не вершина роскоши, но в сравнении с тем, где мне приходилось бывать прежде, роскошью они и были.

Так же, как и гостиная, спальня была обставлена минималистично и со

вкусом. Широкая кровать, покрытая темным шелковистым покрывалом, большой шкаф, пара тумбочек и письменный стол с придвинутым к нему стулом — вся мебель была явно дорогой. Хотя я и не особо в этом разбиралась, предположила, что изготовлена она из мореного синегорного вяза. Насколько мне было известно, только это дерево давало такой глубокий ультрамариновый, уходящий в черный цвет.

Когда адмирал скрылся за дверью, я подошла к кровати и замерла, не решаясь на нее прилечь. Потопталась на месте несколько долгих мгновений, обреченно вздохнула и аккуратно пристроилась на самом краешке. Искренне считала, что от пережитых волнений заснуть не смогу, но ошиблась. Отключилась практически сразу, даже подумать ни о чем не успела.

Мне снилось море. Беспокойное, черное, как самая беспросветная сумеречная ночь. И шепот, который уже когда-то звал меня, заставляя подаваться навстречу и прыгать в темную воду. Бушевал шторм, неистовствовал морозный ветер, расплетенные волосы лезли в глаза, мешая смотреть. Голые скалы холодили ступни, на губах ощущался привкус соли. Я стояла совершенно одна на затерянном среди моря маленьком островке.

Страшно. Страшно и очень холодно. Но еще холоднее сделалось, когда море вдруг стихло и стало стремительно затягиваться льдом. Темная дымка ползла по воде, покрывая ее белой коркой и отнимая жизнь. Я хотела бежать прочь, но ноги не слушались и будто примерзли к гладкому камню. Голос тоже пропал, глаз нельзя отвести, и все, что оставалось, — это смотреть на приближающуюся дымку, в которой уже проступал размытый темный силуэт.

Неожиданно что-то изменилось. Мир подернулся пеленой, и я увидела в своих руках шаромаг. Тот, который недавно купила в лавке, с небольшой разветвленной трещинкой.

«Откуда трещинка? — промелькнуло в мыслях. — Капитан ведь ее убрал...»

Мутное стекло покрылось кружевным инеем, и я разглядела в нем темный туман.

Сердце подскочило к самому горлу, пальцы ослабли и разжались. Шаромаг покатился куда-то вперед, а я, обретя способность двигаться, побежала. Не важно куда, только скорее, скорее убраться из этого места. Не видеть пугающего инея и еще более пугающего черного тумана...

Почувствовав, что куда-то падаю, я закричала и подумала, что вот-вот умру.

А затем меня окутало что-то теплое, невесомое, но вместе с тем

сильное.

— Тише, — коснулся слуха успокаивающий шепот. — Все хорошо.

Только не открывать глаз. Нельзя открывать, иначе все волшебство и спокойствие рассеются.

Находясь где-то между сном и явью, я укуталась в это тепло, точно в одеяло, и ощутила, как страх уходит.

— Откуда же ты такая взялась? — снова шепот, горячее прикосновение к виску и тихий вздох: — Спи, моя маленькая ундина. Спи...

И я заснула — теперь с уверенностью в том, что холод больше не вернется.

Проснувшись, я несколько долгих мгновений не могла понять, где нахожусь. За окном уже светало, первые лучи обозначили очертания массивной мебели. А еще я увидела мягкое одеяло, которое сбросила на пол во сне.

Почему-то именно одеяло привело меня в чувство и напомнило, где я провела минувшую ночь. К собственному удивлению, спалось мне просто замечательно. Только вначале, кажется, снилась какая-то ерунда — кошмар о море и...

От мимолетного воспоминания меня бросило в жар. Теплые объятия, целомудренный поцелуй, успокаивающие слова и это невысказанное «моя маленькая ундина»... Нет-нет, конечно, это сон. Просто сон, иначе и быть не может!

Взглянув на часы, я ахнула и резво вскочила с постели. Завтрак уже начался, тренировка через двадцать минут, а мне еще нужно забежать к себе, чтобы переодеться!

Оказавшись перед дверью, я резко осознала, что на сегодня у меня увольнительная. И на завтра, и на все дни, которые предстоит провести в столице, куда мы с адмиралом отбываем уже этим вечером, дабы встретиться с моей родней. Сойти с ума и утонуть!

Поняв, что никуда спешить не надо, я осторожно выглянула в гостиную. Диван был пуст, но лежащее на нем скомканное покрывало и подушка говорили, что его использовали как место для сна. В который раз за время нахождения в этих покоях мне стало неловко. В мыслях всплыл образ взъерошенного, «домашнего» морского демона, и смущение усилилось. Я словно увидела нечто личное, чего видеть была не должна.

Удостоверившись, что адмирал отсутствует, я прошмыгнула в ванную и плеснула в лицо холодной водой. Смыла остатки сна вместе со

смущением и взбодрилась, а когда обвела взглядом ванную комнату, чуть ли не присвистнула.

Да, все-таки вчера была права — роскошь это и есть.

Опершись о раковину, я посмотрела в настенное зеркало и, увидев свое отражение, тяжело вздохнула. В общем-то ничего пугающего, даже мешков под глазами нет, но одежда... Пусть длинная и плотная, но все-таки ночная рубашка. В таком виде по корпусу не погуляешь, да и открыто выходить из апартаментов адмирала явно не стоит. Не приведи поднебесные, кто-нибудь увидит, и все старания по обелению репутации морскому коту под хвост.

Исходя из этого, мне не оставалось ничего другого, кроме как дожидаться адмирала и в нетерпении грызть ногти. Так и представляла, как он сейчас проводит ускоренное разбирательство и устанавливает личность учинившего крысиный беспредел.

Только сейчас я до конца осознала, во что вчера едва не вляпалась. Глубинные ведьмы — крайне злобные и беспринципные существа. Как и дроу, не признают действующую власть, но в отличие от них не подчиняются вообще никому. Одиночки — каждая ведьма сама за себя.

Самое главное, чего я до сих пор не понимала, — это для чего кому-то понадобилось насылать на меня проклятие. Для чего все эти угрозы, запугивания? Вряд ли дело только в личной неприязни. А если не в ней, то в чем? В моей особой, играющей важную роль наследственности? Но в этом нет никакого смысла!

Вчерашнее пожелание хозяина покоев «чувствовать себя как дома» я исполняла плохо. В спальне находиться не могла и, аккуратно поправив постель, переместилась в гостиную. Там, не зная, чем заняться, не нашла ничего лучшего, как аккуратно сложить брошенное покрывало и убрать со стола недопитый чай.

Адмирал появился как раз в тот момент, когда я, помыв чашку, выходила из ванной. Столкнувшись взглядами, мы синхронно замерли, и я с силой сжала фарфоровую ручку — диво, что она не треснула.

В отличие от меня, адмирал Рей выглядел безукоризненно. На фоне него — свежего, собранного, одетого в идеально сидящую форму я казалась себе взъерошенным недоразумением, что уверенности отнюдь не добавляло.

— Доброе утро, — не отводя взгляда, приветствовал он. — Как спалось?

— Доброе, — отозвалась я, ощутив, как от прозвучавшего вопроса по коже пробежала мелкая дрожь. — Спасибо, хорошо.

Прятать смятение за банальной вежливостью оказалось очень удобно. Я всегда знала, что адмирал не из тех, кто попусту тратит время, и сейчас снова в этом убедилась. Он призвал потерянную душу и, когда образовался знакомый проход, перешел к делу:

— Как только приведешь себя в порядок, приходи в трехсотую аудиторию. Повторишь все то, что накануне рассказала мне. Будем поднимать вопрос об увольнении со службы.

Мое сердце дрогнуло. Неужели...

— Уже известно, кто за этим стоит? — не веря в существование такой оперативности, спросила я.

— Известно, — мрачно подтвердил адмирал и уже мягче добавил: — Поторопись, Фрида.

Пока информировать меня о личности преследователя явно не намеревались, но это было даже к лучшему — и без того хватало причин для волнения. Трехсотая аудитория — место, где обычно проходили собрания капитанов и старост отрядов. Наверняка по такому вопиющему случаю сегодня они тоже там соберутся, и мне придется рассказывать обо всем именно им.

Ох, как же не хочется!

— Ничего не бойся, — словно прочитал мои мысли адмирал Рей, когда я уже входила в проход. — Сейчас бояться нечего.

Благодаря спокойствию и прозвучавшей уверенности в это было очень легко поверить.

На сборы много времени не ушло. Переодевшись в форму и заплетя волосы в нетугую косу, я бросила быстрый взгляд в зеркало, похлопала себя по щекам, чтобы избавиться от пугающей бледности, и отправилась на казнь. «Казнить», конечно, собирались не меня, но это почему-то не успокаивало.

Идя по коридору, окна которого выходили на полигон, я увидела, что на поле пусто. Это могло означать лишь одно — тренировка перенесена, так как капитаны и старшие ловцы сейчас действительно на собрании.

Еще несколько коридоров, пара лестничных пролетов, и вот она — дверь трехсотой аудитории, точно специально распахнутая в ожидании меня. Мысленно велев себе успокоиться, я уняла неуместную дрожь, усилием подавила страх и, вспомнив обнадеживающее напутствие адмирала, вошла внутрь.

Сюда был открыт ход далеко не всем, чаще собрания проводились в главном зале. Впрочем, и это просторное, с высокими потолками помещение скорее походило на зал, нежели на обычную аудиторию. Как и

во всем корпусе, интерьер был сдержанным: полы и стены из темно-серого камня, в дальнем конце — статуи сидящих Таггара и Ританы, а в самом центре тянулся длинный прямоугольный стол, за которым сидели тринадцать мужчин. Адмирал занимал почетное место во главе стола. Здесь находился и Косичка, присутствие которого меня немного ободрило. Все-таки оказаться одной перед лицом множества высоких чинов — нервотрепка еще та.

— Кадет Талмор, — приветствовал адмирал так, словно мы виделись впервые за это утро. — Прошу вас перед лицом присутствующих подробно озвучить все угрожающие вашему физическому и моральному здоровью происшествия, имевшие место в корпусе и последнем рейде.

Держать лицо и говорить уверенно было не так-то просто, но все-таки я справлялась, хотя и чувствовала себя в этом огромном зале ничтожно маленькой и незначительной. Однако чем дальше заходила в своем рассказе, тем больше успокаивалась, убеждаясь, что капитаны настроены ко мне благосклонно. Более того, меня слушали. И слушали внимательно, не упуская ни единого слова.

Я рассказала обо всем, за исключением проклятия глубинной ведьмы. Ведь этой ночью я осталась в своей комнате, адмирал мне, конечно, ничего не рассказывал, и о проклятии мне ничего не известно.

Такой поступок оказался верным. Как только я замолчала, закончив своим испугом от вида убитой крысы, слово взял адмирал. Сейчас он был точно таким, каким я запомнила его с нашей первой встречи, — холодным, неприступным, одним видом внушающим уважение и страх. Таким, каким его знали в морском флоте, не имеющим ничего общего с тем, кого я видела этой ночью.

— Как я упомянул ранее, на крысе обнаружено проклятие глубинной ведьмы, — продолжил он за меня. — Кроме того, проклятие затронуло и привязанные к комнате кадета потерянные души, которые из-за него впали в своего рода сон. Проклятие не смертельное, даже не относящееся к разряду особо опасных. Из этого, а также из регулярных угроз следует, что кадета Талмор хотели напугать. Причины лежат на поверхности: обычная зависть и желание, чтобы она покинула корпус. Капитан Вагхан, — без перехода обратился к тому адмирал.

Тот коротко кивнул, поднялся и стремительно вышел из зала. Вернулся он буквально через несколько минут, и не один. Впереди него шел...

— Горт? — в изумлении прошептала я одними губами.

Сын пекаря был необычайно бледен, его глаза метались по аудитории, то мельком скользя по капитанам и ловцам, то опускаясь в пол. На меня он

не смотрел.

Далее выступал капитан Вагхан, предъявляющий Горту обвинения, поочередно высказывались другие капитаны и снова — адмирал, ведущий себя по отношению к нему еще более жестко.

Пока все это происходило, я никак не могла поверить, что Горт — простой дружелюбный парень поступил так отвратительно. Не верила вплоть до того момента, пока он, перепуганный не только увольнением из кадетов, но и угрозой передачи дела в следственный отдел, сам во всем не признался.

— Потому что ей все давалось слишком легко, — сдавленно ответил он на вопрос адмирала. — Мы оба попали в корпус с улицы, только в отличие от меня она вообще из самых низов. Но она, а не я, стала одной из лучших среди кадетов-новичков. Она дочь конченого забулдыги, девка из трущоб, годная только для...

— Горт Дагг! — прервал его громовой раскат голосом адмирала Рея.

Никогда я не видела, чтобы адмирал был настолько зол. Его вчерашний короткий срыв и гнев, направленный на меня, казался незначительным пшиком, мелочью в сравнении с теперешней яростью. Даже со своего места я видела, как потемнели прозрачные глаза, на не скрытой рукавом кисти проступила темная чешуя, а за его спиной появилось несколько дымчатых силуэтов.

Повеяло холодом. Увидев перед собой вместо адмирала настоящего морского демона, Горт судорожно сглотнул, втянул голову в плечи и зажмурился в неконтролируемом ужасе.

Судя по реакции, пробрало всех. Едва заметно вздрогнул даже Вагхан, и только капитан Диатей остался спокоен — кажется, по его лицу даже скользнула тень мимолетной улыбки.

А я все неподвижно стояла, уподобившись замершим в другом конце зала статуям, и пыталась заглушить обиду. Не сосчитать, сколько раз мне приходилось разочаровываться в людях, но, похоже, жизнь меня ничему так и не научила. Слова Горта задели едва ли не больше его поступков.

Но ведь все действительно сходилось. Те же невидимые чернила, какие использовались для написания записки, наверняка были куплены Гортом в лавке магических вещей. Как раз в тот день, когда мы приобретали там шаромаги.

В целом разбирательство много времени не заняло. Признание Горта существенно облегчило задачу, документы о его увольнении были подготовлены заранее, и уже вскоре их украсили две размашистые подписи — адмирала и капитана Вагхана.

Но чего я никак не ожидала, так это прихода стражей, неожиданно появившихся в аудитории. Горт заметно запаниковал, попытался им воспротивиться, но тщетно.

— Вы обвиняетесь в применении запрещенных артефактов, — произнес один из стражей. — Прошу пройти с нами.

За всеми дальнейшими событиями я наблюдала отстраненно, намеренно оградившись от них мысленно. Просто представила, что нахожусь где-то далеко, спряталась глубоко в себя и вернулась к реальности лишь в тот миг, когда в зале нас осталось трое. Я, адмирал и капитан Вагхан.

— Присядьте, — предложил мне адмирал, вернувший вполне человеческий облик.

Заняв ближайшее место за столом, я перевела взгляд с адмирала на капитана и обратно, не понимая, для чего мне требовалось задерживаться.

— Сейчас я говорю, вы молча слушаете. Если возникнут вопросы, зададите позже. — Адмирал Рей сел ровно напротив. — Все, что сейчас было озвучено, — лишь малая часть правды. Поверхностная история для служащих в корпусе. На деле все куда сложнее. Вам подбросили не просто какой-то артефакт с проклятием, а проклятие глубинной ведьмы. Именно глубинной ведьмы. У простого сына пекаря ноль возможностей его достать. Следовательно, неприязненным к вам отношением Дагга просто воспользовались, поручив ему вас запугать. Это подтверждает и определенная сумма, найденная в его комнате. Отсюда возникает закономерный вопрос: для чего это кому-то нужно? Ответов может быть несколько, но наиболее вероятный — напугать вас до такой степени, чтобы вы вынужденно покинули корпус и остались без защиты. Несомненно, если бы не мое вмешательство, угрозы бы продолжились. Суть ясна?

Я медленно кивнула, даже не зная, что ошарашило меня больше — эта самая суть или скорость, с которой адмирал до нее докопался.

— Позавчера было установлено, что Гейру Грей убили с помощью сложного артефакта магии смерти. Именно поэтому мы вначале приняли убийцу за некроманта. Иными словами, кто-то хотел, чтобы мы подумали на него. В настоящее время известно, что за осколками охотятся Кайер Флинт, жрица дроу и Тайлес — тот самый знакомый нам некромант. Но в свете последних событий стало понятно, что есть кто-то еще. Тот, кто убил Гейру и по чьей указке действовал Дагг.

— А вы не допускаете, что Гейру мог убить Флинт? — осмыслив сказанное, спросила я. В его причастность к убийству по-прежнему не верилось, но все же такой вопрос напрашивался сам собой.

— Нет, — с полной уверенностью возразил адмирал. — Флинт бы не усложнял — нам и так известно о его желании получить осколки. А убийца хотел отвести от себя подозрения, переведя их на другого. Вдобавок Флинт...

Адмирал на миг замолчал, и в его глазах отразилось нечто такое, чего я не смогла разобрать.

— Не стал бы ее убивать, — сбросив сиюминутное оцепенение, закончил он.

Капитан Вагхан, о присутствии которого уже как-то забылось, негромко, но выразительно хмыкнул. Я не знала, как трактовать последнее утверждение адмирала, да и раздумывать над ним мне не позволили. Адмирал посоветовал мне отдохнуть перед грядущей поездкой, капитан выдал бумагу, официально подтверждающую мои выходные, и я наконец могла быть свободна.

У двери аудитории стояла Крилл, которая бросилась ко мне, как только я вышла в коридор.

— Поднебесные! Фрида, это правда? — взволнованно спросила она. — Горта арестовали? За что?

Я разве что не застонала, понимая, что придется обсуждать неприятную тему по второму кругу. Но оставлять подругу без ответа не хотела, да и Крилл была не из тех, кто легко отступает. Поэтому, присев на краешек подоконника, я вкратце рассказала ей об угрозах, запугиваниях и ни за что пострадавшей, сдобренной проклятием крысе. А затем продемонстрировала выданный капитаном Вагханом документ и сообщила, что в ближайшую неделю буду отсутствовать.

— Я еду в столицу, — честно ответила на последовавший вопрос и, немного помявшись, уточнила: — С адмиралом.

Глаза Крилл превратились в два огромных блюдца.

— Это связано с моей семьей, — снова не стала врать я. — Кажется, у меня мама отыскалась. И она... как бы это сказать... Не из низкого круга.

Если у Крилл и остались вопросы, то она проявила тактичность и задавать их не стала. Вместо этого поделилась переживаниями за свою семью и сказала, что пришла сюда, надеясь поговорить с адмиралом до его отъезда. Она все-таки решилась лично попросить его о помощи.

— Вот, даже письмо написала. — Крилл невесело усмехнулась, показав мне небольшой конверт. — Попыталась все объяснить, рассказала, как их люблю... Думаешь, они меня простят?

— Да не за что тебя прощать! — возразила я, ободряюще ей улыбнувшись. — Я не знаю твоих родных, но мне кажется, они прекрасно

все понимают. Ты не должна расплачиваться своей жизнью за ошибки младшего брата. Вдобавок прошло достаточно времени, чтобы они успокоились. Все обязательно наладится, вот увидишь!

Последнее заверение я произнесла как для Крилл, так и для самой себя.

Наш разговор прервался из-за вышедшего из аудитории адмирала. Крилл тут же соскочила с подоконника и подошла к нему, а я, чтобы им не мешать, тихо удалилась.

Спешить было некуда, и чувствовала я себя престранно, видя, как на теперь уже заполненном полигоне отдуваются сослуживцы. Капитан Вагхан гонял кадетов так, что те, судя по лицам, проклинали все на свете, и проклятия их были похлеще всяких там глубинных ведьм!

В обеденном зале почти никого не оказалось. Завтрак закончился, но Карк любезно предоставил мне рисовую кашу, хлеб с маслом и чай. Удивительно, учитывая, что эта потерянная душа и любезность — понятия несовместимые.

Вернувшись в комнату, я не торопясь собрала вещи. Их у меня было не так уж много — совсем мало, если быть честной. Зато в сумке осталось свободное место, куда я уложила учебники и взятые в библиотеке книги. Если мне предстоит провести некоторое время вдали от корпуса, это вовсе не значит, что учебу можно забрасывать.

Подумав, я решила прихватить еще и шаромаг. В руки его брала с долей опасения, внезапно вспомнив свой сегодняшний сон. Ладони тут же сделались влажными, в горле встал неприятный комок. Я бы не реагировала на сон настолько остро, если бы во время последнего рейда шаромаг не показал потемневший лепесток хризантемы. Может, он все-таки неисправен?

— Пс, — внезапно нарушило ход моих мыслей. — Эй, доходяга ундинистая...

Еще ни разу за все время меня так не радовали голоса сирен! После слов адмирала о том, что проклятие как-то на них повлияло, я даже переживать начала.

— У тебя все хорошо?

— Надо же, какая забота, — усмехнулась я, решительно отправив шаромаг на дно сумки. — Хорошо. А у вас?

Потерянные души синхронно вздохнули:

— Пришлось еще раз чистку проходить. Как будто все круги Глубины пройти заставили!

Я им посочувствовала — правда посочувствовала, без тени иронии.

Даже представить сложно, каково это — пройти все круги Глубины. Еще одни невинные жертвы наравне с убитой крыской. Кажется, простым испугом отделалась только я.

Время до вечера тянулось невыносимо медленно, будто кто-то намеренно придерживал стрелки часов, не давая им двигаться с обычной скоростью. Я даже пожалела, что мне выдали увольнительную и на сегодня — лучше бы проводила время с пользой, тренируясь вместе со всеми. Праздное времяпрепровождение и безделье, как это обычно бывает, породило нежеланные мысли, вращающиеся вокруг последних событий.

Я невольно думала о Горте, о глупой зависти, о бедной Гейре, погибшей из-за чужих интриг. Но чем дальше, тем больше возвращалась к последним словам адмирала. Слишком много желающих заполучить кристалл душ, и, уверена, многие охотятся за осколками не для себя. Например, Флинт. На кого он работает?

Я уже давно задумывалась над тем, что к этой истории может быть причастен кто-то из приближенных короля. Более того — кто-то из наследников. Ведь не просто так принцесса Калиста задержалась в Сумеречье после алых рассветов? И не просто так сюда же прибыла принцесса Линария, никогда прежде не интересующаяся событиями королевства? Официальная версия, говорящая, что они обе находятся здесь, дабы лично следить за активностью душ в Сумеречном море и нести волю короля, как по мне, звучала не очень убедительно. Зачем этим заниматься принцессам, если в Сумеречье и так работают лучшие ловцы королевства?

В течение дня ко мне еще раз заглянула Крилл, сообщившая, что разговор с адмиралом прошел успешно. Он уже был осведомлен о сложившейся ситуации и намеревался приложить все силы, чтобы ее исправить.

— И письмо согласился передать, — просияла Крилл. — Я думала, он снова будет говорить, что мне нужно оставить службу, но, кажется, Эртан Рей все-таки принял мой выбор. А если принял он, наверняка приняли и родители. — Она неожиданно меня обняла. — Фрида, спасибо тебе за поддержку!

После нее своим присутствием меня почтил Косичка, выдавший мне внушительного объема книгу.

— Чтобы не прохлаждалась, — с серьезным видом пояснил он. — Вернешься, спрошу по всей строгости, так и знай!

Другого я от него и не ждала. На душе посветлело, точно внутри меня взошло лучистое солнце. На жизненном пути нам всегда встречаются такие, как Горт, — это неизбежность, с которой сталкивается каждый. Но

большое счастье, если у тебя есть такие друзья, как Крилл, Тэйн, Даля...
Все-таки мне повезло. Очень.

ГЛАВА 10

Сколько раз я наблюдала за тем, как из темно-синих сумерек появляется Призрачный мост. Сколько раз восхищалась им и смотрела на проходящих по нему горожан. И вот теперь я стояла в первых рядах отбывающих в столицу, имея возможность видеть удивительную магию прямо перед собой.

Во все стороны хлынула россыпь голубых искр, и перед нами расстелилась дорожка серебристого света — сначала зыбкого, невесомого, а затем стремительно обретающего форму.

Сначала по мосту прошли те, кто прибыл в Сумеречье, а после — кто отбывал в столицу, в том числе и мы с адмиралом Реем.

Перед тем как ступить на гладкую белоснежную поверхность, я затаила дыхание. Простые, выданные в корпусе сапоги казались слишком грубыми для такого великолепия. Мои первые шаги были осторожными, нерешительными, но по мосту двигалась не я одна, поэтому пришлось поторопиться.

Вблизи изящные перила выглядели еще более сказочными — оказалось, они покрыты мельчайшими крапинками, имитирующими переливающийся на свету иней. Поднебесные, до чего же красиво!

Такую роскошь, как путешествие через Призрачный мост, могли позволить себе немногие. Пройти по нему означало соприкоснуться с какой-то другой, ранее неведомой жизнью. Наравне с нами шли разодетые лорды и леди, их маленькие дети, одни меховые шапочки которых, должно быть, стоили целое состояние.

От восторга у меня перехватило дыхание. Я не могла унять бешеного сердцебиения, как не могла перестать смотреть по сторонам. Мы шли прямо над Сумеречным морем, внизу плескались волны, шипела соленая пена, а невдалеке покачивался «Синий волк» — сегодня вечерний рейд совершал отряд капитана Диатея.

Переход из Сумеречья в столицу прошел незаметно. Все вокруг заволочла легкая дымка, и вот под ногами уже не гладь моста, а черный камень, лишь едва припорошенный снегом.

Я просто поверить не могла, что впервые покинула остров и переместилась в самую столицу. Словно во сне следовала за адмиралом, попутно отмечая грандиозное, масштабное сооружение, расположившееся на другой стороне улицы.

«Двулунный театр», — тут же всплыло в памяти. Кажется, Крилл как-то упоминала, что Призрачный мост ведет именно к нему.

Я потрясенно рассматривала двенадцать белых скульптур, стоящих на крыше и контрастирующих с общим темным фоном здания театра, изящные капители с фигурным орнаментом, арки, которые образовывали высокие колонны.

Следующее, что привлекло мое внимание, — это внезапное потепление. В столице ощущался лишь легкий морозец, какой в Сумеречье бывал под конец весны. Дороги и тротуары не утопали в снегу, лишь у обочин виднелись совсем невысокие сугробы.

Вокруг было много людей — и тех, что прибыли с нами, и случайных прохожих. Звучно цокали копыта келпи, которых здесь впрягали в красивые повозки, из ближайшего здания доносились звуки музыки и аромат кофе, чуть поодаль — на Театральной площади — люди катались на коньках.

От обилия красоты, шума, затопившего меня восторга закружилась голова. Только когда мне на локоть легла рука адмирала, я обнаружила, что незаметно для себя остановилась.

— Нравится? — В его голосе звучала улыбка.

Я даже не нашла силы ответить. Просто застыла, продолжая смотреть на незнакомое великолепие, впитывать его и растворяться. Маленький кусочек этого мира оказался слишком большим для меня — не знавшей ничего, кроме сурового Сумеречного острова, где правит холодное море.

Дав мне немного прийти в себя, адмирал остановил проезжающую мимо повозку и помог мне забраться внутрь. К небольшому оконцу я буквально прилипла — точно ребенок, оказавшийся в огромном магазине игрушек и жадно желающий все рассмотреть.

Мы ехали по широкому проспекту, вдоль которого мелькали яркие фонари, витрины магазинов, площади и скверы. Почти на каждом шагу встречались скульптуры и арки, зарисовки которых я видела лишь в газетах. Иногда, в то время как мы проезжали мимо какой-нибудь достопримечательности, адмирал давал пояснения, кратко о ней рассказывая, но по большей части предоставлял мне просто смотреть.

Я снова так увлеклась, что далеко не сразу заметила его прикованный ко мне внимательный взгляд. А случайно столкнувшись с ним, на мгновение замерла и тут же отвела глаза. На этот короткий промежуток времени даже городские пейзажи волновать перестали. Показалось, что он смотрел на меня, затаив дыхание, точно так же, как я — на столицу... Глупое воображение.

— Куда мы сейчас? — запоздало поинтересовалась я, когда повозка

свернула на другую улицу.

— Ко мне, — последовал короткий ответ.

Только сейчас до меня дошло, что ближайшие дни придется провести непосредственно в доме адмирала. Почему-то до этого момента задуматься над тем, где буду жить в столице, я не удосужилась.

Особняк, у которого остановилась повозка, находился практически на окраине. Еще давным-давно, когда я даже не мечтала о поступлении на службу в корпус, мне доводилось читать в газетах о том, что живущие в столице аристократы, как правило, имеют несколько домов. Тот, куда мы приехали, был относительно небольшим, но очень красивым, схожим по экстерьеру с остальной архитектурой столицы.

Пока мы ехали, я заметила, что это такая столичная особенность — общий стиль, объединяющий все улицы города. Главной отличительной чертой являлись темные, практически черные тона, но обязательно присутствовал какой-нибудь светлый акцент. Наверное, сказывалось правление черных саламандр и наличие в королевской семье сильфа. Этакая битва контрастов.

Адмирал бросил извозчику несколько монет, тот почтительно приподнял шляпу, и лошадь звучно застучала копытцами, унося повозку вперед по улице.

Черные кованые ворота открылись, стоило нам к ним приблизиться. В лицо повеяло знакомым холодом, как бы сообщающим, что к особняку привязаны потерянные души. Уж кто бы в этом сомневался...

Невольно пожившись, я вошла во двор, попутно не переставая удивляться малому количеству снега. Он покрывал землю и крышу тончайшим, практически незаметным слоем, а на ведущей к входу дорожке отсутствовал вовсе.

Как только передо мной вновь распахнулась дверь — на этот раз ведущая непосредственно в дом, восторг начал понемногу угасать. На смену ему пришла извечная неловкость, и мне стало немного неуютно. Я вдруг поняла, что нахожусь в чужом городе, в незнакомом доме совершенно постороннего мужчины. Ну... не совсем постороннего, но сути это не меняет.

— Хозяин, с возвращеньцем! — прокатился по особняку бодрый мужской голос. — О, а кто это с вами?

— Госпожа Талмор, — ответил адмирал, приглашающим жестом указывая мне на дверь соседней комнаты. — Прошу всех и тебя в особенности быть вежливыми по отношению к моей гостье.

— Обижаете, хозяин! — Если бы душа пребывала в теле, наверняка бы

укоризненно покачала головой. — Приятно познакомиться, госпожа Талмор, я Овар — дворецкий этого чудесного дома.

— Можно просто Фрида, — улыбнулась я. — И мне приятно, Овар.

Что удивительно, я даже ничуть не слукавила. Звучащий голос был очень приятным — такой мог принадлежать молодому человеку, которому знакомо понятие хороших манер. В самом деле, удивительно для потерянной души!

— Явиа, будьте добры, подготовьте для нашей гостьи комнату, — отдал распоряжение адмирал, после чего по гостиной, куда мы пришли, пробежался легкий ветерок.

На сей раз хозяину дома отвечал голос старушечий, но все такой же бодрый:

— Займись сию же минуту!

Надо же, какими любезными, оказывается, могут быть потерянные души. Ощущение неловкости вдруг странным образом испарилось, и я почувствовала себя вполне комфортно. Наш приход способствовал мгновенному появлению в камине огня, на столе — столовых приборов и восхитительно пахнущих блюд, а мой скромный багаж, который всю дорогу нес адмирал, внезапно взмыл в воздух и отправился куда-то на верхние этажи.

— Наши совместные ужины уже становятся традицией, не находите? — заметила я.

— Приятной традицией, я надеюсь? — Адмирал отодвинул для меня стул.

Вот это и называется спорным вопросом. Конечно, назвать их неприятными было никак нельзя, но для приятных такие ужины были слишком волнующими. А стоило вспомнить, чем все закончилось в последний раз...

За молчание я заработала выразительный взгляд, сопровождаемый не менее выразительно изогнутой бровью.

— Конечно, — тут же поспешила я исправить оплошность и снова с тоской посмотрела на еду. Выглядела она крайне аппетитно, но я была сыта, успев поужинать в корпусе.

Как говорит Далия — если не хочешь есть, но не есть неприлично, изображай затянутую в корсет леди. То есть медленно режь, тщательно жуй и строй из себя болезную. До леди мне как до обеих лун, но советом я воспользовалась — правда исключив последний пункт.

Теория Далии предполагала, что такое поведение должно смотреться естественно, но, видимо, актриса из меня такая же, как леди, потому что

уже через пару минут адмирал спросил:

— Невкусно?

— Очень вкусно, — вздохнула я. — Но я не голодна.

— Работающий в этом доме повар — единственный живой среди прислуги, — вдруг с легкой улыбкой поделился адмирал. — Неплохой парень, только чрезмерно замкнутый. Готовит так, что забываешь обо всем на свете. Ни в одном ресторане такого вкусного жаркого не пробовал.

— Верю. — Я не сдержала ответной улыбки.

— Правда, ворчит постоянно, что некому его стряпню пробовать. Я здесь редко бываю, хотя этот дом не просто люблю, он для меня как родной корабль — пристанище и место, где можно отдохнуть от суеты. А прислуживающих душ ты не опасайся и смело проси, если что-нибудь понадобится. Они тоже неплохие ребята. Лучше многих живых.

Адмирал говорил со мной до того просто и искренне, что я поразились. А то, как он описывал потерянные души, и вовсе тронуло. Никогда мне не доводилось знать кого-то, кто бы так тепло относился к подчиненным душам. Все-таки адмирал Рей — удивительный человек...

Теперь мне было странно, как в первые мгновения я могла почувствовать себя здесь неуютно. Каждая мелочь, каждая деталь говорила о том, что адмирал по-настоящему любит этот дом, и тот отвечает ему взаимностью. Казалось, даже воздух здесь был каким-то особенным — успокаивающим и расслабляющим.

Когда адмирал продолжил непринужденно рассказывать мне о своей необычной прислуге и припоминать всевозможные, связанные с ними забавные случаи, напряжение развеялось окончательно. Я даже не заметила, как потихоньку уговорила и то самое жаркое, и гарнир, и даже пригубила вино.

Ощувив на языке кисло-сладкий, немного терпкий вкус, опомнилась и закашлялась.

— Из Сиятельной области Солнечного королевства, — тут же вставил адмирал. — По свойствам ничем не уступает нашему русалочьему.

После он перешел к планам на завтрашний день, сказав, что утром ему требуется уехать по каким-то делам, а к моим родственникам мы отправимся днем.

— Леди Шаркэ поставлена в известность о твоём грядущем визите, — играя вином в бокале, адмирал Рей смотрел на меня. — Твоя бабка — жесткая и прямолинейная женщина в отличие от своей дочери. Встреча в любом случае будет трудной для всех вас, но, что бы ни происходило, просто помни, что ты не одна. Я буду рядом.

От такого отношения мне захотелось разреветься. Поднебесные, ну чем я заслужила такое расположение и поддержку?

— Спасибо, — поблагодарила дрогнувшим голосом, в то время как на душе разразилось цунами.

Мы еще немного посидели за столом, после чего адмирал велел Овару проводить меня до подготовленной комнаты. Дворецкому дважды повторять не пришлось, и я в сопровождении неумолкающей потерянной души двинулась к ведущей наверх лестнице.

— Фрида, — неожиданно окликнул адмирал Рей, когда я преодолела несколько ступеней.

Я обернулась, и он, глядя на меня невероятно прозрачными, цвета растаявшего льда глазами, произнес:

— Я рад, что ты здесь.

— Я тоже, — спустя паузу, тихо ответила ему и под сопровождение своего бешено колотящегося сердца быстро взбежала по лестнице.

Комната превзошла все ожидания. Она не была вычурно роскошной, не поражала воображение изобилием дорогих вещей, но в ее утонченной простоте чувствовался тот же вкус, что и во всем доме. Приглушенные синеватые тона, арочные окна, скрытые лишь полупрозрачными, напоминающими паруса занавесками, мебель из красного дерева, а на стенах — несколько морских пейзажей. Треск поленьев в камине, мягкий ковер на полу и ароматы масел, доносящиеся из ванной, дополнили общую картину, сделав ее совершенной. Но главное, что делало это место особенным, — та самая атмосфера покоя, надежности и гармонии, не почувствовать которую было невозможно.

— Вы, деточка, должно быть, устали с дороги, — ласково проговорила госпожа Явиа. — Я вам там ванну горячую организовала. Пены, соли морской добавила — все как полагается. Надеюсь, вы любите ароматные масла? Я букет сама составляла, специально для отдыха и расслабления.

— Спасибо вам большое, — от всего сердца поблагодарила я. — Мне все очень нравится.

— Эрган сам этот дом строил, с нуля, можно сказать, — пока я переодевалась, рассказывала потерянная душа. — Море, конечно, его главная любовь, но к архитектуре он тоже теплые чувства питает. Сам чертежи разрабатывал, по мере возможности за строительными работами следил, мебель закупал. Даже мастерскую здесь создал, где макеты будущих кораблей изготавливает.

Не до конца стянув рубашку, я так и замерла в удивлении:

— Адмирал Рей занимается кораблестроением?

— Вы не знали? — в свою очередь, удивилась потерянная душа. — Впрочем, о чем это я... Эртан ведь это не афиширует. Не любит свои достижения и таланты напоказ выставлять. А я же его еще совсем мальчишкой помню — он уже тогда кораблики мастерил и по реке пускал. Тогда мы с ним впервые и встретились. Я себя до этой встречи совсем не осознавала, но до сих пор горда, что первой его подчиненной душой стала.

Госпожа Явиа вздохнула, погрузившись в воспоминания, и тут же встрепенулась:

— Ой, да что же это я? Совсем вас заговорила. Ступайте в ванную, милая, да пораньше отправляйтесь спать. А то вон худенькая какая, бледненькая, за здоровьем вам следить нужно!

Еще одного приглашения мне не требовалось. Войдя в ванную комнату, я с удовольствием избавилась от оставшейся одежды, распустила волосы и, чувствуя себя русалкой, забралась в горячую воду, над которой вздымался белый пар. В Сумеречье такая роскошь, как ванна горячей, да к тому же кристально чистой воды, была доступна только аристократам, и то не всем. Неудивительно, что я принимала ванну впервые... Ощущения от такого мытья были просто непередаваемыми. В тысячу раз ярче, чем от душа!

Упругая, насыщенная пряными ароматами и солью вода обволакивала, приносила неземное блаженство, смывала усталость и словно уносила в само Поднебесье. Прикрыв глаза, я положила голову на гладкий край и полностью расслабилась, наслаждаясь горячим покоем. Мысли сделались ватными, туманными, но длилось это недолго.

«Я рад, что ты здесь», — всплыли в памяти слова адмирала, заставившие сердце вновь учащенно забиться.

Здесь — то есть в этом доме, который, с его же слов, является личной крепостью и местом отдыха от суеты. Местом, куда нет входа посторонним.

Почему он так сказал? Если бы речь шла не о самом адмирале королевского флота, я бы решила, что... что нравлюсь ему. Но это невозможно! Он высокопоставленный лорд благородного происхождения, морской демон и сильная, наделенная множеством талантов личность. Командование, кораблестроение, архитектура... А что умею я? Чем могу привлечь такого, как он? Нет, это решительно невозможно!

Закрыв лицо руками, я нырнула под воду, создав на ее поверхности множество мелких пузырьков.

А может, все дело в очаровании ундин и том единственном поцелуе? Ведь сумела же Аэлина на всю жизнь приворожить моего несчастного отца. Даже простым ундинам это под силу, а уж особенным — и подавно. И

пусть я полукровка, все же кровь во мне течет очень сильная.

Такое объяснение казалось логичным, но почему-то причиняло нестерпимую боль — как будто в незатянутую рану воткнули лезвие и методично его проворачивали.

Проведя в ванной еще около получаса, я решила, что нужно обязательно отыскать подробную информацию о таких приворотях и тщательно ее изучить. Конечно, подобного рода литература в приличных магазинах не продается и на первые полки библиотек не выставляется, но у нас в корпусе точно должна быть. Остается только навеститься к Гвиане после возвращения в Сумеречье и попросить ее посодействовать в поисках.

Следуя давней привычке, поднялась я рано, хотя и имела возможность как следует выспаться. Накануне долго ворочалась и не могла заснуть из-за избытка переживаний, и как итог — не спала практически всю ночь.

Тем не менее после пробуждения чувствовала я себя бодро — здешняя атмосфера сказала, не иначе. А вот внешний вид оставлял желать лучшего, особенно волосы. Ведь уже давно зарекалась ложиться спать с мокрой головой, а вчера совершенно об этом не подумала!

— Как будто морским ежом причесали, — вздохнула я, принявшись продирать спутавшиеся пряди щеткой. — Вот заявлюсь такой красавицей к родне, скорее, за русалку дикую примут...

Стоило вновь вспомнить о предстоящей встрече, как внутри все перевернулось и болезненно заныло. На миг замерев, я глубоко вдохнула, мысленно себя отругала и принялась расчесываться с еще большей неистовостью. Было бы из-за кого переживать!

Заплетя привычную косу, я тихонько выскользнула из комнаты и с незаметностью теневого охотника спустилась вниз. Сперва думала остаться в комнате, но уж очень захотелось выпить чего-нибудь горячего. Хоть и чувствовала себя бодрой, уже к обеду могла начать клевать носом, так что пара глотков кофе пришлась бы как раз кстати.

Дом еще спал, наполненный легкой предрассветной негой. Удивительно, но на улице в такой ранний час не стояла непроглядная темень, как обычно бывает у нас в Сумеречье. Чтобы идти и не спотыкаться на каждом шагу, даже не требовался искусственный свет.

Где находится кухня, я могла лишь догадываться, но, по счастливому стечению обстоятельств, нашла ее быстро. Выходя из комнаты, я предполагала, что повара здесь не застану и с просьбой выпить кофе обращусь к Овару. Но, вопреки ожиданиям, на большой плите уже стояла сковорода, из которой вылетали брызги раскаленного масла, рядом

пристроилась кастрюля с бурлящей водой, а в воздухе витали крайне аппетитные ароматы сдобы.

Увидев ловко орудующего ножом повара, я подумала, что мне мерещится. Даже зажмурилась и для надежности помотала головой. Но когда открыла глаза, ничего не изменилось — около столешницы стоял гнолл. Вернее, не просто какой-то гнолл, а тот же самый, которого я видела на корабле у Флинта! Невысокий, жилистый, с ярко-желтыми глазами — ну точная копия!

Пока я в ступоре застыла на пороге кухни, желтые глаза направились на меня. Наверное, мы с гноллом еще бы долго друг друга рассматривали, если бы я внезапно не заметила одну важную деталь. У кока, работающего на «Черном призраке», имелся один острый, выходящий на нижнюю губу клык. У этого же гнолла с прикусом все было в порядке. По крайней мере, на первый взгляд.

— Доброе утро, — отмерев, приветствовала я.

— Алых рассветов, — спустя недолгую паузу буркнули мне в ответ.

Мне прямо интересно стало: такое пожелание — простая вежливость, вытекающая из знания того, откуда я родом, или этот гнолл сам какое-то время жил в Сумеречье? Все-таки алых рассветов в основном желали только у нас.

— Не помешаю? — вежливо поинтересовалась я, продолжая мяться в дверях.

— Нет, — коротко ответил гнолл и без перехода предложил: — Завтрак?

— Кофе, если можно.

Пока повар варил для меня заказанный кофе, я продолжала украдкой его рассматривать. Теперь, когда могла видеть его вблизи, стали заметны и некоторые другие отличия между ним и коком Флинта, но все же они были безумно, нереально похожи! Гноллов за свою жизнь я видела не так чтобы много, но точно знала: все они, как и представители других рас, сильно отличаются между собой.

Когда передо мной поставили фарфоровую чашечку с ароматным напитком, я не сдержала так и рвущийся с языка вопрос:

— Простите за нескромность, но у вас, случайно, нет брата?

«Бряк!» — чайная ложка, которую гнолл держал в руках, вдруг упала на пол.

Наклонившись, он подцепил ее двумя пальцами, отер о фартук и, вернувшись в нормальное положение, нахмурился:

— Ну есть. Только вам-то что за дело?

— Просто мне показалось, что я видела его в Сумеречье, — пояснила я свое любопытство, уже жалея, что вообще об этом заговорила. — Вы очень похожи.

— Похожи, — согласился повар, отойдя к плите. — Не виделись ши знает сколько, и еще бы столько с ним не видеться.

На этом любопытство пришлось усмирять, потому как расспрашивать подробнее было бы верхом бестактности.

Мелкими глотками отпивая умопомрачительный кофе, я размышляла над тем, как адмирал вообще взял на службу гнолла. Обратней-шакалов в нашем королевстве до сих пор презирали и никогда не нанимали на приличную работу. Им только и оставалось, что или побираться, или идти в пираты, или заниматься контрабандой. Ну или вовсе не казать в Объединенное Двухлунное королевство своих приплюснутых носов.

А еще какая все-таки ирония, что братья-гноллы работают на двух заклятых врагов — пирата Кайера Флинта и адмирала Эртана Рея. Притом я была убеждена: никто из этих двоих работодателей о таком любопытном обстоятельстве даже не подозревал.

Через некоторое время о себе дал знать дворецкий, сообщивший об отъезде адмирала и его просьбе передать, что мне следует быть готовой к часу дня. Следом Овар заверил, что я могу чувствовать себя как дома, и, если пожелаю, он с удовольствием проведет для меня небольшую экскурсию. Я уже собиралась согласиться, когда в наш разговор вмешалась госпожа Явиа, сказавшая, что сперва мне необходимо собраться.

— Собраться? — непонимающе переспросила я, посмотрев на свою одежду.

— Эрган сказал, что сегодня вас ожидает важная встреча в доме высокородных аристократов, — произнесла потерянная душа. — У вас чудесная форма, дорогая, но на такой встрече она будет совершенно неуместна. И еще более чудесные волосы, но коса в данном случае будет вас простить и придаст вашему облику трогательную беззащитность. А это ведь совершенно не то, что требуется?

Никогда бы не подумала, что всего лишь прическа может придавать «трогательную беззащитность». Но госпожа Явиа явно понимала, о чем говорила, в то время как я о таких тонкостях не знала вообще ничего. Выглядеть беззащитной перед леди Шаркэ мне уж точно не хотелось, поэтому я согласилась принять помощь потерянной души и безропотно отправилась с ней наверх.

— К сожалению, я не могу контактировать с вами напрямую, поэтому просто постарайтесь в точности исполнять мои указания, — попросила

госпожа Явиа. — Итак, для начала откройте гардеробную и возьмите голубое платье. Да, и меховую накидку с сапожками — тоже.

Достав требуемое, я с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. Платье было отнюдь не вечерним и просто скроенным, но до чего же изящным в этой своей простоте! Есть такие вещи, которые даже несведущий обыватель с первого взгляда признает дорогими. Так вот, и это платье, и черная меховая накидка, и сапожки на невысоких тонких каблучках относились к числу подобных вещей.

— Конечно, с вашим роскошным нарядом это платье не сравнится, но оно больше подходит случаю, — произнесла госпожа Явиа, чем поставила меня в тупик.

— Боюсь, я не совсем понимаю, о каком роскошном наряде идет речь. У меня с собой только форма и самое простое платье, какое только...

Я не договорила, внезапно поняв, о каком наряде говорит потерянная душа. Но не успела эта мысль до конца сформироваться, как ее подтвердили:

— Ну как же... Ваше прекрасное темно-синее платье, украшенное перламутровым жемчугом и вышедшее из мастерской «Селье — Ди»!

Я разве что не застонала.

Вот ведь ши! Преследующий меня подарок Флинта, о котором я уже и думать забыла, снова о себе напомнил! Ну что за наказание?

Успокоило лишь то, что прямо сейчас надевать его не требовалось, и творение знаменитой мастерской могло и дальше преспокойно почивать в дальнем уголке гардеробной.

Предложенное госпожой Явией платье пришлось мне как раз впору. Длинной до пола, приталенное, с расклешенным подолом, из плотной, немного глянцевого ткани — оно и впрямь смотрелось чудесно.

Такую красоту я на себя еще не примеряла, поэтому оторваться от созерцания своего отражения было сложно. Впрочем, этого и не требовалось, так как мне велели присесть перед зеркалом, распустить волосы и подколоть их лежащей на туалетном столике заколкой. Пришлось приложить изрядные усилия, так как ничего сложнее косы я раньше не делала.

С третьей попытки мне удалось закрепить на затылке передние пряди. Результат вышел неожиданно неплохим, и я даже нашла себя в какой-то степени привлекательной.

— Вы просто очаровательны, — довольно констатировала потерянная душа. — Скажу по секрету, многие столичные модницы тратят уйму средств, чтобы добиться такой ровной кожи и выразительности глаз.

Милая, ваши глаза — просто чудо, в них отражается целое море!

Отведя взгляд от зеркала, я смущенно улыбнулась. Никогда не любила комплиментов, потому как не знала, что на них отвечать. Вдобавок меня с самого начала мучил один вопрос, который сейчас было самое время задать.

— Скажите, а эта одежда, — я на миг замолчала, подбирая подходящие слова, — откуда она здесь?

Госпожа Явиа ответила не сразу:

— Лорд Рей велел доставить минувшим вечером. Он просил меня не затрагивать эту тему, но раз уж вы сами спросили... — Снова недолгая пауза и запальчивое продолжение: — Лорд никоим образом не хотел вас обидеть! Это я настояла на том, что в столице вам может понадобиться новая одежда. При отъезде в Сумеречье можете забрать ее с собой, а можете оставить здесь — как пожелаете.

Судя по тому, как рьяно потерянная душа взялась защищать адмирала, их теплые, практически родственные чувства были взаимны. У меня же и мысли не возникло, что можно обидеться на такие действия адмирала, — это было бы попросту глупо. Более того, я была искренне благодарна и ему, и госпоже Явиа за предусмотрительность. На сегодняшней встрече мне действительно хотелось чувствовать себя максимально уверенно, а подобающий внешний вид очень этому способствовал.

После сборов Овар, как и обещал, провел для меня небольшую экскурсию по дому. Показал две гостиные, просторную столовую и большую, уютно обставленную библиотеку. Закрытыми для меня остались только двери кабинета и спальни хозяина дома, а также гостевые комнаты, не представляющие никакого интереса. Я была уверена, что мастерская мне так же показана не будет, но ошиблась.

— Прошу, — с энтузиазмом произнес Овар, и дверь передо мной распахнулась.

Если до этого момента я вела себя сдержанно и восхищение выражала не бурно, то теперь сдержаться не смогла. Мастерская просто поражала воображение. Не только обилием макетов всевозможных форм и размеров, не только заполнившими шкафы инструментами, но и непередаваемой атмосферой. В противовес спокойствию, царящему во всех остальных комнатах особняка, здесь властвовал настоящий творческий дух. Безудержный и вдохновляющий. Такой могла быть мастерская художника — не того, кто для самовыражения использует краски, а являющегося таковым по сути.

Окруженный древесными опилками, на столе стоял незаконченный

макет корабля. Миниатюрная палуба, мачты и натянутый парус смотрелись до того реалистично, что невольно верилось в нахождение на этом корабле команды и капитана. На этом макете присутствовали даже пушки — казалось, вот-вот выстрелят!

Мне невольно вспомнился младший брат Тэйна, в комнате которого я так же видела макеты кораблей. Льео по-настоящему восхищался и морем, и служащими морского флота, и особенно адмиралом. И сейчас его восхищение я разделяла как никогда.

Рядом с макетом лежали чертежи, бумаги с расчетами, сделанными мелким аккуратным почерком. В очередной раз я поразились тому, сколько же всего адмирал Рей успевает в этой жизни. Это ведь каким терпением нужно обладать, чтобы разработать модель хотя бы одного корабля! А их здесь десятки!

За рассматриванием макетов время пролетело незаметно. Я целиком и полностью погрузилась в этот невероятный мир, ходила от одной полки к другой, всматриваясь в каждую деталь, и к реальности вернулась лишь в тот момент, когда за моей спиной раздалось деликатное покашливание.

Резко обернувшись, я увидела стоящего в дверях владельца мастерской.

ГЛАВА 11

Несмотря на то что находилась здесь с приглашения дворецкого, я почему-то подумала, что адмирал рассердится. Одно дело — просто пустить меня в свой дом и совсем другое — в личный, недоступный посторонним уголок души. Да, души — именно так мне виделась эта мастерская.

— Простите, — суетливо проговорила я, чувствуя себя застигнутой на месте преступления. — Мне не следовало сюда заходить, я...

— Фрида, — мягко, но настойчиво оборвал адмирал, поймав мой взгляд, — если бы я не хотел, вы бы сюда не вошли.

Повисла недолгая тишина, которую пререзал стук его приближающихся шагов. Обнаружив, что все еще держу в руках последний, тщательно изучаемый макет, я опомнилась и осторожно поставила его на место.

— Это «Эстрелия», — опалило мой затылок горячее дыхание. — Один из лучших бригов нашего флота, названный в честь троюродной сестры прошлого короля.

От ощущения его невероятной близости по коже пробежала дрожь, и меня охватило уже знакомое томительное волнение.

— Это та леди, прославившаяся за счет вклада в кораблестроение? — спросила я, силясь справиться с всколыхнувшимися эмоциями.

Словно намеренно желая подлить масла в разгорающийся внутри меня огонь, дыхание теперь щекотало волосы, а обволакивающий голос понизился до полупшепота:

— Потеряв мужа, бывшего отважным капитаном, она стала самой состоятельной вдовой своего времени. Получив возможность выбрать любой путь в жизни, Эстрелия предпочла уехать в Сумеречье, где посвятила себя заботе о нуждающихся, а большую часть своего состояния пожертвовала морскому флоту.

— У нас до сих пор стоит памятник ей, — припомнила я, устыдившись, что в последний раз посещала эту достопримечательность Поднебесье весть когда.

Адмирал замолчал, и в наступившей тишине вызванные его близостью ощущения усилились стократ. Во мне словно скрутилась тугая пружина, готовая распрямиться в любой момент, и, не в силах этого вынести, я развернулась. А развернувшись, подумала, что уж лучше бы этого не

делала.

— У вас настоящий талант, — произнесла, желая нарушить невыносимое молчание. — «Эстрелия» — просто поразительный бриг! Мощный, но вместе с тем грациозный и прекрасный.

— Благодарю. — Глаза адмирала выражали такую серьезность, что подумалось, будто мое мнение для него действительно важно. А затем эти глаза сделались бледно-голубыми, в то время как его губы тронула невесомая улыбка. — Вы сегодня тоже прекрасны, Фрида. Впрочем, как и всегда.

С ответом я не нашлась и, невольно прикусив губу, почувствовала, как к щекам приливает предательская краска. Ничего не могла с собой поделаться — не знала, как реагировать на комплименты, и все тут! Но то, что комплимент сделал именно адмирал, да еще и глядя прямо в глаза, находясь столь близко, что можно рассмотреть каждую черточку его лица, отозвалось во мне сладостной, кружащей голову волной.

— Прошу прощения, — прокатился по мастерской голос дворецкого. — Экипаж подан.

Даже днем столица не утратила своего загадочного очарования. Хотя небо было пасмурным, пепельно-серым, оно не придавало городу угрюмости, как это обычно бывало в Сумеречье. Пока экипаж катился по мощенным черным камнем улицам, я, как и накануне, смотрела в окно, непрерывно комкая перчатки. Виды Нортегары проплывали перед глазами словно окутанные туманом, а мысленно я уже стояла напротив двух леди, до сего времени не желавших меня знать. Пока их фигуры тоже скрывал туман, но осознание того, что уже совсем скоро он рассеется, заставляло желудок болезненно сжиматься и делало ладони влажными.

Леди Аэлина Лавьет — женщина, приходящаяся мне биологической матерью. И леди Карелла Шаркэ — моя биологическая бабушка.

Я вспоминала папу, когда он сидел на нашей кухоньке в обнимку с бутылкой эля и жаловался на свою судьбу. В такие моменты сквозь алкогольный дурман в его глазах проступали безнадежная тоска и такая безысходность, что при взгляде на него болезненно сжималось сердце. За одну только эту безысходность я никогда не смогла бы простить леди, обрекшую выращившего меня человека на такое существование. Да, отчасти в том была повинна слабая воля самого папы, но это не отменяло вины Аэлины Лавьет.

В какой-то момент, когда экипаж свернул на широкий проспект, по обеим сторонам которого замелькали многоэтажные особняки, я даже захотела посмотреть ей в глаза. Просто стоять и смотреть, зная, что

переживать нужно ей. Ей, а не мне.

К тому времени, как экипаж остановился и адмирал подал мне руку, помогая из него выйти, я успокоилась. Раз уж сама судьба уготовила нам встречу, я буду спокойной, собранной и уверенной в себе.

— Мне нужно сделать так, чтобы они еще неоднократно пригласили меня в свой дом? — спросила я адмирала, когда мы подходили к воротам. — О местонахождении грота ведь необходимо узнать как можно скорее?

На самом деле я вовсе не испытывала уверенности в том, что сумею выполнить эту задачу. Даже если они знают о местонахождении грота, с какой стати станут говорить об этом мне? Если столько лет считали меня чужой, вряд ли что-то изменится теперь.

— Забудь о гроте, Фрида, — возразил адмирал Рей. — Не думай об этом. Все само сложится так, как должно.

У входа нас встретил дворецкий, весь облик которого полностью соответствовал классическому представителю этой профессии: абсолютно бесстрастное лицо, идеальная осанка, равнодушный взгляд и безупречная сдержанность в каждом жесте.

— Прошу за мной. — Почтительно поклонившись, дворецкий прошествовал к высокой белоснежной арке, и мы двинулись следом.

Стараясь дышать ровно и глубоко, я улавливала чуть солоноватый свежий аромат, легким флером повисший в воздухе. Сам воздух к тому же был влажным, прохладным и как будто морским. Пожалуй, это единственное, что здесь показалось мне приятным. Интерьеры напоминали те, что я уже видела в доме Тэйна, — такая же высокомерная холодность и сдержанный шик.

Я, как могла, пыталась отрешиться от ситуации и сохранять обретенное спокойствие. Но чем ближе мы подходили к открытой двери гостиной, тем сильнее колотилось сердце. Меня точно забросило в немислимо реальный сон, и я не знала, обернется он прекрасным сновидением или превратится в кошмар.

До этого момента я могла тысячу раз посмотреть на портреты родственниц в какой-нибудь газете. Даже неоднократно порывалась это сделать, но всякий раз меня что-то останавливало. И теперь, когда нас разделяло всего несколько шагов, боялась их увидеть. Воображение против воли рисовало портреты, подобно живописцу накладывая на холст сознания яркие, живые мазки.

Перед тем как пройти в гостиную за дворецким, я на мгновение остановилась. Стена. Нас разделяла одна оклеенная голубыми обоями

стена. Стена толщиной в равнодушие и длиной в долгие девятнадцать лет...

Адмирал ободряюще коснулся моего плеча, и я, сбросив оцепенение, решительно вошла в дверь. Расправив плечи и высоко подняв подбородок, проследовала за дворецким, который подвел нас к белому дивану с накрытым для послеобеденного чая столом.

Она стояла рядом — такая же холодная и сдержанная, как ее особняк. Строгое ультрамариновое платье подчеркивало безупречно стройную фигуру, высокая прическа открывала длинную шею. Правильные черты лица и ровную матовую кожу практически не тронули возрастные изменения. При нашем появлении губы леди Шаркэ сложились в сдержанную приветственную улыбку, синие глаза скользнули по мне лишь мельком и остановились на адмирале.

— Добрый день, лорд Рей. Счастлива видеть вас в своем доме.

— Благодарю, леди Шаркэ. — Он легко коснулся губами протянутой ему руки и, выпрямившись, произнес: — Позвольте представить Фриду Талмор — одного из лучших кадетов Морского корпуса, подающего большие надежды.

Меня наконец удостоили долгого внимательного взгляда. Я стояла не шелохнувшись и странным образом не чувствовала вообще ничего. Ни обиды, ни злости, ни раздражения, ни даже волнения. Ни-че-го.

Наверное, во мне дремали провидческие способности, потому как леди Шаркэ оказалась в точности такой, какой мне представлялась. Не удивляли ни ее холодность, ни тщательно скрываемое, практически неуловимое пренебрежение, с которым она смотрела на меня. Да, пренебрежение с толикой презрения умело пряталось за показной аристократичной вежливостью, но не почувствовать этого я не могла.

И мне действительно вдруг стало все равно. Передо мной стоял абсолютно чужой человек... точнее, ундина. Женщина, с которой меня не связывало ничего, кроме какой-то там крови.

— Что ж, Фрида, вы хорошенькая, — с видом монарха, снизошедшего до простого смертного, резюмировала леди Шаркэ. — Признаться, не ожидала, учитывая вашу сомнительную родословную.

— Вы правы. — Я позволила себе не менее вежливую улыбку. — Мою родословную по женской линии вряд ли можно назвать приятным подарком. Но, увы, предков не выбирают.

Такого дерзкого и прямого ответа она от меня явно не ожидала, но ее возмущенное удивление выдали лишь ярко блеснувшие глаза.

— Могу я поинтересоваться, где леди Лавьет? — не дав хозяйке дома

среагировать на мой выпад, вставил адмирал.

Внимание леди Шаркэ тут же переключилось на него, и она с показной досадой вздохнула:

— К сожалению, моей дочери сегодня нездоровится. Она приносит извинения за свое отсутствие и выражает надежду, что ей еще представится возможность увидеться с вами во время вашего нахождения в Нортегаре. Но мы можем обсудить все вопросы и без нее, не так ли?

— Возможность представится, — проигнорировав последний вопрос, отрезал адмирал. — Не сомневаюсь, леди Лавьет, как и всякая хорошая мать, горит желанием увидеть свою единственную дочь, и плохое самочувствие этой встрече помешать не сможет.

Адмирал сделал короткую паузу и саркастически повторил:

— Не так ли?

На несколько мгновений леди Шаркэ буквально окаменела, но, когда заговорила, ее голос звучал по-прежнему ровно:

— Разумеется. Как только ей станет лучше, мы будем ждать вас...

— Нет, это *мы* будем ждать, — не заботясь о приличиях, перебил адмирал Рей, тон которого мог заморозить само Сумеречное море. — Как только у моей подопечной появится свободное от многочисленных дел время, мы дадим вам знать. Но сейчас, раз уж госпожа Талмор все равно здесь оказалась, любезно согласившись вас навестить, мы принимаем ваше приглашение задержаться.

Самообладанию леди Шаркэ можно было только позавидовать. Будь на месте адмирала кто-нибудь другой, она наверняка не стала бы терпеть подобного к себе отношения. Но его гнева явно опасалась и, наступив на свои самолюбие и гордость, кивнула.

— Как вам будет угодно.

Услужливо разлитый дворецким чай не лез в горло, мягкая мебель казалась слишком жесткой и неудобной, а само происходящее — неумело срежиссированной театральной постановкой.

Даже представить сложно, как бы я себя чувствовала, не будь здесь адмирала. Впрочем, если бы не адмирал, меня бы здесь не было вообще.

Но, несмотря на всю фальшь, я все же не жалела, что сюда пришла. Теперь, когда в отношении «бабушки» все стало предельно ясно, я могла сосредоточиться на действительно важных вещах. Таких, как кристалл душ и идущая за осколками охота.

— Обязательно попробуйте розовые пирожные, — продолжая играть роль гостеприимной хозяйки, посоветовала мне леди Шаркэ. — По моему требованию в заварной крем добавляют семена раниа. Они очень полезны.

Я сжала ручку чашки, но нашла в себе силы смолчать. Ранит — морской цветок, при всей своей красоте и пользе символизирующий преждевременную смерть. Согласно древним легендам, он вырастает на месте, где кто-то утонул.

— О, прошу прощения. — В интонации леди Шаркэ угадывалась насмешка. — Я забыла, что вы из Сумеречья, где народ до сих пор темен и страшно суеверен.

А вот теперь я смолчать не смогла. Подняв на нее взгляд, спокойно произнесла:

— Лучше темные суеверия, чем насквозь темная душа.

— Леди Шаркэ, — адмирал раздраженно отодвинул чашку с чаем, к которому так и не притронулся, — вы прекрасно понимаете, по каким причинам мы здесь собрались. Поэтому давайте прекратим устроенный вами спектакль и перейдем к делу.

Убедившись, что полностью завладел ее вниманием, он продолжил:

— Как вам известно, некоторые последние события напрямую касаются вашей семьи. Вы долгие годы умело скрывали свое происхождение и, как все ваши предшественницы, хранили чистоту крови. Безусловно, вы осведомлены и о том, что ваш род всегда продолжается единственным ребенком, причем женского пола. С рождением девочки большая часть силы переходит к ней. Однако сейчас, когда ситуация обострена как никогда, когда в Сумеречье воссоединилось уже несколько осколков, угроза нависла и над вами, и над вашей дочерью. Безусловно, вы обладаете достаточным влиянием, чтобы себя обезопасить, но, учитывая то, с кем приходится иметь дело, даже вашей власти может не хватить.

На лице леди Шаркэ не дрогнул ни единый мускул.

— Вы клоните к тому, что я должна сотрудничать с вами, получая в обмен дополнительную защиту и поддержку?

— Я уполномоченное его величеством лицо, — испытующе на нее глядя, произнес адмирал. — Соглашаясь на взаимовыгодное сотрудничество со мной, вы повинуетесь воле короны и от нее же получаете защиту.

Леди Шаркэ едва заметно кивнула.

— Я слежу за ситуацией в Сумеречье и, хотя уверена в надежности своих осведомителей, хотела бы убедиться, что вся дошедшая до меня информация является правдивой. Вы человек чести, лорд Рей, поэтому мне достаточно вашего слова. — С ее лица не сходила маска уравновешенности и подчеркнутой вежливости. — Насколько мне известно, в настоящий момент в древнем артефакте заинтересован некий пират, избежавший

повешения более пары месяцев назад, некромант, жрица дроу и некто, чья личность не установлена. Это так?

— У вас хорошие осведомители, — подтвердил адмирал. — И вы, несомненно, понимаете, что почти за каждой из перечисленных вами личностей стоит кто-то еще. Кто-то, кто имеет большое влияние и, вероятно, высокое положение в обществе.

Чем дальше заходил разговор, тем больше я понимала, что, помимо присутствия, от меня в общем-то больше ничего и не требуется. По-видимому, я изначально ошиблась, решив, что получение от родственниц важных сведений будет отведено мне.

— Предположим, я соглашусь, — вновь кивнула леди Шаркэ, бросив на меня мимолетный взгляд. — Что от меня потребуются?

— Вы и сами знаете ответ на этот вопрос, — ответив такой же сдержанной улыбкой, произнес адмирал. — Существует большая доля вероятности, что заказчики находятся в столице. Госпожа Талмор не может долгое время находиться в моем доме, не вызывая ненужных и оскорбительных подозрений. Однако задержаться в Нортегаре ей необходимо.

Было сложно определить, кто изумился сильнее: я или леди Шаркэ.

— Иными словами, — растеряв добрую половину самообладания, она даже приподнялась с места, — вы предлагаете мне взять покровительство над... незаконнорожденной внучкой, поставив тем самым крест на репутации нашей семьи?

— Я предлагаю, — терпеливо возразил адмирал, — сделать то, что вы были обязаны сделать еще девятнадцать лет назад. Официально объявить о существовании леди Талмор и ввести ее в высший свет. Разумеется, на время, пока не разъяснится ситуация с артефактом. В дальнейшем леди Талмор распорядится своей судьбой по собственному усмотрению и, если на то будет ее желание, вернется на службу, но уже имея полагающийся по праву статус.

Вторая половина самообладания леди Шаркэ отправилась вслед за первой.

— Поднебесных ради, о каком статусе вы говорите? Я не желаю и не намереваюсь признавать эту девушку своей прямой наследницей!

— Единственной наследницей, — проигнорировав ее вспышку, поправил адмирал. — Другой внучки у вас не будет.

От потрясения я едва его слышала. Голова шла кругом, и я просто отказывалась верить, что это происходит на самом деле.

«Леди Талмор, — буквально застряло в мыслях. — Единственная

наследница».

«Задержаться в Нортегаре».

«Вести ее в высший свет».

— Вам вовсе не обязательно, более того — нежелательно представлять Фриду как родную внучку, — словно поглощаемый вязким туманом, донесся до меня голос адмирала. — Внучатая племянница, дальняя родственница с тяжелой судьбой — вариантов великое множество, и не мне вам о них рассказывать. Вы одна из самых влиятельных особ высшего света, осуществить подобное не составит вам никакого труда. Еще несколько знатных семей окажут Фриде свою поддержку, и этого будет достаточно, чтобы ее приняли.

Находясь все в том же тумане, не в силах больше молчать, я поднялась с места. Не заботясь о том, что перебиваю, я впервые в жизни открыто, в упор посмотрела на адмирала и, переполненная эмоциями, спросила:

— А моим мнением вы поинтересоваться не желаете?

Я не осуждала адмирала, понимая, что действует он не только на благо общей цели, но и из желания меня защитить. Но становиться частью высшего общества — пусть даже временно и формально, а также жить вместе с этой «леди» под одной крышей я не намеревалась. При одной мысли о таком к горлу подступала тошнота.

Никто, даже сам адмирал Рей не мог меня заставить этого сделать! Такого уговора у нас не было!

— Мне ничего от вас не нужно, — бросила я леди Шаркэ. — Ни вашего покровительства, ни имени, ни наследства!

Я сорвалась. Где-то глубоко внутри понимала, что веду себя неразумно, но сдерживать клокочущее внутри негодование была не в состоянии. Вся показная бесстрастность пошла ши под хвост. Я думала, что сумею со всем справиться, но переоценила свои возможности. Долгие годы именно гордость была тем, что помогало мне не сломаться, а сейчас я чувствовала себя униженной.

— Фрида, — многое, очень многое отразилось в том, как адмирал произнес мое имя, в то время как я была близка к тому, чтобы броситься к выходу.

Сумев на короткие мгновения взять себя в руки, я вновь расправила плечи и перевела на него взгляд.

— Приношу извинения, — бросил адмирал хозяйке особняка. — Мы удалимся на несколько минут.

Несколько минут? Он всерьез считает, что мне будет достаточно нескольких минут?

Гостиную я покидала неспешно и продолжая ровно держать спину, но, как только оказалась за ее пределами, сорвалась практически на бег. Не хотела сейчас разговаривать с адмиралом, не хотела показывать неудержимые слезы, которые против воли лились из глаз. Все это оказалось гораздо тяжелее, чем представлялось мне вначале, и я не выдержала. Ко всему прочему, совершенно неуместно вспомнилась дурацкая баночка со светлячками, которую маленькая девочка каждый вечер ставила на окно.

Сейчас я одинаково ненавидела и ту девочку, и баночку, и женщину, для которой предназначался ее свет. Теперешняя я не сомневалась — Аэлина в своем ко мне отношении ничем не отличалась от леди Шаркэ.

— Фрида, подожди! — Нагнав, адмирал схватил меня за руку и потянул на себя.

— Прошу, пустите! — попыталась воспротивиться я, больше всего жалея о неудержимом, выливающимся из глаз море.

Легко преодолев протест, он крепко прижал меня к себе и не отпускал, когда я упорно продолжала вырываться, когда его одежда стала мокрой от моих слез, даже когда я, не сдерживаясь в выражениях, кляла все на свете.

Хватка ослабла лишь после того, как первая волна истерики сошла. Но легче мне не стало — вместо ожидаемого опустошения пришло желание снова заплакать, только уже от невыразимого стыда за свой срыв.

Адмирал Рей столько для меня делал, никогда не принуждал идти против воли, давал выбор и время подумать, хочу ли я сюда ехать. А что в ответ я?

— Я все испортила, — проговорила не своим голосом сквозь сжимающий горло спазм.

Когда он брал мое лицо в ладони, осторожно приподнимал, вынуждая посмотреть в глаза, я ожидала увидеть укор, сожаление, недовольство, раздражение, злость. Все что угодно, только не это неприкрытое, искреннее чувство вины.

— Ты ничего не испортила, — решительно проговорил адмирал. — Это мне следует просить прощения. Я должен был предусмотреть, насколько трудно тебе дастся эта встреча, и рассказать обо всем заранее. Не подумал, что у тебя могут возникнуть возражения. Фрида, — от его сосредоточенного, серьезного лица меня отделяло совсем небольшое расстояние. — Я говорил раньше и повторю сейчас: ты не обязана здесь находиться. Но возвращаться в корпус, особенно до окончания расследования убийства Гейры Грей и после покушения Горта Дагга, небезопасно. Поверь, я более чем разделяю твое отношение к леди Шаркэ, но ее поддержка сейчас может решить многие проблемы. У меня

достаточно возможностей, чтобы перемещаться между столицей и Сумеречьем, не пользуясь Призрачным мостом. Ты не будешь здесь одна.

Он был прав, во всем прав, и я понимала, что должна согласиться. В сущности, уже согласилась, когда приехала в столицу. И теперь выбора не оставалось.

— Если... — Охрипшая после рыданий, я прокашлялась. — Если выйду в свет, кто-то из заказчиков — если они действительно среди аристократии — может себя выдать?

— Такая возможность не исключена, — коротко подтвердил адмирал.

Глубоко вдохнув, я на миг прикрыла глаза, представляя себя на великосветском приеме, причастной к миру, на который долгое время смотрела снизу вверх, даже не помышляя, что когда-нибудь смогу оказаться к нему так близко.

Я никогда не считала себя по-настоящему смелой, а сейчас от меня требовалась именно смелость. Смелость и решимость выйти из привычных рамок не только ради себя, но и ради других. Сколько еще пострадают в этой гонке за осколками? Вдруг до того, как все осколки будут собраны, «охотники» решат приняться за меня? В таком случае лучше находиться подальше от тех, кто мне по-настоящему дорог. Подальше от Сумеречья.

Выдохнув, я еще немного помедлила, после чего решительно кивнула:

— Я все сделаю.

Мне, конечно, показалось, что в глазах адмирала блеснули восхищение и нечто похожее на гордость.

— Все будет хорошо, — пообещал он, как недавно обещала себе я, находясь в каюте на «Летящем». — Пожалуйста, помни об одной вещи, Фрида: никто не может тебя унижить или оскорбить, пока ты сама не почувствуешь себя униженной и оскорбленной. Карелла Шаркэ может говорить что угодно, другие могут говорить что угодно, но разве должно тебя волновать мнение таких, как они?

— Не должно, — негромко согласилась я.

И тут же вновь оказалась в сильных, надежных объятиях, укрывающих от всей тьмы нашего изменчивого двулунного мира.

ГЛАВА 12

Если не считать потерянных душ и повара, в особняке я находилась одна. Адмирал снова отбыл по долгу службы, предоставив меня самой себе. С его слов, защита у этого дома была надежнее установленной вокруг корпуса, в чем я ни капли не сомневалась. А еще, находясь здесь, я странным образом чувствовала Дымка. Это было невозможно сформулировать и объяснить, да и само ощущение являлось крайне странным. Казалось, будто кто-то постоянно находится очень-очень близко за спиной, практически касаясь и наблюдая. Но это не было неприятно, и от такого ощущения не хотелось избавиться. Даже наоборот — оно мне нравилось.

Чтобы не сидеть без дела и не терзаться переживаниями, я основательно засела за учебу. Так увлеклась, что буквально за пару часов от корки до корки прочла выданную Косичкой книгу и даже умудрилась запомнить значительную его часть.

— Может быть, желаете перекусить?

Голос дворецкого прозвучал неожиданно, и я, увлекшись чтением, невольно ойкнула.

— Простите, не хотел вас напугать. — В его интонации угадывалась улыбка. — Так что насчет перекуса?

— Спасибо, Овар, может быть, позже.

— А что, если нам просто поболтать? — последовало новое предложение. — Дорогая Фрида, вы не представляете, как устал я находиться в обществе пожилой бестелесной дамы и молчаливого гнолла!

— Твое счастье, что я бестелесная, — тут же донеслось с первого этажа. — Не то задала бы тебе хорошую трепку!

— Вот! — воскликнул Овар. — Вот об этом я и говорю! Прискорбно, что некому оценить мое красноречие, широкий кругозор и такую же широкую душу.

Я улыбнулась прозвучавшему каламбуру: все-таки забавно, когда потерянная душа рассуждает о своей же... душе.

— Даже знаю, о чем вы сейчас подумали, — уловил ход моих мыслей дворецкий. — Но я чувствую себя живее всех живых, от этого и страдаю. Уверен, при жизни я был отличным парнем!

В это я охотно верила. Конечно, чаще всего потерянными душами становились худшие представители нелюдей, но бывали и исключения.

— Не знаю, кем вы были в прошлой жизни, Овар, но сейчас вы точно «отличный парень», — поделилась я своими впечатлениями.

— Я таю... — В его вздохе было столько показушности и обаяния, что я рассмеялась. — Леди, если бы у меня было сердце, я бы отдал его вам! Не соблаговолите ли обращаться к вашему покорному слуге менее формально?

— Соблаговолю, — кивнула я. — На условиях взаимности.

В общем, учебникам пришлось сиротливо ютиться на краешке стола, так как моим вниманием завладел один крайне обаятельный дворецкий. Госпожа Явиа немного посетовала на то, что «этот несносный балабол» отвлекает меня от занятий, но вскоре притихла.

Разговаривать с Оваром было интересно и весело, он несколько не приврал, говоря о своем широком кругозоре, и из общения с ним я почерпнула много нового. Одним из самых главных плюсов и приятных неожиданностей являлось то, что за долгие годы службы адмиралу он успел изучить все содержимое здешней библиотеки. И когда я спросила, нет ли в ней какой-нибудь книги об ундинах, мне предоставили сразу три. Причем не просто какие-то справочники, где об ундинах упоминается вскользь, а книги, целиком и полностью им посвященные.

— Это в глубинках и отдаленных провинциях до сих пор считают ундин опасными, — рассказал Овар. — Все это стереотипы, у нас уже давно не относятся к ним с предубеждением. С женщинами, конечно, немного сложнее, чем с мужчинами, но, если они не преступают закон, никто и слова не скажет.

Я не упустила возможности зацепиться за волнующую меня тему:

— Ты имеешь в виду использование приворотных чар?

— Лишение другого индивидуума воли является преступлением, — подтвердил дворецкий. — Конечно, ундина может приворожить случайно, но это происходит преимущественно в процессе становления — в течение примерно двух месяцев после исполнения девятнадцати лет. Поэтому в этот период молодые ундины редко появляются на людях, преимущественно проводя время в окружении самых близких.

Я задумалась: с моего девятнадцатого дня рождения два месяца еще не прошло. Но в последнее время я не купалась в повышенной мужской заинтересованности, никто в корпусе не обращал на меня особого, выходящего за рамки службы внимания. Никто... кроме адмирала.

— А как определить, приворожен человек или нет? — старательно скрывая волнение, спросила я.

— Это заметно сразу, — охотно продолжал делиться знаниями Овар. — Объект приворота непрестанно стремится оказаться рядом с

ундиной, все его мысли сводятся к ней, меняется его поведение, появляются новые, ранее несвойственные ему черты, среди которых, как правило, выделяется повышенная забота и желание защищать. Также, разумеется, возникает влечение, которое с каждым днем, проведенным рядом с ундиной, нарастает, и контролировать его становится все сложнее. О, ну и в дополнение ко всему объект всячески отрицает, что находится под действием чар, испытывая непоколебимое убеждение в искренности своих чувств. Короче говоря — попадает бедняга по-крупному.

Волнение возросло до самых небес, дышать стало трудно — совпадений было много. Слишком много!

С силой сцепив пальцы и невероятным усилием совладав с голосом, чтобы звучал ровно, я задала очередной вопрос:

— А такие чары как-то можно разрушить?

— Можно, — обнадежил Овар. — Если приворот случайный и совершен недавно, его можно ликвидировать посредством специальных зелий. В Нортегаре есть несколько магазинчиков, где их можно найти, правда, и цены там соответствующие. А ты почему интересуешься?

Я так погрузилась в лихорадочные раздумья над полученной информацией, что не сразу осмыслила последний вопрос.

— Да так. — На сей раз голос все-таки дрогнул. — У меня... есть основания полагать, что мой папа на протяжении долгих лет страдает от действия таких чар. Вот и подумала, что, может быть, существует какой-то способ его от них избавить.

Хвала поднебесным, объяснение прозвучало убедительно.

— Если прошло много времени, избавиться сложно, — спустя недолгую паузу произнес Овар. — Хотя какой-никакой шанс, конечно, есть.

Последнее утверждение меня обнадежило. Все-таки, несмотря на истинную причину беспокойств, помочь папе я тоже хотела, и если существовала хотя бы малейшая вероятность избавить его от мучений, была обязана ею воспользоваться. После временного переезда к леди Шаркэ подходящей возможности выбраться в магазин могло не представиться, но у меня все равно не было больших денег. Я не стала уточнять, сколько именно стоят такие зелья, решив проверить сама.

— Овар, скажи, а мне разрешено выходить из дома?

— Ну разумеется, ты же не пленница! — искренне удивился тот. — С чего вдруг такой вопрос?

Я замаялась, не зная, ставил ли его адмирал в известность относительно моего положения. Конечно, у меня имелись кулон и защитник в виде Дымка, да и вряд ли кто-то стал бы нападать на меня в столице среди бела

дня. Но все же я хотела быть уверенной, что после недавнего срыва не подведу адмирала вновь. Мне хотелось хоть сколько-нибудь ему соответствовать, не доставлять лишних хлопот, и не важно — были его чувства ко мне настоящими или же нет.

— Фрида, никаких распоряжений относительно твоего выхода из дома не поступало, — по-своему истолковав мое замешательство, сообщил Овар. — Но, как бы то ни было, в одиночку разгуливать по незнакомому городу, тем более такому большому, как Нортегара, неразумно. Если хочешь съездить в магазин зелий, просто попроси лорда Рея. Он обеспечит экипаж и...

— Нет! — непроизвольно вырвалось у меня.

Последовавшее за этим молчание дворецкого было полно удивления, и я поспешила исправить оплошность:

— Адмирал Рей и так делает для меня слишком много, не хочу обременять его еще и этим. Наверняка в столице у него много дел, и было бы неправильно беспокоить его по таким мелочам.

Наверное, именно потому, что в этот момент я не врала, Овар мне поверил. И не только поверил, но и сделал то, чего я совершенно не ожидала. Следующим утром, после того как я собралась под чутким руководством госпожи Явиа и позавтракала доставленными прямо в мою комнату вкусностями, дворецкий попросил прихватить сбережения и спуститься на первый этаж.

Еще не зная, что меня ожидает, но уже предчувствуя нечто невероятное, я немедля сбежала по лестнице и, войдя в холл, увидела стоящего у двери гнолла. Видок у него, как и всегда, был не слишком дружелюбный. Фартук исчез, сменившись явно старым, но все еще приличным тулупом, узловатые пальцы сжимали ручку пустой объемной корзины.

— Фэкс у нас на рынок собирается, — довольный собой, провозгласил Овар. — И будет очень рад компании очаровательной молодой девушки. Так ведь, Фэкс?

Отсутствие ответа дворецкого не смутило.

— Молчание — знак согласия!

— Чтобы как следует присматривал за девочкой! — сурово велела госпожа Явиа. — И не донимал ее своим дурным настроением!

Видеть потерянных душ Фэкс не мог, на мне срываться, видимо, не хотел, поэтому его угрюмый и поистине мученический взгляд достался висящей рядом картине. Мне же в этот момент подумалось, что в своих выводах я точно не ошиблась — у гноллов были схожи даже имена: кока на

«Черном призраке», если мне не изменяла память, звали Хэксом.

— Магазины эликсиров на Полуночной улице совсем недалеко от центрального рынка, — шепнул мне Овар, пока я спешно надевала пальто.

Негромко поблагодарив, я последовала за гноллом, который вместо того чтобы выйти через центральный вход, направился к черному.

Прогулка по улицам Нортегары была волшебной. Сквозь множество сизых облаков проглядывало бледное солнце, лучи которого приятно ласкали лицо. Невзирая на ранний час, город не спал, наводненный уймой спешащих по своим делам прохожих. Легкий иней лег на крыши изящных строений, украсил темные кусты и ветви редких деревьев.

Фэкс хранил мрачное молчание, но для меня его общество не было тягостным — для этого я была слишком рада. Вдруг забыв обо всех переживаниях, просто наслаждалась этой неспешной прогулкой, внимательно рассматривала столицу при свете дня и дышала, дышала, дышала... Вдыхала ароматы кипящей столичной жизни.

Чем ближе мы подходили к центральному рынку, тем многолюднее становилось вокруг. В воздухе все явственнее проступали запахи, знакомые мне как ничто другое. Особенно ярко ощущался запах свежей рыбы, который я уж точно не могла спутать ни с каким другим.

К рынку вела булыжная мостовая, по пути встречалось все больше магазинов, где продавали самый разный товар. Внимательно приглядываясь к вывескам, я пыталась отыскать нужную, но пока безуспешно. За исключением текста, вывески ничем не отличались друг от друга: все они были черными, украшенными замысловатой, тронутой серебряным покрытием ковкой, что несколько усложняло задачу.

Я могла спросить о магазине зелий Фэкса, но подумала, что сперва лучше исследую с ним продуктовые ряды. Уж очень любопытно было взглянуть на местный рынок и сравнить его с нашим!

Как ни удивительно, но оказалось, что он почти не отличается от рынков Сумеречья. Все те же длинные ряды, заваленные горами товаров прилавки, а также крытые лавки, к которым с самого утра выстраиваются очереди. Шустрые покупатели, выскивающие цепкими взглядами наисвежайшие продукты, и не менее шустрые продавцы, с приветливыми улыбками их зазывающие.

Пожалуй, главным отличием являлся непосредственно сам товар — здесь он был куда более разнообразным. Всевозможные местные овощи соседствовали с экзотическими, привезенными издалека фруктами; мясо самых разных видов, включая немислимо дорогие деликатесы; доставленные из приморских городов рыба и уйма морских гадов, среди

которых особо часто попадались лиловобородые мидии, — эти уж точно из Сумеречья.

Вскоре я обнаружила еще одно отличие — размер. Рынок был просто огромен! Я старалась держаться позади Фэкса и не терять из виду его серо-коричневый тулупчик, который, как назло, отлично сливался с общим фоном.

Придирчиво рассматривая свежие овощи, защищенные от воздействия мороза специальным артефактом, Фэкс проворчал:

— Что-то больно вид у томатов сегодня уставший. А, Джуст?

— Да поднебесные с тобой! — взвился дородный круглолицый мужичок. — Лучших томатов ты во всей Нортегаре не сыщешь! Глянь-ка вот еще на зелень, ишь какая свеженькая! А тебе, как всегда, и по скидочке будет!

Итоговая скидочка почти в два раза превзошла изначальную. Даже мне, умеющей прекрасно торговаться, было чему поучиться у Фэкса.

Помимо овощей в его корзине появились знатная говяжья вырезка, несколько видов специй и фрукты. При покупке фруктов я даже рот приоткрыла от удивления — цену удалось сбить в целых три раза, что просто невероятно!

Фэкса на рынке знали все торговцы и относились к нему с явным уважением, что также меня удивило. Я, конечно, никаких предубеждений к гноллам не испытывала, но все же привыкла, что в Сумеречье их в лучшем случае считают пустым местом. Похоже, не преувеличил Овар, когда говорил, что в столице давно искоренили расовые стереотипы.

— Курятину еще купить надо, — сообщил Фэкс, когда мы отошли от прилавка со специями. — В другую лавку пойдем. В той, что говядину брали, куры паршивые.

До лавки, о которой он говорил, пришлось идти порядочное количество времени, при этом протискиваясь сквозь наводнившую рынок толпу. Казалось, только-только здесь еще можно было нормально дышать, как вдруг нагрянула целая орава решительно настроенных горожан.

Как только мы приблизились к нужному зданию, в соседнем скрипнула дверь, чем случайно привлекла мое внимание. Я невольно замедлила шаг, бросила взгляд в ту сторону и... уверовала в судьбу.

«Торговый дом мастера зелий», — гласила надпись на черной, покачивающейся на ветру вывеске.

— Я на минуточку отойду, — бросила Фэксу, занявшему место в очереди.

Он только безразлично пожал плечами — мол, делай, что хочешь, мне

все равно.

В отличие от рынка и лавок, в которые мы заходили, в магазинчике зелий покупателей было немного. У стеллажа с миниатюрными бутылочками стояла старушка, перебирающая средства от бессонницы, чуть поодаль — молодой парень со смешными топорщащимися усиками, и еще один дедок, о чем-то рьяно спорящий с продавцом.

— А я грю, не помогает ваша бурда! — едва войдя, услышала я возмущенное. — Как ломило кости, так и ломит!

— Милейший, я вам уже сто раз объяснял: вы пьете все за раз, а следует растянуть на шесть приемов.

— Вы мне зубы-то не заговаривайте! Знаю я вашего брата — абы ерунду какую продать. Не было сказано ни о каких шести приемах!

— Милейший, послушайте...

— Нет, это вы послушайте: или сейчас же даете нормальное зелье, или я уйду и возвращаюсь со стражами!

Продавец тяжело вздохнул, покачал головой и, подойдя к ближайшей полке, снял с нее небольшой пузырек. Молча его упаковал и протянул недовольному, постукивающему клюкой о пол клиенту.

— Так от чего, грите, это зелье? — внезапно убавив резкость тона, спросил дедок.

Продавец возвел глаза к потолку и спустя пару секунд гробового молчания страдальчески произнес:

— От склероза, милейший. От склероза.

Обладатель топорщащихся усиков хихикнул, и я тоже не сдержала тихого смешка. Смеяться над пожилыми людьми, конечно, нельзя, но уж очень колоритным был дедок, и сцена вышла презабавной.

— Вам что-нибудь подсказать? — обратился ко мне продавец, когда за счастливым обладателем противосклерозного зелья закрылась дверь.

Ответив, что пока просто посмотрю, я приблизилась к одному из стеллажей и принялась внимательно изучать ассортимент. Спрашивать о необходимом зелье было неловко и немного страшно. Пусть жителям столицы и чужды некоторые предубеждения, но у меня просто так от них избавиться не получалось. Да заикнись я о таком зелье в Сумеречье, торговец бы тут же крик поднял!

Магазинчик был небольшим, но отличался широким ассортиментом. Все многочисленные пузырьки, баночки и тюбики стояли в строгом порядке — у каждой категории имелся свой отдел, а сами товары были распределены по цветовой гамме. Казалось, передо мной находилась сама радуга, от которой вскоре начало рябить в глазах.

Невзирая на понятную систему сортировки, отыскать необходимое зелье у меня не получалось, а перебороть глубинный страх я все никак не могла. Стоило только представить, как задам продавцу вопрос, язык буквально костенел и меня сковывало оцепенение.

«Может, ну его?» — подумала я, покосившись на расплачивающегося усатика, но тут же обругала себя за неуместную трусость.

Решив, что лучше сделать и жалеть, чем не сделать и тоже жалеть, я уже двинулась к прилавку, как вдруг входная дверь пришла в движение. В приходе очередного посетителя не могло быть ничего особенного, но атмосфера в магазине неумовимо изменилась.

А может, изменилась только для меня?

Внутри влетел промозглый ветер, принесший тонкий аромат дорогого парфюма, в котором отчетливо проступали нотки цветов и соленой свежести. Вошедшая девушка оказалась удивительно хороша. На ней была надета иссиня-черная шубка, контрастирующая с белизной волос, на красивом точеном лице выделялись большие ярко-синие глаза, сразу привлекающие к себе внимание. Замерев на месте, я не могла ни пошевелиться, ни отвести от нее взгляда. Мы определенно не виделись раньше, но все же во всем ее облике угадывалось нечто очень-очень знакомое... Покупательница уверенно направилась к прилавку, пройдя мимо и даже меня не заметив, а через пару мгновений воцарившуюся тишину нарушил вырвавшийся у усатика вздох.

Продавец прокашлялся и подобострастно склонил голову.

— Леди Лавьет. Безмерно рад, что вы почтили наш скромный магазинчик своим присутствием.

— Привезли? — мелодичным голосом спросила она, выразительно постукивая ноготками по столешнице.

Пока они удалялись в смежную комнату, я чувствовала себя так, словно само Сумеречное море вышло из берегов и обрушилось на меня всей своей мощью.

— Леди Лавьет, — непослушными губами прошептала я. — Вот и встретились...

То ли это для меня время вдруг стало мчаться с невероятной скоростью, то ли Аэлина Лавьет просто спешила уйти, но они с продавцом скоро вернулись. Теперь, присмотревшись к ней внимательнее, я заметила, что она гораздо старше, чем казалось на первый взгляд. И все же ее красота поражала: лицо относилось к разряду тех, что, увидев единожды, уже невозможно забыть, а каждый жест и произнесенное слово источали такой глубокий шарм, что не проникнуться им было невозможно.

— Может, желаете приобрести что-нибудь еще? — все с той же подобострастностью расшаркался продавец.

Не удостоив его даже взглядом, леди бросила на прилавок позвякивающий мешочек и направилась к выходу. Я сделала все возможное, чтобы она меня не заметила, слившись со стеллажом и даже задержав дыхание.

К моему несказанному облегчению, обошлось. Ей не было дело до какой-то заурядной покупательницы, и она вновь прошла мимо, даже не взглянув в мою сторону.

Парень наконец оплатил покупки и ушел следом за леди Лавьет, продавец принялся пересчитывать наличность, а я все стояла на одном месте, не в силах унять сумасшедшего сердцебиения и осознать, что действительно ее видела. Что наша совершенно случайная встреча не была сном или игрой моего воображения.

Поднебесные... разве могла я, неоднократно представляя этот момент, подумать, что он выйдет именно таким? Случайным и мимолетным.

Очнулась, лишь когда продавец вновь обратил на меня внимание и вторично поинтересовался, не требуется ли его помощь. Придя в себя, я еще раз машинально осмотрела полки и, так и не увидев необходимого зелья, подошла к нему. Но прежде чем заговорить, мысленно задалась вопросом: а что Аэлина Лавьет вообще здесь делала? Вопрос этот возник из-за десяти поблескивающих золотых, которые торговец достал из мешочка, несколько раз пересчитал, но при моем приближении спешно сунул обратно.

— Так что вы хотели, милочка? — в который по счету раз спросил он, явно желая остаться с золотом наедине.

Отбросив лишнюю робость, я ответила прямо:

— Мне необходимо зелье, способное разрушить приворотные чары ундин. У вас такое есть?

Ну вот — сказала, и небо не упало на землю, и море не взбунтовалось, и даже не грянул гром. Торговец пожирал взглядом драгоценный мешочек и явно хотел скорее избавиться от моего общества, поэтому торопливо проговорил:

— Да-да, есть, целых две разновидности. Сильнодействующее и послабее. Первое — два золотых, второе — двадцать пять сребреников.

Имейся у меня два золотых, я бы их не пожалела и купила зелье, которое подействует наверняка. Но, к сожалению, в настоящий момент такой суммой не располагала, поэтому пришлось остановиться на более слабом.

— Один пузырек — одна порция, — прокомментировал торговец, поставив его на прилавок. — На этикетке — подробная инструкция к использованию. Если вкратце: зелье необходимо подмешать в напиток, но строго воспрещено добавлять в горячий. Хорошо подойдет белое вино, подействовать должно в течение суток. Гарантий мы не даем, так что если эффекта не будет, не нужно предъявлять магазину претензии и пытаться его вернуть. Вопросы есть?

— Есть, — кивнула я, отсчитав необходимую сумму. — Что у вас купила леди Лавьет?

Вопрос оказался неожиданным и заданным, что называется, в лоб. Я не слишком рассчитывала на то, что мне ответят, но маленькая надежда все же была.

— А вам-то что за дело? — напрягшись, подозрительно покосился на меня продавец.

Чего я никогда не умела, так это вдохновенно врать, но сейчас вдруг словно ши в меня вселился.

— Да вот тетушка моя, ныне покойная, оставила наследство в несколько десятков золотых. Часть я положила под проценты в банк, часть оставила на мелкие расходы, а с оставшейся не знаю, что делать. Вот и подумала, раз сама леди Лавьет пришла в ваш магазин и приобрела какое-то зелье, значит, оно по-настоящему ценное. Вдруг и мне пригодится?

Я невинно похлопала ресницами, строя из себя небольшого ума особу, и сумела даже не покраснеть. Вот что стресс с полуундинами делает!

Услышав о мнимом наследстве, торговец оживился, нервно пожевал губами, и его глаза лихорадочно забегали. Но все же здравый смысл восторжествовал над жадностью, и он с елейной улыбочкой произнес:

— А вы приходите со своими золотыми, милейшая, тогда и поговорим. Любые средства для поддержания красоты подберем — даже лучше, чем те, какими пользуется леди Лавьет!

Я не могла понять, откуда взялось это ощущение, но точно знала: торговец врет. Что бы ни приобрела Аэлина, это не было косметическими зельями. Но вот за какой именно товар она отдала такую сумму, мне, к сожалению, было не узнать.

Да и вообще, так ли это важно? Мало ли, что могла купить знатная леди, для которой десять золотых — суцая мелочь...

Прихватив купленное и тщательно упакованное зелье, я покинула магазинчик и вошла в соседнюю лавку, где Фэкс к этому времени уже расплатился за курятину. На мое появление он никак не отреагировал, как и на предложение помочь донести покупки. Невзирая на худощавое

телосложение, силушкой гнолл обладал недюжинной и доверху наполненную корзину нес точно пушинку.

Весь обратный путь до дома я раздумывала над тем, как вынудить адмирала выпить зелье. Еще пару недель назад само предположение, что стану таким заниматься, виделось бы мне абсурдным, но, как показала практика, в жизни бывает всякое.

Убедившись, что Факсу по-прежнему нет до меня никакого дела, я украдкой достала пузырек и тщательно изучила инструкцию. Конечно, идти и одновременно читать было не очень удобно, но в особняке бдительные потерянные души могли поймать меня с поличным.

Как и сказал торговец, зелье запрещалось добавлять в горячие напитки, зато рекомендовалось в белое вино — это и стало главной загвоздкой. Если чай и кофе адмирал Рей пил каждый день, то с вином все обстояло куда сложнее. Из-за того что его всякий раз отказывалась пить я, за ужином оно больше не появлялось.

Кроме того, меня мучили сомнения. Маленький червячок так и точил изнутри, заставляя сомневаться в правильности своих действий. Какая-то эгоистичная часть меня стремилась, чтобы все оставалось по-прежнему, а еще с невероятной силой хотела верить, что адмирал не находится под действием чар.

Нет, я была уверена — обещание меня защищать с чарами если и связано, то самую малость. Скорее, его действия основаны на благородстве и намерении не допустить воссоздания кристалла душ. Но вот остальное...

Какой бы неискушенной в любви я ни была, его интерес ко мне был очевиден. Интерес не как к кадету и подчиненной, не как к подопечной, а как к девушке. И самое страшное заключалось в том, что это было взаимно. Чем дальше, тем сильнее я жаждала его внимания, хотела находиться рядом, вновь и вновь оказываясь в надежных объятиях, и — Поднебесье, прости, мечтала о повторении того единственного поцелуя.

Именно поэтому следовало поторопиться и положить этому конец. Я не имела права претендовать на то, что никогда не сможет мне принадлежать. И лучшее, что могла сделать для лорда Эртана Рея, адмирала королевского флота в благодарность за его ко мне доброту, — это избавить от искусственных, насильно навязанных чувств.

А со своими чувствами и болезненно ноющим сердцем я уж как-нибудь справлюсь.

ГЛАВА 13

Недолгий послеобеденный сон мне на пользу не пошел. Вновь снился кошмар, оставивший после себя крайне неприятный осадок и вынудивший порадоваться внезапному пробуждению.

— Да что за ши? — пробормотала я, присев на постели и убрав прилипшую ко лбу прядь.

Переведя взгляд на лежащий рядом с учебниками шаромаг, напряглась и непроизвольно затаила дыхание. Повторившийся образ из сна вновь напомнил о том моменте, когда я в последний раз держала его в руках.

— Это просто сон, — твердо произнесла, не сводя с него глаз. — Сон, и не более.

Злясь на себя за иррациональный страх, я решительно поднялась, подошла к столу и, поколебавшись не дольше пары мгновений, взяла шаромаг. Стекло было слегка прохладным, но показалось, что чем дольше его касаются мои пальцы, тем холоднее оно становится.

Перед глазами против воли проносились образы беспокойного моря и черного, стелющегося по нему тумана. Пугающие картины мелькали вспышками, от них по коже бежали мурашки и учащалось биение сердца.

Прерывисто вздохнув, я еще крепче сжала теперь уже ледяное стекло и всмотрелась в появляющуюся за ним дымку.

— Ловцы не боятся, — мысленно твердила себе. — Ничего не боятся!

Вскоре в шаромаге стали появляться очертания бледно-голубых кристаллов. Они медленно разрастались, цеплялись друг за друга и принимали форму знакомой хризантемы. Увидев восемь ровных, слегка мерцающих лепестков, я всхлипнула от облегчения и медленно осела на стул. Еще никогда не испытывала такой радости, видя перед собой наглядное свидетельство своей особенности. На черный туман не было и намека, а повторяющийся ночной кошмар в самом деле был всего лишь сном.

Я улыбнулась, но уже в следующую секунду улыбка застыла, чтобы затем бесследно исчезнуть. Тогда, на корабле, один из лепестков хризантемы потемнел, будто покрывшись серым налетом. Сейчас прямо на моих глазах это внезапно повторилось, только темным стали не один, а сразу два лепестка. Цвет же сделался не просто серым, а графитовым, практически черным.

Я беспомощно хватала ртом воздух, не веря, что действительно это

вижу. А когда в завершение к ожившему кошмару на стекле появилась разветвленная трещинка, выронила шаромаг из ослабевших рук.

— Фрида? — тут же раздался обеспокоенный голос Овара. — У тебя все хорошо?

— Д-да, — чуть подрагивающим голосом ответила я и, собравшись, подтвердила уже увереннее: — Все в порядке.

Схватив дорожную сумку, быстро сунула в нее шаромаг и затолкала ее под стол. Страх сменился неожиданной злостью на свою реакцию — да сколько можно бояться каждого пустяка?

Изменениям кристаллов существовало простое и понятное объяснение: с течением времени и развитием навыков моя магия менялась, что естественно. Конечно, обычно трансформировалась только внешняя форма, а не цвет, но наверняка простое объяснение можно было найти и этому. А что до трещины, то шаромаг изначально был с изъяном, так что ее появление вовсе не удивительно!

— Лорд Рей просит тебя спуститься в гостиную, — вновь обратился ко мне дворецкий. — Конечно, если ты не занята.

Посмотрев на часы, я обнаружила, что время как раз приблизилось к ужину.

«Что ж, по крайней мере, от одного волнения я в силах себя избавить», — проговорила мысленно, решив, что сегодня пытаться использовать купленное зелье не стану.

Вопреки ожиданиям, адмирал звал меня совсем не для того, чтобы поужинать. Спустившись, я застала его облаченным в верхнюю одежду, и в ответ на свой вопросительный взгляд услышала:

— Тебе не помешает немного развеяться, Фрида. Надеюсь, ты не возражаешь против небольшой вечерней прогулки?

«Вы даже не представляете, насколько не возражаю», — подумала я и робко вложила руку в протянутую мне ладонь.

Опустившиеся на Нортегару сумерки окутали ее флером тайны, добавили особого шарма и сделали похожей на Сумеречье. Я не спрашивала, куда нас везет экипаж и как долго продлится прогулка, — сейчас это было не важно. Само присутствие адмирала отгоняло все страхи, и хотя находиться рядом с ним было невероятно волнующе, такое волнение можно было смело назвать более чем приятным.

Когда экипаж вдруг остановился и адмирал помог мне из него выйти, я снова не стала задавать вопросов. Но тем не менее удивилась, увидев, что мы приехали куда-то на окраину. Здания здесь выглядели очень старыми, даже заброшенными, но в этом существовала какая-то особенная красота.

Нечищенные тротуары и дороги покрывал легкий слой белоснежного снега, на котором кое-где виднелись следы от копыт лошадей.

Стоило подумать о лошадях, как совсем рядом раздалось лошадиное ржание. Вернее, это сначала мне показалось, что лошадиное. Но когда к нам навстречу вышел молодой человек, ведущий под уздцы двух стройных поджарых скакунов, стало понятно, что это келпи.

— Прокатимся? — не столько спрашивал, сколько утверждал адмирал Рей.

Я растерялась:

— Но... я не умею ездить верхом.

— Что вы знаете о келпи, Фрида? — спросил он, ласково глядя скакуна по иссиня-черной гриве.

— Это магические создания, рождающиеся из воды, — припомнила я. — До того как их приручили, они выходили из моря, привлекали случайных встречных и, когда те садились к ним на спину, увозили на дно.

— Верно. — Направленный на меня взгляд адмирала светился улыбкой. — А своей главной способности келпи не утратили и по сей день. Вовсе не обязательно быть прекрасным наездником, чтобы уверенно сидеть в надетом на них седле.

С этими словами он дал мне половинку красного яблока, которую я положила на ладонь и протянула келпи. Водяная лошадка внимательно посмотрела на меня горящими голубыми глазами, словно решая, можно ли мне доверять, а затем осторожно взяла яблоко губами.

Раздался громкий хруст — зубы у келпи были острые.

— Считай, что ты купила расположение Тени, — весело заметил адмирал. — Это морское яблоко, келпи от них без ума.

И действительно, глаза Тени загорелись еще ярче, копыто задорно стукнуло по тротуару, а хвост взметнулся, точно у довольного, игриво настроенного щенка. Не без помощи адмирала забравшись в седло, я оправила подол платья, взялась за вожжи и вдруг ощутила необъяснимое единение с келпи. Как-то мне доводилось ездить на таком скакуне вместе с Нэрвисом, но тогда ничего подобного я не чувствовала. Наверное, потому, что келпи управлял он.

— Просто подумай, и она поймет, что делать, — посоветовал адмирал, который, сидя на спине черного жеребца, смотрелся не менее завораживающе, чем на морском волке.

Сперва мы ехали неспешно, двигаясь в сторону раскинувшегося неподалеку поля, а затем, подъехав ближе, пустили келпи рысью. Адмирал оказался прав — стоило только подумать, чего хочу от Тени, как она в

точности следовала моим мысленным указаниям. Впервые сидя в седле, я не испытывала ни малейшего неудобства. А еще казалось: реши она сейчас отвезти меня в самую Глубину, я бы не воспротивилась. Вот уж действительно — волшебные лошади...

Повисшее над столицей ночное небо казалось высоким, бескрайним, и на этом насыщенно-черном полотне блистали россыпи алмазных звезд. Яркое сияние одной луны гармонично переплеталось с тусклым светом другой. И они обе, находясь на непреодолимом расстоянии друг от друга, будто страдали от невозможности оказаться рядом. Такие похожие и в то же время такие разные, такие далекие.

Думая об этом, я смотрела на ровную спину впереди. Когда адмирал, на миг обернувшись, перевел свою лошадь в галоп, я без раздумий сделала то же самое. Тень неслась со скоростью выпущенной стрелы, но бег ее был мягким, почти бесшумным, соответствующим имени. Не будь она келпи, я бы уже сто раз свалилась, но невидимая сила превращала нас в единое целое, и от этой целостности захватывало дух. Да и не только от нее.

Я испытывала настоящий восторг — живой, мощный, подобный неудержимым волнам. Белое поле вдруг показалось мне бескрайним морем, на губах заиграл привкус соленой свободы, а свистящий в ушах ветер унес переживания и страхи последних дней.

Раздавалось размеренное хриплое дыхание Тени, развевалась черная грива, разлетались в стороны комья выбивающегося из-под ее копыт снега. Адмирал позволил себя догнать, и теперь мы мчались наравне. Я уже перестала отрицать реальность происходящего, на время забыла о том, насколько все это странно, и просто наслаждалась волшебством подаренных мне моментов.

— Быстрее! — хотела подумать, но выкрикнула вслух.

И тут же восторженно засмеялась, когда Тень с готовностью выполнила приказ. Вокруг кружился двулунный, украшенный созвездиями мир, вдалеке тысячами огней горел центр Нортегары, по небу на грифонах летел патруль стражей. Все было таким новым, необычным и в то же время упоительно-прекрасным, что я все смеялась и не могла остановиться. Выпивала эти мгновения, как глотки свежего воздуха. Как долгожданную весну после долгой суровой зимы.

Оставив поле позади, мы выехали на широкую пустынную улицу и тут же сбавили темп. Я все еще не пришла в себя, когда адмирал спрыгнул с келпи и легко спустил на землю меня. Если сидя верхом я чувствовала себя прекрасно, то, встав на ноги, мгновенно ощутила, как эти самые ноги подкашиваются.

Когда адмирал придержал меня, не давая упасть, я не попыталась отпрянуть и — о чудо! — даже не покраснела.

— Все-таки у тебя чудесный смех, Фрида. — Смысл его слов дошел до меня не сразу. — Я бы хотел, чтобы ты смеялась чаще.

С таким же успехом он мог говорить мне о мировых проблемах, делах государственной важности или повадках морских котиков. Я слышала лишь его проникновенный бархатный голос, чувствовала тепло рук сквозь несколько слоев одежды и не могла оторваться от кристальной прозрачности глаз.

От дыхания образовывались облачка белого пара, и в их смешении существовало что-то очень личное, зыбкое, но нарушающее установленные границы.

Даже когда руки на моей талии сомкнулись крепче, а прозрачные глаза стали стремительно приближаться, я по-прежнему не сопротивлялась. Где-то в глубине сознания мелькала мысль, что это неправильно, что после я буду жалеть и корить себя за то, что пользуюсь наложенными на него глубинными чарами, но сейчас препятствовать этому было выше моих сил. А кто бы на моем месте смог устоять перед обаянием первого в королевстве морского демона?

Спросив сегодня о зелье, я порадовалась, что небо не упало на землю, не взбунтовалось море и не грянул гром. Но когда наши губы соприкоснулись, готова была поклясться, что все это случилось.

— Фрида... — скорее не услышала, а почувствовала я короткий выдох.

Мой мир перевернулся, превратив меня в сосредоточение переливающихся через край эмоций. Поцелуй вскружил голову лучше русалочьего вина, душа затрепетала, точно стайка потревоженных морских светлячков.

Разомкнув губы, я подалась ему навстречу, и, не встретив сопротивления, лорд Рей обнял меня еще крепче, с какой-то отчаянной голодной решимостью, от которой земля ушла из-под ног.

А потом мы стояли, не размыкая объятий, и я прятала лицо у него на груди.

— Что, кадет Талмор, сейчас убежать некуда? — глухим голосом припомнил адмирал мое поведение после нашего первого поцелуя.

— Сейчас убежать не хочется, — честно призналась я, желая стоять так целую вечность.

Как немного позже рассказал адмирал, эта часть города пользовалась примерно той же славой, что и Слезные трущобы. С той лишь разницей, что эта слава была в большей степени необоснованна. Сомнительных

личностей здесь можно было встретить с таким же успехом, как в центре, а слухи в основном базировались на нахождении в этом районе тюрьмы.

— Тем не менее сюда любят съезжаться представители аристократии, — продолжал мини-экскурсию адмирал, пока мы медленно брели к глядящей на нас желтыми окнами таверне. — Отсюда открываются красивые виды на центр, а в лесу на другой стороне пустыря часто устраивают охоту. Мне бы хотелось показать тебе другую столицу, Фрида. В Нортегаре есть множество прекрасных мест. Но до тех пор, пока ты официально не представлена в высшем свете, наше появление на публике могут неправильно понять.

— Эта прогулка тоже прекрасна, — улыбнувшись, возразила я. — Кататься на келпи было так же здорово, как лететь на пегасе. Спасибо вам.

— Вам? — переспросил адмирал, скептически заломив бровь.

— Вам, — твердо повторила я.

Ответом мне стало многозначительное хмыканье, но настроение адмирала несколько не испортилось. Станным образом неловкости после поцелуя я не чувствовала. Ну, почти. Наверное, из-за того, что все еще не пришла в себя, к чему, к слову, пока не стремилась. Находиться не в себе иногда вообще очень полезно.

Фирменным блюдом таверны «Серый кролик» являлся, собственно, кролик. Его здесь подавали под густым наваристым соусом с кислыми ягодами и щедрой порцией толченой картошки. Входя сюда, я ожидала увидеть обычный для таких мест антураж, но заведение оказалось неожиданно приличным, персонал — вежливым, а еда, включая кролика, — очень вкусной. Посетителей здесь было немного, а кто присутствовал, явно относился к разряду тех, кто не интересуется делами посторонних. В Сумеречье я тоже знала немало таких вот таверн, где ты мог находиться в какой угодно компании, не беспокоясь о том, что подумают окружающие.

— Не хочу портить вечер, но вынужден это сказать, — отложив столовые приборы, произнес адмирал. — Завтра в полдень к нам пожалует Аэлина Лавьет.

Все-таки судьба — забавная штука. Не встретить я Аэлину сегодня, восприняла бы такую новость по-другому, но сейчас осталась спокойной и невозмутимой.

— Я готова, — заверила лорда Рея. — Не беспокойтесь, то, что случилось в прошлый раз, больше не повторится.

— Я беспокоюсь не из-за прошлого раза. — Его рука мягко накрыла мою. — Я тревожусь за тебя.

Невинное прикосновение отозвалось сладостным томлением, и по телу прокатилась дрожь. Вместе с тем оно вдруг напомнило мне о чем-то важном, о чем я не вспоминала во время прогулки. Все же находиться здесь, рядом с адмиралом, было ошибкой. Чем больше времени я проводила с ним, чем больше позволяла верить себе в реальность его чувств, тем больше погружалась в омут, выбраться из которого было практически невозможно.

Раньше у меня не было времени на романтические увлечения — какая уж там романтика, когда с утра до ночи только и делаешь, что работаешь, пытаюсь прокормить себя и отца. А теперь я, кажется... влюбилась. Осознавать это было страшно.

«Все-таки, Фрида, ты та еще неудачница, — подумала я. — Из всех жителей королевства умудрилась влюбиться в того, в кого уж точно влюбляться категорически не следовало».

— Фрида? — вывел меня из задумчивости предмет моих же мыслей. — Тебя что-то тревожит. Если не предстоящая встреча с матерью, то что?

Он знал. Точно знал ответ на этот вопрос, но все равно спрашивал, желая услышать это от меня и развеять все мои страхи. Но к такому я не была готова и, надеясь уйти от этой темы, поделилась другим:

— Дело в том... даже не знаю, как сказать. Когда мы были в рейде, я смотрела в шаромаг. Судя по увиденному, моя магия прогрессирует. Но есть кое-что, что очень меня беспокоит.

— И что же? — мгновенно став предельно серьезным, спросил адмирал.

Я непроизвольно понизила голос до полусшепота:

— Несколько кристаллов стали темно-серыми. А еще на шаромаге появилась трещинка. Точнее, она была и раньше, но капитан Вагхан ее убрал, а теперь она возникла снова.

— Кристаллы могут менять цвет по разным причинам, — спустя недолгую паузу прокомментировал адмирал. — Сегодня же в этом разберемся.

Пожинав, мы еще немного побродили по улицам, затем адмирал отвел келпи в расположенную неподалеку конюшню, и за нами приехал экипаж. Мы могли бы переместиться с помощью потерянной души, и я подозревала, что адмирал предпочел экипаж исключительно из-за меня. Я снова могла любоваться видами ночной Нортегары, хотя на этот раз куда больше меня волновало другое.

По обычным меркам, экипаж был просторным, но мне он казался

невероятно тесным, из-за чего присутствие сидящего напротив лорда Рея ощущалось особенно остро. Словно нарочно, он не сводил с меня глаз, а я боялась посмотреть на него. Только вот боялась не его самого, как было прежде, а того, что может случиться, встретиться мы взглядами. Еще одно повторение поцелуя — и не знаю, найду ли силы справиться с собой.

Как и всегда, свое слово адмирал сдержал. Едва мы вернулись в особняк, он обратился к дворецкому:

— Овар, будь любезен, перенеси сюда шаромаг нашей гостьи.

Тот откликнулся моментально, и уже через пару мгновений в холле стояла моя дорожная сумка. Заметив, что я нервничаю, адмирал легко подхватил ее с пола, сам извлек шаромаг, коснулся разветвленной трещинки и одновременно подтолкнул меня в сторону гостиной. Я, как могла, старалась себя успокоить. День и без того выдался щедрым на самые разные эмоции, а теперь меня ждало еще одно испытание на прочность.

Желая поскорее с этим покончить, я охотно приняла шаромаг из рук адмирала и мгновенно напряглась, увидев, как его наполняет знакомая дымка. Облизнув внезапно пересохшие губы, вновь всматривалась в появляющиеся, растающие друг в друга кристаллы, и все ждала того момента, когда некоторые из них потемнеют.

Адмирал молча стоял рядом, и взгляд его также был прикован к шаромагу. Почему-то в такие моменты время замедляется, будто нарочно нагнетая напряжение и заставляя нервничать все больше. Кристаллы медленно складывались в лепестки, лепестки — в цветок... прозрачно-голубой цветок. Прозрачно-голубой цветок, остающийся таковым и спустя полминуты, минуту, две...

— Но я не понимаю. — Я подняла на адмирала растерянный взгляд. — Еще несколько часов назад он показывал совсем другое...

— Ты позволишь? — Он вновь взял шаромаг в руки и, сосредоточившись, в него посмотрел.

Неотрывно наблюдая за тем, как за мутным стеклом одна за другой следуют вспышки света, обращающиеся кристаллами невероятно сложной формы, я медленно оседала в удачно стоящее рядом кресло. Никогда не видела ничего подобного! И, вероятно, больше нигде и не увижу.

— Что ж, сейчас он исправен, — подытожил адмирал, когда кристаллы в шаромаге сложились в потрясающей красоты сияющую фигуру. — Но если ты изначально приобрела его с дефектом, погрешности в работе возможны.

— Значит, дело в погрешностях? — с надеждой и облегчением спросила я.

— Иногда кристаллы могут темнеть, если смотрящий в шаромаг пребывает в сильном стрессе, — добавил лорд Рей. — Магия, как известно, неразрывно связана с общим эмоциональным состоянием ее обладателя. Быть может, причина в этом. Но в любом случае шаромаг нужно заменить.

Я знала, что он намеревается сказать дальше, и поспешила его опередить:

— Как только накоплю достаточную сумму, обязательно куплю новый, — заметив, что адмирал хочет возразить, добавила: — Я с благодарностью принимаю вашу помощь, пользуюсь предоставленной мне на время одеждой и живу в этом доме, поскольку это необходимо. Но новый шаромаг в настоящий момент необходимостью не является, и я предпочту позже оплатить его покупку сама.

Возражения так и остались неозвученными. А еще на короткое мгновение показалось, что также не было озвучено нечто другое — какая-то возможная причина потемнения кристаллов, о которой адмирал предпочел умолчать. Но ощущение этого было столь мимолетным, что я не стала заострять на нем внимания и радовалась, что хотя бы о шаромаге можно больше не волноваться.

Часы пробили одиннадцать, сообщая, что вечер подошел к концу. Благодаря службе я привыкла к строгому режиму, в такое время обычно уже спала, и сейчас организм напомнил о выработавшейся привычке, выразив протест бодрствованию широким зевком.

— Ты устала, — констатировал лорд Рей. — Нужно хорошо выспаться, завтра будет сложный день.

Я робко улыбнулась.

— А когда в последнее время дни были легкими? Адмирал Ре... — без перехода попыталась обратиться я, но, наткнувшись на убийственный взгляд, осеклась. — Лорд Ре...

Сузившиеся прозрачно-голубые глаза, сложенные на груди руки, недовольно поджатые губы.

— Есть какие-нибудь новости из Сумеречья? — спросила я, избежав прямого обращения.

Ответом мне стал все тот же взгляд, все те же сложенные руки и, что закономерно, все те же поджатые губы.

Понимая, чего от меня ждут, я обреченно вздохнула и, опустив глаза, на одном дыхании выпалила:

— Эрган, скажите, пожалуйста, есть ли какие-нибудь новости из Сумеречья?

— Есть. — Судя по голосу, он был доволен. — Горт Дагг дал

показания, выдав того, кто платил ему за твое запугивание. Им оказался один известный в определенных кругах альв, которого сейчас усердно разыскивают. Естественно, за ним также кто-то стоит. Плюс к этому нам удалось напасть на след некроманта, накануне его попытались задержать, но он ушел, хотя и был серьезно ранен во время бегства.

Новости оказались не то чтобы потрясающими, но очень важными. В сущности, сейчас были важны любые зацепки, которые могли помочь расследованию.

— А убийца Гейры? — задала я еще один вопрос.

— Пока ничего. — Адмирал шагнул ко мне и, глядя в лицо, серьезно произнес: — Сейчас тебе следует быть особенно осторожной. Слишком многое стоит на кону, желающие получить осколки ни перед чем не остановятся. Я не говорил этого раньше, но твоя мать и бабушка также могут быть к этому причастны. Леди Шаркэ — крайне амбициозная, себялюбивая особа, поэтому ее заинтересованность в воссоздании кристалла душ не исключена.

А вот такие слова меня действительно потрясли, потому как мысли о подобном раскладе мне и в голову не приходили.

— Но даже если это предположение верно, тебе с ее стороны все равно ничего не угрожает, — тут же успокоил адмирал. — По крайней мере, пока все осколки не будут собраны.

Я хотела сказать, что не угрожает до тех пор, пока я нахожусь под его защитой, но вовремя опомнилась и промолчала.

Адмирал лично проводил меня до комнаты и, прежде чем позволить в нее войти, взял за руку, вынудив задержаться.

— Ты все еще меня боишься? — неожиданно спросил он, глядя мне в глаза.

Я замерла, борясь с поднявшимся внутри цунами, и, чуть помедлив, не отводя взгляда, выдохнула:

— Нет, — еще немного помолчала и тихо добавила: — Уже нет.

Глаза лорда Рея блеснули в полумраке, он нежно коснулся моей щеки и, улыбнувшись, пожелал:

— Доброй ночи, Фрида.

— Доброй ночи, — пожелала я в ответ и, не найдя в себе сил повторно произнести заветное имя, юркнула в спасительную темноту покоев.

ГЛАВА 14

Ее визит начался с уже знакомого запаха цветочной свежести, который пробрался в особняк еще до того, как она вошла на порог. Стоя у окна гостиной, я наблюдала, как из остановившийся богатой кареты выходит молодая женщина, закутанная в бледно-голубую шубку, а следом — женщина постарше, облаченная в шубку черную, украшенную у воротника переливающейся на свету крупной брошью.

Сегодня я почти не волновалась, чему способствовало долгое и упорное самовнушение. Этим утром я специально встала пораньше, воспользовалась любезно предложенной помощью госпожи Явиа в наведении марафета и оставшееся до визита родственниц время кормила себя духовной и телесной пищей — читала и пила успокаивающий мятный чай.

— Можно я косяк дверной опущу, чтоб они стукнулись, а? — в несвойственной ему ворчливой манере спросил Овар.

— Нельзя, — спокойно ответил адмирал, читающий свежую прессу. — Встреть как подобает и проводи сюда.

— А может, хотя бы снег с крыши на них стряхнуть? — робко настаивал дворецкий. — Совсем немножечко...

— Нет.

— А что, если ступеньки под их ногами вдруг исчезнут...

— Овар! — оторвавшись от чтения газеты, прикрикнул адмирал.

Дворецкий показательно вздохнул и приступил к исполнению своих непосредственных обязанностей — к этому моменту гости как раз стояли у двери, даже не подозревая, какие сюрпризы их могли ожидать.

Когда они входили в гостиную, я в очередной раз похвалила себя за предусмотрительно выпитый чай. Все же вновь видеть Аэлину Лавьет — нервотрепка еще та. Судя по обратившемуся ко мне взгляду, накануне она действительно меня не заметила — узнавание в ее глазах не отразилось. В первые секунды в них не отразилось вообще ничего, но затем, словно по щелчку, включилась широкая палитра эмоций.

— Фридошка, — прошептали выразительные, тронутые перламутровым блеском губы. — Девочка моя...

Я вздрогнула.

В гробовой тишине Аэлина стремительно преодолела разделяющее нас расстояние, и не успела я опомниться, как оказалась в цветочно-свежих

объятиях. Машинально обняв в ответ, я не могла понять, играет она или этот порыв искренен. Но на некоторое время природа ее чувств стала для меня не важна, ведь я едва находила силы справляться со своими собственными.

Я ожидала, что Аэлина будет вести себя так же, как леди Шаркэ, и ее теперешние действия стали полнейшей, заставшей врасплох неожиданностью.

От одной только фразы «моя девочка», произнесенной надтреснутым, но вместе с тем нежным голосом, захотелось разреветься. А поскольку реветь ни в коем случае было нельзя, я стояла, не мигая и изо всех сдерживая наворачивающиеся на глаза слезы.

Все в той же гробовой тишине Аэлина отстранилась, всмотрелась мне в лицо, и через миг в гостиной прозвучал холодный голос второй гостьи:

— Леди Лавьет, держите себя в руках.

Сказанное моментально отрезвило и вернуло чувство реальности не только той, кому было адресовано, но и мне. Аэлина неловко улыбнулась, отвела взгляд и отступила на шаг назад, а я коротко выдохнула.

В отличие от Кареллы Шаркэ, встречающей нас с показным гостеприимством, накрыть стол и подать чай лорд Рей не распорядился. Я практически не сомневалась, что видеть таких гостей в этом доме ему вообще не хотелось. Но все же он держался подчеркнуто вежливо, как и подобает хозяину, хотя исходящий от него холод, казалось, мог заморозить все на несколько миль вокруг.

— У вас очень красивый дом, — похвалила Аэлина, по-видимому желая разбавить повисшее напряжение. — Хотя, признаться, потерянные души в качестве прислуги пугают.

Адмирал улыбнулся, но в его глазах блеснул лед.

— Не беспокойтесь, вошедшим сюда без дурных намерений бояться нечего. Рад, что ваше недомогание так скоро прошло.

В последних словах легко угадывался сарказм.

— Лорд Рей, — не дав дочери ответить, заговорила леди Шаркэ, — вы сами упоминали, что не терпите пустых разговоров, поэтому давайте обсудим то, ради чего мы приехали к вам в такую рань.

Я мельком посмотрела на напольные часы и, убедившись, что сейчас полдень, удивилась. Нет, я, конечно, слышала, что многие аристократы любят спать допоздна, но чтобы настолько!

Вскоре наша тесная компания восседала на мягком диване, причем нас с адмиралом и леди отделял невысокий кофейный столик. Что называется — по разные стороны баррикад...

— Мы тщательно все обдумали и принимаем ваше предложение, — сообщила леди Шаркэ, под этим «мы» явно подразумевая только себя, почему-то сложилось стойкое ощущение, что Аэлина в этом дуэте правом голоса не обладает. — Но на подготовку к выходу девушки в свет требуется время. Ей необходимо обзавестись приличным гардеробом, обучиться танцам, этикету и получить прочие важные знания.

— И сколько, по-вашему, на это потребуется времени? — спросил адмирал.

— Как минимум месяц.

— Два.

— Да, пожалуй, два будет лучше, — согласилась леди Шаркэ.

— Два дня, — не терпящим возражений тоном отрезал адмирал. И пока моя «бабуля» не пришла в себя от такого потрясающего заявления, продолжил: — В королевском дворце устраивается бал-маскарад. Как вы знаете, туда приглашена вся знать, начиная с низших и заканчивая высочайшими титулами. Это прекрасная возможность для Фриды познакомиться с устройством высшего света, тем более на ней будет маска, которая позволит чувствовать себя более свободно.

— Да это просто неслыханно... — проговорила леди Шаркэ, переводя взгляд с адмирала на меня. — Нельзя всего за два дня привить особе, выросшей на дне, соответствующие высоким кругам манеры!

— А вы попробуйте, — с нажимом произнес адмирал, тон которого буквально резал.

— Ну а вы? — неожиданно обратилась ко мне леди Шаркэ. — Считаете, что сумеете с этим справиться?

Спокойно встретив ее взгляд, я сдержанно улыбнулась.

— Несомненно. Выжившему на дне остальные трудности покажутся сущей мелочью.

Говоря это, сидя здесь и сейчас, мысленно я опустошала сотую по счету кружку успокаивающего чая и надувала бумажный пакет. Шутка ли — через два дня отправиться на самый настоящий бал, да еще не куда-нибудь, а в королевский дворец! С ума сойти и утонуть!

Но я полностью доверяла адмиралу и считала, что ему виднее, как поступать. К тому же чем быстрее все это начнется, тем быстрее закончится. Жить с родственничками целый месяц мне уж точно не хотелось.

— Что ж, в таком случае так и поступим, — с величественным видом кивнула леди Шаркэ, вновь переключив внимание на адмирала. — Поскольку затея ваша, вам и оплачивать все сопутствующие расходы.

— Разумеется, — без промедления подтвердил он. — К слову, обещанная охрана уже стоит у вашего дома. Также, помимо стражей, распоряжением его величества вы получите сильнейшие защитные амулеты. Их вам преподнесут сегодня вечером.

— То есть вы не сомневались, что мы согласимся? — подала голос притихшая было леди Лавьет.

— У меня еще не было причин сомневаться в благоразумии и практичности вашей матери, — ответил адмирал. — Надеюсь, не появится и впредь.

В итоге было решено, что в свое «родовое гнездо» я перееду завтра утром, завтра же и начну в скоростном режиме просвещаться, получая необходимые умения и знания. Теперь это «родовое гнездо» виделось мне как минимум гнездом подводных пауков, а как максимум — разъявленной пастью кракена, готовой сомкнуться в любой момент. Так что желание переезжать во мне потухло, даже не разгоревшись. Но когда мы поступали так, как нам хочется?

Особняк адмирала леди Шаркэ покидала с присущим ей высокомерным величием, но помпезную картину внезапно испортила ее дочь. С порога послышалось эмоциональное «ай!», затем сдавленное шипение, а после прозвучал участливо-вежливый голос Овара:

— О, мне так жаль! Вы не сильно ушиблись?

Я прикусила губу, сдерживая смешок, и, покосившись на адмирала, увидела, что уголки его губ тоже едва заметно приподнялись. Взбучка дворецкому за проявленное своеволие явно не грозила.

Вновь собирать вещи было грустно и тревожно. В доме адмирала я гостила всего несколько дней, но было ощущение, что прожила здесь гораздо дольше. Когда в сумку отправились все немногочисленные пожитки, я осторожно открыла внутренний кармашек и сжала пузырек с зельем.

Все, медлить больше некуда. Или я сегодня незаметно подливаю содержимое в бокал адмирала, или оставляю все как есть.

Ши возьми, как же не хотелось этого делать! И как же боязно было решиться на такой шаг! Даже вообразить не могла, что будет, если я попытаюсь напоить адмирала отворотным зельем и он это заметит. Вчера я сказала, что больше его не боюсь, но, похоже, поспешила с выводами. Не боялась я лорда Рея, а вот первого в королевстве морского демона боялась, и даже очень.

Еще и вездесущие души могли легко отследить мои действия и помешать. Но, несмотря на все сомнения и опасения, я все-таки решилась.

В конце концов, хуже уже не будет. Побочные эффекты я изучила, кроме аллергической сыпи да повышенной возбудимости там ничего не было. В общем, сущие мелочи по сравнению с мучениями от чар ундин.

Незадолго до ужина я аккуратно извлекла из сумки пузырек, сжала его в кулаке и зашла в ванную — единственное место, куда души не заглядывали по этическим соображениям. Долго думала, куда его пристроить, и в итоге поступила, как роковая девица из романов, какими в свое время зачитывалась Далия, — сунула пузырек за корсаж платья. Тут же невольно покраснела — вот уж глупая особенность организма! — и, немного поколебавшись, распустила волосы. Судя по задуманному плану, краснеть в этот вечер мне предстояло много, а волосы хотя бы немного это скроют. Не знаю, была ли в том заслуга пробудившейся крови ундин, но за последнее время они сильно отросли. Вроде бы еще недавно только прикрывали лопатки, а теперь гладкими волнами опускались до самой талии. Придирчиво изучив свое отражение, больше никаких существенных изменений во внешности я не заметила, разве что цвет глаз стал еще более насыщенным, а кожа — ровной.

— Вполне ничего, — признала я, склонив голову набок.

Наверное, на моем месте нормальная девушка порадовалась бы таким переменам, но меня они только расстроили. Слишком уж особа из зеркала была похожа на Аэлину Лавьет. Хвала поднебесным, хотя бы цвет волос от нее не унаследовала.

— Фрида, вы очаровательны! — с каким-то материнским теплом похвалила госпожа Явиа, когда я вышла из ванной. — Такая замечательная девочка...

Впервые в жизни я пожалела, что потерянные души нельзя обнять. При всей своей нематериальности госпожа Явиа казалась куда более настоящей, чем моя новоявленная родня.

В столовую я спускалась с волнением, долей трепета и кучей нехороших предчувствий. Но как только увидела накрытый стол, откуда исходили умопомрачительные запахи приготовленных Факсом блюд, немного расслабилась. Было и в этих запахах, и в убранстве стола, и в самой атмосфере столовой что-то очень уютное, позволяющее чувствовать себя как дома. Ну или почти как.

Обычно адмирал спускался к ужину первым, но сегодня я невольно его опередила. Присаживаться за стол, не дождаввшись хозяина дома, было бы верхом бестактности, — что бы там ни говорила о моих манерах леди Шаркэ, я об этом знала.

Поэтому, помявшись у входа, я подошла к камину, немного

полюбовалась на подрагивающее пламя, а затем переключила внимание на стоящую на каминной полке скульптурку. Это была почти точная копия той, что возвышалась перед корпусом в Сумеречье: Таггар, пронзающий мечом гидру. Рассмотрев его лицо, я обратила внимание на то, чего не замечала прежде, — удивительное сходство между ним и адмиралом Реем. Но не успела толком удивиться этому любопытному факту, как услышала приближающийся звук шагов. А когда обернулась, в столовую уже входил сам адмирал.

Встретившись с ним взглядом, я помимо воли замерла и затаила дыхание. Было в этом взгляде нечто такое, что я уже замечала раньше, но не столь явно. Лорд Рей тоже на несколько мгновений застыл в дверях и, могла бы поклясться, так же, как и я, — помимо воли.

Я порадовалась, что предусмотрительно распустила волосы, которые теперь скрывали мои покрасневшие щеки. А даже если не скрывали, прилившую к лицу кровь можно было списать на жар полыхающего в камине огня.

— Тебе очень идет эта прическа, — едва заметно тряхнув головой, словно бы избавляясь от наваждения, заметил адмирал.

— Благодарю, — негромко отозвалась я, не став возражать, что это, скорее, не прическа, а ее отсутствие.

Перед тем как прийти на этот ужин, я тщательно продумала, как попрошу лорда Рея откупорить вино. Не была уверена, получится ли у меня убедительно и не вызывая подозрений это сделать, но, к моему огромному облегчению, проверять не пришлось. Когда я села за стол, он извлек из шкафа причудливой формы бутылку и, слегка улыбнувшись, предупредил:

— Отказа не приму.

Не выдавая радости, я с такой же легкой улыбкой кивнула в ответ.

— Из Солнечного королевства? — любопытно спросила, когда в мой бокал полилась бледно-золотая, почти прозрачная жидкость.

— Одни из лучших виноградников Сиятельной области, — подтвердил адмирал. — Двухвековой выдержки, изготовлено с использованием магии высших светлых эльфов. По крайней мере, так утверждают надпись на этикетке и человек, мне его подаривший.

Уж насколько плохо я относилась к алкоголю, такой информацией не проникнуться не смогла. Постаралась в полной мере преисполниться важностью момента — вообще-то такое вино в своей жизни пробует далеко не каждый!

— Обещается свежесть лимонной мяты, нотки миндаля и

фруктовое послевкусие, — наполнив и свой бокал, поделился адмирал.

Осторожно приняхавшись, я уловила тончайшие ароматы, показавшиеся очень легкими и приятными.

Затем мы подняли бокалы, и адмирал произнес:

— Чтобы твое будущее было таким же легким и светлым, как этот букет.

Пригубив вино, я обнаружила, что вкус ничем не уступает запаху. Удивительно, но он словно перенес меня в залитую приветливым солнцем долину, где прогуливаются жизнерадостные светлые эльфы. Там растут фруктовые деревья и цветут прекрасные цветы, небо всегда ясное, и сам воздух будто бы соткан из сияния. Вряд ли мне суждено когда-нибудь побывать в тех местах, но сейчас в свое нахождение там было очень легко поверить.

По большей части ужин проходил в молчании. С одной стороны, царящая за столом атмосфера была спокойной и уютной, но с другой, как ни странно это прозвучит, — полной ее противоположностью. Я так и ощущала, как вибрирует между нами с адмиралом воздух, хотя мы сидели на противоположных концах стола. Кроме того, я ужасно нервничала в ожидании подходящего момента, когда можно будет осуществить задуманное.

Чтобы использовать зелье, требовалось по меньшей мере отвлечь внимание адмирала и вынудить его ненадолго отвернуться.

Не знаю, было ли то простой удачей, игрой Провидения или самой судьбой, но для достижения цели мне снова не пришлось прикладывать никаких усилий. Зато пришлось сдерживать едва не вырвавшийся от неожиданности крик. Огонь стоящих на столе свечей вдруг заколыхался, слился воедино, и в образовавшемся пламени появилось... лицо. Обычное мужское лицо, с глазами, носом и ртом, только как будто созданное из огня. И лицо это было мне знакомо: если от испуга с моей памятью ничего не случилось, то оно принадлежало одному из капитанов нашего корпуса.

— Адмирал Рей! — заговорило лицо с как ни в чем не бывало продолжающим трапезу лордом. — Разрешите обратиться!

Тот вздохнул, отложил вилку с ножом и, коротко кивнув, выжидающе посмотрел на нежданного гостя.

— В корпусе срочно требуется ваше присутствие!

— Что произошло? — взволнованно спросил адмирал.

— Потерянные души, — отчиталось постепенно исчезающее лицо капитана. — Мы могли бы справиться и сами, но через барьер их перелетело слишком много. Они напали на рыболовное судно,

пострадавших уже доставляют...

Голос резко оборвался, пламя свечей вернулось в нормальное состояние и погасло, а я только и успела моргнуть, как адмирал уже открывал проход.

— Адмирал Рей! — опомнилась я, когда он почти скрылся в белесой дымке.

На мгновение обернувшись, он бросил:

— Скоро вернусь.

И тут же исчез, оставив меня сидеть с открытым ртом и пытаться осознать только что произошедшее. Капитан сказал, потерянные души перелетели через барьер? Должно быть, на этот раз их было действительно много, иначе наши ловцы не стали бы звать на помощь адмирала. Вот ши!

Следом пришло и осмысление напоследок брошенной адмиралом фразы. Если он сказал, что вернется скоро, значит, так оно и будет. Не удивлюсь, если на то, чтобы разобраться в ситуации и разделаться с уймой потерянных душ, у него уйдут считанные минуты.

Мельком осмотревшись по сторонам, будто могла увидеть наблюдающие за мной потерянные души, я потихоньку поднялась с места и подошла к камину. Немного постояла, делая вид, что вновь рассматриваю скульптурку, а сама в это время извлекла из-за корсажа платья пузырек. Хорошо, он был маленьким и удобно умещался в ладони.

Затем не спеша, стараясь вести себя естественно, приблизилась к столу и взяла бутылку. Повертела ее, читая надпись на этикетке, поставила на место и так же неспешно подошла к месту, где сидел адмирал. Его бокал бы наполовину полон — как раз то, что нужно.

Я была уверена, что действую незаметно: заслонить собой бокал, поднести к нему осторожно откупоренный пузырек и...

Внезапно услышать:

— А что это мы делаем?

Резко отдернув руку, я случайно задела бокал, но успела его придержать, и вино не расплескалось.

— Фри-и-ида — протянул Овар, в тоне которого почему-то не было ни удивления, ни недовольства.

В голосе дворецкого звучало... веселье! Невероятно просто!

— Ничего, — пролепетала я, решив, что главного он все-таки не заметил. — Ты о чем?

— Ну да, действительно, о чем это я? — все так же весело хмыкнул дворецкий и неожиданно выдал: — Отворотным зельем лорда Рея еще никто напоить не пробовал!

Я опешила.

— Раньше его травили исключительно приворотными! — продолжал огорошивать дворецкий. — Фридошка, какая же ты наивная! Неужели думала, я не замечу и поверю в сказку про нуждающегося в зелье папу? Ты не представляешь, сколько девиц пыталось напоить хозяина всякой гадостью! На него как-то целую охоту объявили, и он даже вынужден был на время отвязать меня от дома и привязать к себе. Я с тех пор настоящим мастером по части такого рода зелий стал. За версту их чую!

— И что теперь? — обреченно осведомилась обескураженная и готовая к казни я.

Овар помолчал, таким образом добавив мне седых волос, и задумчиво проговорил:

— Ты думаешь, что симпатия к тебе хозяина вызвана чарами ундин, так ведь? То есть напоить его решила исключительно из благих намерений?

— Не думаю, а так оно и есть, — возразила я, проигнорировав второй вопрос.

А далее случилось то, чего я не то что не ожидала, но даже не могла и помыслить!

— Ладно, лей свою бурду.

От неожиданности я только и смогла, что потрясенно выдохнуть:

— В смысле?

— Зелье подмешивай, в смысле, — терпеливо пояснил Овар. — Живее, если не хочешь, чтобы тебя хозяин застукал!

— То есть, — с сомнением произнесла я, — ты меня не выдашь?

— Не-а, — беззаботно отозвался он. — И Явиа наша не выдаст, она сейчас на плановой чистке. Так что действуй, ундиночка, вот тебе мое душевное благословение!

Я решительно не понимала, что происходит, но так и чувствовала во всем этом какой-то подвох. Но в чем именно он заключался, не понимала тоже, однако долго над этим не раздумывала. Отступить от своего плана было поздно, поэтому чуть подрагивающей рукой я наконец вылила содержимое пузырька в бокал адмирала. В вине появились пузыри, над его поверхностью взмыл невесомый синеватый дымок, но уже через пару секунд все исчезло.

Должно быть, в наступившей тишине биение моего зашкаливающего пульса было слышно на всю округу. Но что сделано, то сделано, и я, ущипнув себя, дабы привести в чувства, вернулась на свое место.

Все-таки какая-никакая удача этим вечером мне определенно сопутствовала, потому как прошла всего пара мгновений, прежде чем в

столовой появился адмирал. Равнодушно-холодный, бесстрастно-устрашающий морской демон.

С мрачным спокойствием присев за стол, он подпер подбородок руками и долго смотрел в одну точку. У меня даже мурашки по коже поползли, и вообще было непонятно, как при всех сопутствующих обстоятельствах я до сих пор не упала в обморок. Давно забытая привычка так и норовила вновь себя проявить.

Внезапно адмирал взял бокал и опустошил его одним залпом. Я судорожно сглотнула. Внимательно присмотрелась к его лицу, и ожидая, и страшась увидеть какие-то изменения. Но все было по-прежнему.

Выносить эту сумасшедше-напряженную тишину дольше было выше моих сил, и я, негромко прокашлявшись, спросила:

— Души нанесли большой ущерб?

Казалось, адмирал вопроса не услышал, а ответ прозвучал, когда я уже перестала его ждать:

— Нет. Но через барьер их перелетело чрезмерно много. Если бы не мое своевременное вмешательство, все было бы куда плачевней.

— Это из-за осколков, — озвучила я очевидное. — В Сумеречье их становится все больше, поэтому души к ним и тянет?

Адмирал расстегнул ворот рубашки, почесал запястье и ответил лаконичное:

— Да.

Затем в столовой снова наступила тишина, нарушаемая лишь треском догорающих в камине поленьев. Сложив руки на коленях, я нервно перебирала пальцами и периодически покусывала губу, гадая, станет ли заметен какой-то эффект от зелья уже этим вечером. А вдруг не подействует вообще? Эх, были бы деньги, купила бы сильнодействующее!

Адмирал расстегнул еще одну пуговичку, поскреб пальцами шею и откинулся на спинку стула. Еще некоторое время его задумчивый взгляд устремлялся куда-то в пространство, а затем совершенно неожиданно переместился на меня.

Встретившись с почему-то стремительно синеющими глазами, я судорожно сглотнула во второй раз. Вцепилась пальцами в платье, лихорадочно его смяла и напряглась еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже просто некуда. В глазах адмирала продолжали сгущаться тучи и, кажется, даже начинали блистать молнии. Сейчас я просто не узнавала ни этих глаз, ни их обладателя. Слово вся холодная сдержанность, подобно маске, вдруг оказалась резко сброшена, и наружу выглянула истинная, ничем не прикрытая сущность морского демона.

— Я, наверное, уже пойду... — проговорила я, потихонечку поднимаясь.

Все бы ничего, но вот адмирал вдруг тоже начал подниматься... потихонечку. И от такого «потихонечку» мне внезапно захотелось убежать уже совсем не потихонечку, а со всех ног.

Что-то явно было не так. Не сводя с меня с сумасшедшей скоростью темнеющих глаз, адмирал поскреб щеку, и я сделала робкий шаг назад. Еще один, и еще один, и еще парочку. А затем, подхватив подол платья, бросилась к выходу, наплевав на то, насколько глупо со стороны может выглядеть такое поведение. Просто всем своим существом почувствовала, что самое разумное сейчас — это спастись бегством!

Я почти добежала до двери, когда ее вдруг заслонила сначала белая дымка, а затем — высокая широкоплечая мужская фигура. С развевающимися белоснежными волосами, буквально горящими темно-синими глазами и проступившей на руке гладкой чешуей!

— Фр-р-рида, — низким голосом почти прорычал адмирал, и столько всего отразилось в этих звуках моего имени, что мне... что мне как никогда в жизни захотелось рухнуть в спасительный и очень уместный обморок!

ГЛАВА 15

Как это обычно бывает по закону глубинной несправедливости, когда что-нибудь очень нужно, оно не происходит. Так вышло и с обмороком, которого я желала всей своей спрятавшейся в пятки душой.

— В-вы что делаете? — с запинкой спросила я, когда истинный морской демон одним рывком притянул меня к себе, крепко обнял и... зарылся лицом в мои волосы.

— Ты очень кстати их распустила, — не своим голосом произнес адмирал, словно меня не услышав. — Они пахнут морем...

— В ванной все шампуни с таким запахом, — зачем-то пояснила я и тут же попыталась выставить перед собой руки. — Адмирал Рей!

Глубокий вдох и неожиданно мурлычущие интонации.

— Я вас слушаю, кадет Талмор.

— Вы не в себе, — проговорила я, стараясь держать себя в руках, что давалось с огромным трудом. — Давайте вы сейчас меня отпустите, я быстро поднимусь наверх и...

— Наверх? — все с теми же интонациями переспросил морской демон и, недолго помолчав, согласился: — Прекрасная идея.

Когда меня неожиданно приподняли над полом, взяли на руки и вновь прижали к себе как нечто ценное, что нельзя отпускать даже под угрозой смерти, я изумленно-протестующе ахнула. Происходило уже не просто что-то не то, а... Да ши знает что вообще происходило!

— Адмирал Рей!

— Эр-ртан, — возразили мне, вернувшись к рычащим ноткам, и уже снова мягко произнесли: — Фри-и-ида...

Как дверь не разлетелась от удара ногой, я не имела ни малейшего представления, но зато совершенно ясно понимала, что срочно нужно что-то делать. А еще понимала, что во всем виновато глубинное зелье, оказавшее совершенно неожиданный эффект! Кажется, в побочных действиях было указано что-то такое... аллергическая реакция и...

— Адмирал Рей! — не додумала я, услышав громкий стук двери, будто отрезавший нас от всего внешнего мира.

Мы оказались в моей комнате, и вот это уже было совсем, просто очень-очень нехорошо.

— Отпустите меня! — попыталась освободиться. — Пожалуйста!

Внезапно я оказалась стоящей на полу, и удерживающие меня руки

разжались, но не полностью, а так, чтобы я смогла немного отстраниться. На меня вновь устремились уже откровенно сверкающие глаза, меняющие цвет на яркий ультрамарин.

— Не могу противиться, когда ты просишь. — Губы морского демона изогнулись в выразительной улыбке, кончики пальцев прошлись по моей скуле, приподняли за подбородок, вынуждая заглянуть в самое дно этих нереальных, ужасно прекрасных глаз. — Ты хотя бы понимаешь, насколько невероятно?

Поднебесные, да что ж за зелье было такое...

— Гордая и честная маленькая Фрида, — голос, взгляд, прикосновения — все словно гипнотизировало, желая заразить меня тем же безумством. — Ты как глоток свежего бриза, как луч света среди густых сумеречных ночей. Знаешь об этом, Фри-и-да?

И все-таки пойду в ту лавку с требованием вернуть деньги! Ощущение, что мне не отворотное зелье продали, а самое что ни на есть приворотное... Тысяча кругов Глубины!

— Адмирал Рей, послушайте...

— Скажи: Эртан, — попросили меня и, словно ребенку, повторили по слогам: — Эр-тан.

Понимая, что сейчас лучше не спорить, я проронила:

— Послушайте, Эртан...

Договорить мне не дал указательный палец, внезапно прижавшийся к моим губам. Моя бедная душа покинула пятки, где отсиживалась последние минуты, встрепенулась и, подталкиваемая неистово подскакивающим сердцем, взлетела к самому потолку.

— Вот и умница, — похвалили меня, погладив по голове, точно морского котенка, а затем... поцеловали!

Нет, ну это уже просто... просто... Такого точно не должно было быть!

Я бы еще много чего подумала по этому поводу, если бы могла. От обрушивающейся на меня мощи морского демона все связанные мысли вдруг исчезли, и несвязные в общем-то тоже. От привычной сдержанности и контроля адмирала не осталось ни следа, ни малейшего воспоминания, и его напор, его сила, бьющая ключом энергия ошеломляли. Ошеломляли настолько же, насколько... восхищали. Это было очень странное, ни с чем не сравнимое восхищение, рождающееся где-то внутри меня. Словно морской демон сумел добраться до самых моих глубин и в считанные мгновения пробудить дремлющую там ундины. Существо, сама суть которого — страсть и обольщение.

Если сперва я только и могла, что упорно пытаться высвободиться, то

вскоре неожиданно для самой себя, абсолютно неосознанно, поддаваясь каким-то глубинным инстинктам, ответила на этот сумасшедший поцелуй. Сомкнув веки, видя мир чувственно-синим, подстроилась под его напор так легко, словно все время только этого и ждала.

«Что я творю?!» — мелькнула в сознании одна вменяемая мысль, но ее тут же унесли неистовые, захлестнувшие меня волны.

Сама Глубина поглощала меня в лице одного морского демона, а я уже и не пыталась этому препятствовать! Лишь когда оказалась лежащей на атласном покрывале, а два темно-синих сверкающих моря вдруг очутились надо мной, наваждение на время отступило. Но не потому что ко мне вернулась способность здраво мыслить, а потому что осмысленность неожиданно проступила в направленном на меня взгляде.

— Ши... — выдохнул адмирал, на несколько мгновений прикрыв глаза.

Он нависал надо мной, а я смотрела ему в лицо и как-то отстраненно отмечала, что на ровной коже откуда-то взялись красные пятнышки. Много красных пятнышек... много стремительно появляющихся красных пятнышек.

Когда адмирал резко открыл глаза и уставился на меня теперь уже до конца осмысленным взглядом, я не сдержала прерывистого вдоха. И понимая, что взывать к обмороку поздно и бессмысленно, изо всех сил вжалась в кровать.

На меня смотрели, не мигая. Не шевелясь. Желая не то снова поцеловать, не то прикончить на месте. А скорее всего, сначала поцеловать, потом прикончить, а потом поймать мою душу, привязать к себе и долго-долго мучить.

— В следующий раз, когда в твою темную головку придет идея поить меня каким бы то ни было зельем, думай о последствиях, — вкрадчиво проговорил адмирал. — И прежде чем действовать, потрудись ознакомиться с определенной литературой, где говорится о невосприимчивости магов первой степени ко всякого рода любовным зельям и чарам.

По мере того как меня отчитывали, мои глаза становились все шире. И пока я медленно умирала под гипнотизирующим меня взглядом, до затуманенного сознания постепенно доходил смысл сказанного.

— То есть как невосприимчивы? — прошептала потрясенная я.

— Тебе объяснить физику этого явления? — съязвил адмирал, который, несмотря на всю осмысленность, отпускать меня не спешил. — С таким уровнем личной силы, какой есть у магов первой степени, никакие

чары подействовать просто не могут. На меня подействовать не могут, Фрида. Иногда зелья способны оказать эффект максимум на пару минут. Этого мало, правда? — Вопрос прозвучал неожиданно жестко. — А теперь будь добра, объясни, с чего вдруг ты решила опоить меня приворотным зельем?

Я подумала, что ослышалась.

— П-приворотным? — переспросила, испуганно поежившись. — Но я не...

И тут его глаза ка-а-ак блеснули!

— Что — не? Проклятая Глубина! — неожиданно выругался морской демон, в этот момент совершенно не похожий на того адмирала, которого я знала. — Я сбился со счета, сколько раз на меня пытались воздействовать ундины полусвета и даже света! Сколько раз леди, являющиеся обычными людьми, пытались подмешать мне в питье очередную отраву, чтобы затем или заставить меня их скомпрометировать и вынудить жениться, или просто таким образом привлечь мое внимание! Но ты... — Он шумно выдохнул и вновь посмотрел на меня глазами настоящего морского демона, на дне которых плескалась неожиданная горечь. — Тебе этого не требовалось, ведь я и без того искренне тобой восхищался и давно предложил бы стать моей невестой, если бы не боялся испугать! Ши возьми, да ты буквально сводишь меня с ума!

Он резко осекся. Я испытала потрясение до того сильное, что просто окончательно утратила дар речи. Так мы и замерли, молча смотря друг другу в глаза и думая каждый об одном и том же, но по-своему.

Пауза была долгой. А потом я собралась с силами.

— Понимаете, — проговорила очень осторожно. — Дело в том, что это зелье не было приворотным. Оно было... отворотным. Вот.

Даже не знаю, кто из нас двоих после этого внезапного, совершенно спонтанного разговора остался потрясен больше. Глядя на мимику адмирала, которому такое открытое проявление чувств свойственно не было, я думала, что, если бы на него внезапно рухнуло все Поднебесье, эффект был бы примерно тем же.

Теперь на меня смотрели неверяще и с недоумением.

— Отворотным? — переспросили глухим, полным противоречивых чувств голосом. — Поднебесных ради, зачем?!

Я хотела провалиться в Глубину, но заставила себя ответить:

— Из-за чар ундин, по вине которых вы испытываете ко мне то, чего испытывать не должны... Я так думала. То есть... в общем...

Я окончательно запуталась, и желание провалиться на самое дно стало

как никогда огромным. Адмирал же продолжал смотреть на меня так, словно видел перед собой некое неведомое существо и не мог понять, как к нему относиться. Если бы я сейчас была в состоянии абстрагироваться от ситуации, выражение его лица наверняка показалось бы мне забавным. Многие ли могут похвастаться, что видели повелителя четырехсот девяноста девяти потерянных душ настолько потрясенным? Но мое собственное состояние волновало сейчас гораздо больше.

Что он там говорил про невесту?.. Мамочка моя, родная и нелюбимая... Это все чары! Но чары на него не действуют... А если все-таки действуют? И вообще непонятно, почему зелье так странно сработало!

— Где флакон? — неожиданно прервал мой внутренний диалог адмирал. И, поскольку я продолжала оторопело молчать, уже громче повторил: — Где флакон от зелья, Фрида?

Почему-то мое имя в его устах всегда оказывало нужный эффект. Я встрепенулась и, понимая, что волей-неволей придется отдавать пустой пузырек, покраснела от корней волос до самых пят.

— Фри-и-ида, — угрожающе протянул морской демон.

И я запустила подрагивающую руку за корсаж платья. А взгляд морского демона неотрывно за ней следовал, отчего моя кожа, по ощущениям, приняла цвет алого рассветного неба.

Бегло просматривая короткий текст, адмирал исхитрился не менять позу, по-прежнему нависая надо мной и вынуждая меня мечтать провалиться в Глубину еще более рьяно.

— Ты о побочных действиях читала? — страдальчески осведомился адмирал, изучив написанное на этикетке.

Я поспешно закивала.

Он снова прикрыл глаза и, кажется, досчитал до пяти. Затем шумно втянул воздух, так же шумно выдохнул.

— Обсудим это утром, — проговорил он.

Взметнулся белесый силуэт, адмирал со сдавленным стоном поднялся на ноги и, бросив на меня теперь уже совершенно непонятно что выражающий взгляд, в мгновение ока исчез.

Я как лежала, так и продолжала лежать еще несколько долгих минут, уставившись в балдахин. Воспроизвела в памяти список несчастных побочных действий и закрыла лицо руками. Аллергическая реакция и повышенная возбудимость — вот и все, что там было. И, похоже, проявилось и то и другое. Вот только раз морские демоны к чарам невосприимчивы, значит, и воздействовать зелью было не на что. Никакого приворота ундин, выходит, и не было. Но если не было, то...

«Тебе этого не требовалось, ведь я и без того искренне тобой восхищался и давно предложил бы стать моей невестой, если бы не боялся испугать!»

Перекатившись на живот, я схватила подушку и накрыла ей голову. Утром, обо всем этом подумаю утром... Однако что-то подсказывало, утром меня ожидает далеко не облегчение и трезвость мыслей, а очередная, самая что ни на есть глубинная Глубина.

Этой ночью я спала плохо. Да что там — отвратительно я спала! Во-первых, из-за терзающих меня мыслей, во-вторых, из-за терзающей совести. Совесть терзала, потому что, в-третьих, в одной из комнат особняка без конца что-то падало, гремело и разбивалось. Стихло все только ближе к рассвету, но, даже несмотря на наступившую тишину, я чувствовала, что в той самой комнате все еще не спят. Мучаются так же, как я, и это вынуждало меня терзаться с новыми силами. Еще и в голову, игнорируя решительно возведенные запреты, лезли совершенно ненужные мысли, от которых делалось так жарко, словно в комнате оказались все растопленные камины мира.

Заснуть мне удалось лишь под утро, да и то сон был очень зыбким, не принесшим долгожданного покоя. А уже вскоре меня разбудила госпожа Явиа, напомнившая, что через два часа нужно ехать в дом леди Шаркэ.

Поднебесные, как же было страшно выходить из комнаты! Я приводила себя в порядок нарочито медленно, умываясь добрых минут двадцать и еще столько же надевая платье. Зато косу заплетала быстро и тщательно — так, чтобы ни одной прядки выбившейся не осталось!

«Ты очень кстати их распустила... Они пахнут морем...»

Поднебесные, дайте мне сил...

— Фридошка, хочу заметить, что вам бы лучше собрать волосы в такую прическу, какую вы делали в прошлый раз, — заметила госпожа Явиа. — Учитывая, что придется снова встречаться с леди Шаркэ и леди Лавьет.

— Мне все равно, — сгладив категоричность улыбкой, ответила я. — Мне совсем незачем стараться им понравиться, а с косой мне удобней.

Оказавшись в коридоре, я на мгновение замерла и прислушалась. В доме было тихо. Только с первого этажа доносилось отдаленное бряканье посуды — должно быть, Фэкс заканчивал готовить завтрак. А вот из покоев адмирала не было слышно ни звука, что не успокоило, а вынудило меня нервничать еще больше.

Вниз я спускалась все так же медленно, останавливаясь на каждой ступеньке и считая до пяти. Откровенно говоря, помогало не очень, и к тому времени, как все ступеньки оказались пройдены, мои губы были

искусаны практически в кровь.

Для того чтобы войти в столовую, потребовалось призвать все свое мужество, которого у меня вообще-то было не так чтобы очень много. Слишком ярко в памяти всплывали вчерашние сцены, происходившие в этой самой столовой... и камины всего мира преследовали меня буквально по пятам.

— Овар, — тихо позвала я, прежде чем решиться переступить порог.

Дворецкий, обычно отзывающийся моментально, на этот раз с ответом не спешил.

— Овар! — позвала я чуть громче, нервно сжав и разжав кулаки.

— А, Фридошка, доброе утро! — прокатился по особняку бодрый и подозрительно веселый голос. — Как спалось?

Будь дворецкий материальным, точно бы его стукнула! Знает ведь, что я не спала, и издевается. И вообще, отчасти по его милости я вчера оказалась в такой ситуации. Мог ведь рассказать, что на адмирале никаких чар нет, но вместо этого наоборот подтолкнул к тому, чтобы я подлила зелье!

— Почему ты меня не остановил? — высказала я свое возмущение вслух. — Почему не сказал, что на адмирала Рея не действуют никакие зелья и чары?

Овар вновь затянул с ответом, а затем раздалось вкрадчиво-ехидное:

— Снова адмирал Рей? А накануне твоим мелодичным голоском так прекрасно звучало имя «Эртан»...

Нет, я бы его не просто стукнула. На самое дно бы отправила, вот! А ведь поначалу был таким обходительно-вежливым, таким учтиво-услужливым... Вот же непостоянство потерянных душ!

Поняв, что ничего от него не добьюсь, я глубоко вдохнула и решительно вошла в столовую. Стол был уже накрыт, на тарелках исходили паром свежайшие блюда, а вот все стулья пустовали. И вообще вся столовая пустовала. Адмирал еще не спустился.

Меня бы случившаяся отсрочка даже немного порадовала, если бы в душу не закралось нехорошее предчувствие. Вот прямо очень нехорошее.

— Ова-а-ар, — напрягшись, протянула я и, помедлив, неуверенно спросила: — С адмиралом все хорошо?

— Прекрасно, — резко прозвучало у входа.

На моей коже моментально устроили шествие полчища мурашек, волосы на голове практически зашевелились, и, с трудом сохраняя видимость спокойствия, я медленно обернулась. Очень медленно. Этим утром я вообще все делала очень медленно.

Как обернулась, так и застыла, невольно приоткрыв рот.

Что? Я терзалась мучениями совести ночью? Нет, по-настоящему совесть меня терзала сейчас, когда наглядные последствия моего поступка оказались прямо у меня под носом! А вместе с совестью меня терзали очень назойливые, совершенно неуместные порывы неприлично засмеяться, и мне пришлось кусать губы просто неистово, чтобы — не приведи поднебесные! — не расплыться в улыбке.

Адмирал стоял, сложив руки на груди, стиснув челюсти и в упор на меня глядя. Но исходящую от него ауру мрачности и вселяемого ужаса портила одна щекотливая деталь... много деталей. Все его лицо, всю шею и кисти покрывали красные точки! Такие обычно бывают у маленьких детей, заразившихся моррянкой. У Далии не так давно младшие братья этой болезнью переболели, и ей приходилось сидеть с ними ночи напролет, чтобы они не расчесали сыпь еще больше.

— Простите, — покаянно пролепетала я, все еще разрываясь между желанием обругать себя последними словами и засмеяться. Хотя обругать я себя обругала и так, причем неоднократно.

Ничего не говоря, пятнистый морской демон с непроницаемым выражением лица прошествовал к столу. Сел. Глянул на меня так, что я села тоже.

— Я могу попить чаю? — почти в точности повторяя недавние интонации дворецкого, осведомился он.

— Мм? — непонимающе промычала я.

— В чашке, кроме чая, ничего нет? — любезно пояснил свой вопрос адмирал.

Я закашлялась и поспешно кивнула. Адмирал как ни в чем не бывало приступил к чаепитию, и я последовала его примеру, хотя в горло ничего не лезло. Пришлось давиться чаем и вздрагивать каждый раз, когда вилка и нож адмирала стучали по тарелке.

Его же выдержка была не в пример лучше моей. Я даже не сомневалась, что вся эта сыпь невыносимо чешется, а он ничем, вот совершенно ничем этого не выдавал и вел себя так, словно ее и не было!

Покончив с завтраком, адмирал отложил столовые приборы, которые тут же исчезли вместе с тарелкой, и, промокнув губы салфеткой, обратил на меня фирменный взгляд. Я знала, что он сейчас заговорит, и что разговор неизбежен, тоже знала, только вот все равно оказалась к нему не готова.

О Ариера, может, ты отмотаешь для меня время и дашь хотя бы ма-а-аленькую отсрочку, а?

Как и ожидалось, жителям Поднебесья нет дела до просьб каких-то

там провинившихся полуундин, и мои мольбы остались не услышанными.

— Итак, — одно короткое и, казалось бы, совершенно безобидное слово моментально заставило пожелать оказаться где-нибудь подальше. — Сейчас я задам несколько вопросов, ты спокойно и внятно на них ответишь. Надеюсь, возражений нет?

Возражений, естественно, не было. Я же не самоубийца какой-нибудь, чтобы сейчас ему возражать!

Удовлетворившись моим поспешным коротким кивком, адмирал ровно спросил:

— Ты усвоила, что чары ундин, тем более полукровок, на меня подействовать не могут?

— Да, — как и просили, спокойно и внятно ответила я.

— Ты действовала из желания избавиться от, как ты считала, навязанных чувств?

— Да, — это уже не так спокойно, как хотелось бы.

— То есть хотела поступить правильно, считая себя виноватой?

— Да.

— Несмотря на то что чувствовала ко мне то же самое?

— Да... — вырвалось прежде, чем я успела осмыслить вопрос.

Равнодушие с лица адмирала слетело в один момент, и его губы растянулись в улыбке.

Тысяча кругов глубины!!!

— Вы... вы это специально! — возмущенно воскликнула я. — Я не хотела этого говорить! Вы...

Лорд Рей медленно поднялся с места и, все так же улыбаясь, глядя мне в глаза, произнес:

— Тогда прямо сейчас опровергни свои слова. Скажи, что я для тебя — морской демон и адмирал королевского флота, вызывающий не более чем уважение или страх. Скажи — и я продолжу выполнять обещание, защищая тебя и помогая. Скажи — и я никогда и ничем не напомню о сегодняшнем разговоре и о том, что случилось вчера.

Тоже привстав, я открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Горло сжало спазмом, сердце протестующе забилося, и я вдруг осознала, что даже под угрозой виселицы не смогла бы сейчас повторить такие слова. Потому что они неправильные, бесовски обманчивые и не имеющие никакого отношения к реальности! Нет... Какое-никакое отношение все-таки имеющие. Того факта, что передо мной адмирал и морской демон, никто не отменял.

Всего одно мгновение, и он оказался около меня, приподнял за

подбородок, вынуждая смотреть в глаза, и мягко проговорил:

— Ты удивительная, Фрида. За свою жизнь я встречал разных личностей, некоторых из которых теперь имею честь называть друзьями. Их немного, но я твердо знаю, что они не способны на предательство и подлость, они не лишены недостатков, но честны и никогда не пойдут против совести. Все они — мужчины. Долгое время я считал, что женщины просто по-другому устроены, и свыкся с мыслью, что не встречу среди них абсолютно чистую, не замутненную алчностью и завистью душу. Но все же встретил.

— Пожалуйста, не говорите так... — взмолилась я, отрицательно замотав головой. — Я вовсе не такая хорошая, какой вы меня считаете, у меня тоже куча недостатков и...

Ну почему он произносит такие слова? Почему смотрит так, что мне хочется не то спрятаться, не то прильнуть к нему, молча прося обнять? И это после того, как я подлила ему зелье, разозлила, довела до... почти до моррянки!

Неожиданно адмирал взял меня за руку, стремительно увлек за собой и, опустившись в кресло, посадил к себе на колени. Я попыталась было вырваться, но он не позволил, обняв за талию и удержав.

— Ты дорога мне, — произнес он. — Не как подопечная. Сам не понимаю, когда и как это случилось, но ты по-настоящему дорога мне, Фрида.

Я медленно вдохнула ставший вдруг колючим воздух, борясь с нахлынувшей волной. Наученная долгими годами, проведенными в трущобах, видя жизнь в самом неприглядном ее свете, я не верила в быстро зарождающуюся любовь. Мне всегда казалось, что ее подменяют банальным влечением, страстью, даже влюбленностью, поэтому скажи адмирал сейчас, что полюбил меня, я бы не сумела в это поверить. Но это его «дорога»... Как бы немыслимо, невероятно это ни звучало, в такое поверить было легче.

— Что тебя смущает, Фрида? Моя принадлежность к морским демонам, разница положений, мнение окружающих?

«Все!» — хотелось крикнуть мне. Поднебесные, да мы не просто из разных миров — из разных вселенных, которые ни при каких условиях, никогда не должны были пересечься! Но вот почему-то вдруг пересеклись...

— И то, и другое, и третье, — честно признала я, гипнотизируя взглядом пуговичку его рубашки. — А еще... романтические отношения в Морском корпусе запрещены, вы сами говорили, — добавила, посчитав

этот аргумент очень важным, и, чтобы уж совсем прибавить ему значимости, подытожила любимым: — Вот.

— Хотя ты незаконнорожденная, но все же леди, продолжательница древнего рода, единственная вступившая в силу наследница особой крови, которая сейчас играет огромную роль не только для нашего королевства, — выдвинул ответные аргументы лорд Рей. — Твоя родная бабушка, как и мать, занимает высокое положение в обществе, к которому ты и сама вскоре станешь причастна. По-моему, более чем достойная партия для какого-то там адмирала, как считаешь?

Я негромко фыркнула, сдерживая невольный, наполовину нервный смешок. Ну да, действительно! Куда до великой и прекрасной меня какому-то там адмиралу...

— Вот ты и улыбаешься, — заметил «какой-то там». — Хочу, чтобы ты понимала: я говорю ровно то, что думаю. И не жду от тебя никакого ответа — все, что требовалось, ты уже не сказала.

Он не ждал... А мне внезапно захотелось ответить, очень. Сказать, как переворачивается все внутри, как одновременно тянет и ликовать, и плакать, и смеяться. Как трудно поверить в то, что я чем-то могла заслужить такое нежданное, совершенно невысказанное счастье. Но, не находя подходящих слов и сил их произнести, я несмело, очень робко опустила голову адмиралу на плечо. Тут же услышала короткий выдох и ощутила мягкое прикосновение к затылку, откуда по всему телу побежала россыпь мурашек.

— Кхм, — неожиданно прозвучало покашливание, бессовестно нарушившее все очарование момента. — Дико извиняюсь, что прерываю столь восхитительную сцену, но карета подана. Хозяин, покорнейше прошу прощения, но вынужден уточнить: вы тоже поедете? Или не выйдете из дома из-за... э-э-э... кхм-кхм... некоторых неприятностей с вашей кожей?

В столовой воцарилась тишина. И в этой тишине прямо у меня под ухом вдруг прозвучало такое красноречивое, такое выразительное почесывание.

Я уронила лицо в ладони и беззвучно затряслась. Воздух тоже как-то подозрительно завибрировал, намекая, что нематериального Овара обуял тот же приступ, что и меня.

И тут вслед за почесыванием прозвучало вкрадчиво-угрожающее уточнение чешущегося морского демона:

— В чистилище захотел?

Воздух еще немного поколебался, после чего прозвучал покаянный, полный явно сдерживаемого смеха голос:

— Еще раз покорнейше прошу прощения, хозяин. Так что, вы все же поедете?

Адмирал выразительно хмыкнул, оценив умение дворецкого заговаривать зубы, и, немного помолчав, ответил:

— Не стоит давать повод для сплетен. Сегодня любительница надругаться над изумительным вином прекрасно справится без меня.

ГЛАВА 16

Вместо того чтобы наслаждаться удобством красивой кареты, я воспринимала ее как тюремщика, провожающего меня на казнь. Адмирал остался дома дожидаться того момента, когда исчезнут последствия действий «любительницы надругаться над вином». Поднебесные, как же мне было за это стыдно! Вот честное слово, стыдно! Я ведь не знала, что от таких мелких и, на первый взгляд, незначительных побочных эффектов невозможно избавиться!

Узнала только с полчаса назад, когда Овар соизволил просветить меня на этот счет. Оказалось, что всякие аллергические реакции после любовных зелий являются результатом индивидуальной непереносимости организма, не имеющей отношения к магии. А раз они не имеют отношения к магии, значит, и магическому лечению не подлежат. Перед тем как я уехала, Фэкс притащил в столовую миску с каким-то сильно пахнущим отваром и предложил сделать адмиралу примочки.

— Я в детстве тоже моррянкой переболел, — сообщил как всегда угрюмый гнолл. — Вы не бойтесь, такое варево мне еще тетка делала. Щупальца пучеглазки и гусиный помет всегда от этой хвори помогают.

Хорошо, что я стояла в дверях и успела поспешно отвернуться, скрыв совершенно бессовестную улыбку, грозящую вновь перейти в безудержный смех.

Вернувшись к этой сцене сейчас, я немного отвлеклась и, как ни странно, успокоилась. Мысль о том, что придется некоторое время пожить с родственничками, конечно, заставляла нервничать, но все же не так, как перед прошлым моим визитом в их дом. Да и в сравнении с событиями минувших суток все прочее казалось почти что пустяком.

Из кареты мне помог выбраться лакей, выражение лица которого было таким же бесстрастным, как у встретившего затем дворецкого. Пока шла к центральному входу, я отметила, что особняк окружен как минимум парой десятков стражей. А еще здесь присутствовал мощный защитный купол — все, как и говорил адмирал.

Меня проводили на второй этаж в двухкомнатные покои, после чего сообщили, что леди Шаркэ примет через полчаса. Затем дворецкий представил мне немолодую статную женщину, сказав, что она станет обучать меня всему, что необходимо знать для выхода в свет. А также представил явившуюся по первому зову девушку, примерно мою

ровесницу, определенную мне в горничные. Великое Поднебесье... У меня есть личная горничная!

Госпожа Лидра — моя новоиспеченная наставница, не дала передохнуть ни минуты. Пока горничная разбирала вещи, госпожа Лидра попросила меня присесть в кресло и, как только я выполнила требуемое, сделала целых три замечания. А далее началась лекция о том, как следует правильно стоять, сидеть, ходить и даже дышать. На меня с ходу обрушился поток информации, запомнить которую, невзирая на все старания, было решительно невозможно.

Все-таки адмирал точно не прав, считая меня хорошей. Потому что за этих полчаса я успела мысленно сто раз помянуть Глубину и назвать госпожу Лидру бесчувственной синеводкой. Да-да, так нельзя, неправильно судить ни в чем не повинного человека, но, честное слово, это было невыносимо! И на синеводку госпожа Лидра действительно походила, даже очень. Особенно глазами — ничего не выражающими, ну точно рыбьими!

Плюсом нашего общения стало то, что в гостиную, где меня ожидала леди Шаркэ, я бежала практически с радостью. Правда, радость длилась недолго, поскольку госпожа Лидра степенно двинулась следом и внимательно следила за каждым моим действием, проверяя, усвоила ли я хотя бы некоторые моменты из ее скоростной лекции.

Находиться фактически один на один с леди Шаркэ совсем не то же самое, что предстать перед ней вместе с лордом Реем. У меня не было такой силы, власти и решительности, как у него, поэтому, стоя перед хозяйкой особняка, я ощущала себя отвратительно незащитной. Хвала поднебесным, лишь внутренне, а внешне хранила невозмутимое спокойствие. По крайней мере, очень на это надеялась.

— Поскольку обстоятельства сложились таким образом, что мне придется признать наше родство, вы должны соответствовать полученному статусу. — Леди Шаркэ окинула меня холодным цепким взглядом. — Я не могу пойти против воли лорда Рея, поэтому ваш первый выход в свет состоится уже послезавтра. На традиционном маскараде, устраиваемом в честь наследницы престола, ее высочества кронпринцессы Оксары, вы будете представлены обществу как моя внучатая двоюродная племянница. От вас требуется провести все имеющееся в запасе время за изучением придворного этикета. Госпожа Лидра вам в этом поможет.

— Я сделаю все, что в моих силах, — твердо произнесла я.

— Нет, милочка, — усмехнулась леди Шаркэ. — Вы сделаете все, что сверх ваших сил, и даже больше. Я не позволю незаконнорожденному отпрыску моей дочери бросить тень на репутацию нашей семьи. И самое

главное, что вы должны усвоить: ни при каких обстоятельствах, никогда не смейте говорить о наших близких родственниках.

— Не сомневайтесь. — Я ответила сдержанной полуулыбкой. — Об ошибке молодости леди Лавьет от меня не узнает никто.

«О ней и так знают многие, — в то же время подумала я. — По крайней мере те, кто охотится за осколками. А если еще сомневаются, то убедятся, едва я явлюсь в обществе „двоюродной бабушки“ на маскарад».

На этом короткая аудиенция была окончена, и я вернулась в свои новые покои, дабы продолжить обучение. Урок не прекратился даже во время обеда, где вместо того чтобы спокойно есть, я старалась запомнить, как правильно пользоваться столовыми приборами, сколько перемен блюд бывает на торжественных вечерах и прочие утомительные вещи. Теперь я прекрасно понимала Крилл, которая, сбежав от такой жизни, чувствовала себя свободной. Задавшись вопросом, что было бы для меня предпочтительней: провести детство в этом доме или в трущобах, с ответом я не нашлась. И то и другое было одинаково ужасно.

За ужином все повторилось, причем и обедала, и ужинала я только в обществе госпожи Лидры. Кажется, леди Лавьет отсутствовала, а леди Шаркэ просила накрывать ей на стол на час раньше.

После всех мучений до комнаты хотелось добираться ползком, но вместо этого пришлось идти величественно, неспешно и ровно держа спину. С первым пунктом у меня пока получалось не очень. Оказавшись в одиночестве, я первым делом сбросила натершие ноги туфли, которые пришлось надеть по распоряжению наставницы. Невольно поморщилась, глядя на мозоли, и шумно выдохнула. Устала как после тренировки с Косичкой! Вспомнив о кураторе, я немного взгрустнула. Как он там? Как Крилл, Аргар, Агира? Вот бы сейчас к ним...

Долго побыть в тишине и покое мне не дали. Уже через несколько минут в дверь постучала горничная, предложившая помощь в переодевании. Впустить я ее, конечно,пустила, но не для того, чтобы она меня переодевала, как беспомощное дитя, а чтобы битый час объяснять, что мне такие услуги не требуются. И не важно, что там скажет госпожа Лидра или леди Шаркэ, если об этом узнают. Изучать этикет и манеры — пожалуйста. Принять помощь горничной, когда она действительно понадобится, например, если вечернее платье будет с корсетом, — хорошо. Но полностью вживаться в образ леди, уж простите, я не стану.

Добившись того, чтобы горничная ушла, я сама спокойно разделась, приняла ванну, где едва не заснула, а затем растянулась на кровати. Потянулась, раскинула руки и посмотрела в окно, за которым виднелся

кусочек темного неба, озаренного отблесками городских огней. Как же все-таки этот особняк отличался от того, где я жила последние несколько дней! За светлыми интерьерами комнат темноты было больше, чем во всей столичной ночи...

Сон опять не шел, и только я подумала, что надо будет озаботиться приобретением какого-нибудь несильного снотворного, как ощутила дуновение ветра. По комнате пробежал сквозняк, задевший тонкие занавески и нити свисающих с люстры кристалликов, отозвавшихся негромким перезвоном. В первое мгновение сердце пропустило удар. А затем, когда дуновение повторилось, я почувствовала в нем что-то такое... что-то очень знакомое.

Неожиданно прямо перед кроватью за клубился белесый, чуть сероватый туман, через несколько мгновений принявший очертания высокой фигуры. Фигура замерла, глядя на меня отчетливо выделяющимися на фоне размытого лица глазами, и я зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Потерянная душа... Откуда?! Да еще и принявшая очертания человека!

— Беспросветной ночи, — похожий на шелест ветра голос раздался прямо у меня в голове.

Я опешила, буквально лишившись дара речи.

— Я не нанимался в няньки юным особам, но хозяин отдал четкий приказ, чтобы я не позволял вам грустить в этом паучьем гнезде.

Удивление, что душа называет этот дом так же, как мысленно называла его я, царапнуло и тут же исчезло. Куда больше взволновала появившаяся догадка, которая была такой невероятной, что я просто не могла в нее поверить!

— Дымок? — спросила в изумлении.

Сотканная из тумана фигура заколыхалась, и я на каком-то интуитивном уровне уловила исходящие от нее волны удовлетворения.

— Благодарю.

— За что? — осторожно поинтересовалась я.

— У боевых подчиненных душ нет ничего своего, — отозвался мой туманный телохранитель. — А вы подарили мне целое имя.

От такого разговора и самого факта какой-никакой материализации потерянной души чувствовала я себя престранно. Души классифицировались по множеству признаков: большинство оставалось абсолютно невидимыми, некоторые сильные маги обладали способностью влиять на предметы материального мира, например, как Гвиана. А вот о том, чтобы души могли принимать какую-то форму, я даже не слышала!

— Благодаря хозяину в установленную вокруг дома защиту вплетена особая магия, — не то прочитав мои мысли, не то просто о них догадавшись, сказал Дымок. — Однако таким меня можете видеть и слышать только вы.

Я просто не находила слов. Вообще никаких!

Пауза затягивалась, и, откровенно говоря, от нее мне было совсем некомфортно. Одно дело — просто всегда чувствовать рядом его присутствие, и совсем другое — видеть прямо перед собой! Жутковато...

— Почему «беспросветной» ночи? — кашлянув, спросила я, желая нарушить повисшую тишину хоть чем-то.

— Потому что беспросветной, — логично ответили мне. — У подчиненных душ все беспросветно. Кроме моментов, когда можно отправить кого-нибудь к Лайару.

Услышав в последнем предложении мечтательные нотки, я кашлянула еще раз. Упоминание одного из глубинных столпов, повелевающего смертью, нагнало еще больше жути.

— Вам весело? — следовавший вопрос застал врасплох.

Теперь я вообще закашлялась и, чтобы не расстраивать душу, в жизни... точнее, нежизни которой и так все беспросветно, прохрипела:

— Очень.

— Хорошо. — Туманная голова склонилась в коротком кивке, а в голосе проскользнуло облегчение. — Тогда до завтра. Беспросветных снов.

— Беспросветных... — машинально отозвалась я, глядя, как туман постепенно рассеивается.

Но не успела я отойти от такого потрясающего во всех отношениях разговора, как в коридоре послышался звук приближающихся шагов. Дверная ручка тихо скрипнула, дверь медленно отворилась, впуслав полосу яркого света, и до меня долетел аромат свежих цветочных духов.

— Ты с кем-то говорила? — остановившись на пороге, спросила леди Лавьет и без перехода запоздало уточнила: — Я не помешаю?

— Вам показалось, — ответила на первый вопрос, оставив второй без внимания.

Приняв это за позволение, Аэлина тихо прикрыла за собой дверь и так же тихо приблизилась ко мне. Я тут же присела на кровати и невольно напряглась, не понимая, зачем она пришла и чего от ее визита ожидать.

— Надеюсь, ты хорошо устроилась? — спросила она, аккуратно присев рядом.

В полумраке я заметила, как ее пальцы скомкали голубой атласный платок.

— Хорошо, спасибо, — машинально ответила я, пытаюсь поймать ее ускользающий взгляд. — Вы что-то хотели?

Аэлина некоторое время молчала, тогда как голубой атлас превращался в совсем маленький комок, и спустя долгую паузу проронила:

— Не знаю... Наверное, просто поговорить.

В этот момент она явно чувствовала себя так же неуютно, как я. Мое общество было для нее тягостным — это улавливалось предельно отчетливо, и все же она нашла в себе силы прийти сюда и уходить не спешила. Из окна струился серебристый лунный свет, падающий на ее тонченный профиль, в котором я и угадывала, и не узнавала свой...

Чувства ее присутствие вызывало смешанные, но, скорее, мне бы хотелось вновь оказаться в одиночестве, чем продолжать находиться рядом с ней.

— О чем? — спросила я, вправду не зная, какой между нами может состояться разговор. С Дымком — и то общих тем больше!

Больше всего я боялась, что Аэлина сейчас начнет оправдываться, пытаться объяснить, что произошло девятнадцать лет назад и почему она меня оставила. Нет, не просто оставила — вышвырнула и подбросила на каменоломню Троуэн как ненужного морского котенка! А еще больше боялась того, что я, склонная к иногда излишнему сочувствию, хотя бы немного ее пойму...

— О тебе, — по-прежнему не глядя на меня, ответила Аэлина. — Обо мне... О нас.

— О нас? — В мой голос просочился сарказм. — Хорошо, давайте поговорим. В силу некоторых обстоятельств мы встретились, и я была вынуждена переехать в этот дом. Я проживу здесь ровно столько, сколько потребуется, и буду играть роль дальней родственницы. Но как только такая необходимость отпадет, вернусь в Сумеречье, и на этом наши пути вновь разойдутся. Нет смысла пытаться наладить со мной какие-то отношения, леди Лавьет. Я и без того буду вести себя на публике как подобает и не брошу тень на вашу репутацию. Можете не переживать.

— Моей репутации уже ничто не повредит, — нервно усмехнулась Аэлина, а следующие слова произнесла тихо и с горечью: — Зря ты так.

Я бы многое могла возразить на последнее замечание, но сдержалась.

— У меня не было выхода, Фрида, — произнесла она затем, оправдав мои страхи.

А мне вдруг даже интересно стало, что она скажет, и я промолчала, ожидая продолжения.

— Когда мам... когда леди Шаркэ узнала о моем положении и о том,

что ребенок даже не от лорда, которого мне прочили в мужья, она отправила меня в Риальду — отдаленную провинцию, где ты и родилась. Моим мнением никто не интересовался ни тогда, ни потом — просто отвезли в Сумеречье, велели отдать тебя и забыть.

— И вы забыли, — с отрешенным спокойствием кивнула я. — Ни разу не попытались узнать, как я живу. Нет, я не осуждаю. Мне в общем-то все равно... Уже все равно.

— Я посылала деньги, — сдавленно пробормотала Аэлина. — Сразу каждый месяц, потом переводила крупные суммы раз в полгода, пока счет на имя Филиппа Талмора в Гномьем банке не оказался закрыт. Он спускал все до последней копейки на выпивку, влез в сумасшедшие долги... Думаешь, кто помог вам, когда ты стояла на паперти, а ваш дом хотели конфисковать в уплату?

Волна негодования растопила спокойный лед, и я, сдерживаясь из последних сил, спросила:

— А по чьей милости я оказалась на этой паперти? По чьей милости столько лет терпела унижение и всеобщее презрение, вызванное клеймом бродяжки из трущоб? Да, отец пил, но тоже только по вашей вине! Вы во всем виноваты! Вы, а не он! И вы сами прекрасно это понимаете, поэтому сейчас даже не находите смелости смотреть мне в глаза!

Аэлина вздрогнула, но так на меня и не взглянула. Зато я смотрела на нее пристально, очень внимательно и видела перед собой легкомысленную, думающую только о себе особу. Нет, я охотно верила, что инициатива избавиться от меня принадлежала леди Шаркэ, но даже не сомневалась — того же хотела и сама Аэлина. Зачем ей нужен был ребенок, который испортит и перечеркнет всю жизнь?

— Спасибо, что хотя бы не убили, — с вновь проскользнувшим в интонации сарказмом поблагодарила я.

— Узнала слишком поздно... — начала было Аэлина, но тут же смолкла, поняв, что только что сказала. — Нет, то есть...

— Не утруждайтесь, — перебила я. — Если это все, что вы хотели сообщить, прошу оставить меня одну. Я устала и хочу спать.

Кровать негромко скрипнула — леди Лавьет поднялась и, пожелав доброй ночи, двинулась к двери. Уже почти выйдя в коридор, она вдруг обернулась и, все же посмотрев мне в лицо, произнесла:

— Надеюсь, когда-нибудь ты сумеешь меня простить.

Как только она ушла, я рывком вскочила на ноги и, подбежав к окну, настезь его распахнула. Холодный ветер ворвался в комнату, а затем улетел, унеся с собой оставленный гостьей аромат цветочных духов.

Ночь для меня разделилась на две части. В первой я спала крепко и не видя сновидений, а под утро страдала от очередного кошмара. Ши возьми, повторившегося кошмара! Мне вновь снились стремительно темнеющие кристаллы в шаромаге и беспокойное море, сливающееся с черным ночным небом. Вот уж точно — беспросветные сны...

В итоге наутро я встала с раскалывающейся головой и почему-то замерзшей. А еще дико хотелось пить — снова мамочкина кровь сказывалась, не иначе. В одиночку бродить по не слишком гостеприимному дому не хотелось, поэтому жажду я утолила водой прямо из-под крана. Это вам не Слезные трущобы, где вода идет или с примесью песка, или не идет вовсе.

По старой привычке поднялась я рано, и второй раунд в борьбе с горничной не состоялся. Она пришла как раз в тот момент, когда на мне уже было надето платье. Единственное, в чем я не стала себе отказывать, — это в принятии помощи относительно прически. Как ни крути, а сложнее косы у меня редко что-нибудь получается.

Следом за горничной ко мне пришла госпожа синевод... госпожа Лидра, причем не одна, а в компании еще одной женщины и трех девушек. Что всей этой делегации от меня нужно, я не понимала вплоть до того момента, пока ко мне не стали прикладывать мерную ленту и образцы тканей. Пока это происходило, горничная по просьбе главной модистки продемонстрировала мой гардероб. Неловкости по поводу его скудности я не испытывала, слишком занятая тем, чтобы стоять ровно с втянутым животом и не дышать, пока мерная лента, точно угорь, обвивает мою талию.

— О, а вот это замечательное! — привлекло мое внимание неожиданно удивленное восклицание модистки. — Леди Талмор, примерьте его, пожалуйста. Если оно хорошо сидит, в нем и пойдете на завтрашний бал. Конечно, мы рассмотрим и другие варианты, но, думаю, это подойдет идеально. Лучше бы пошить для бала новое, но, к сожалению, времени крайне мало, а у меня еще много заказов, едва с другим вашим гардеробом управлюсь.

Увидев в руках горничной то самое треклятое, подаренное Флинтом платье, я застонала, причем далеко не мысленно.

— Меня устроит любое платье, кроме этого, — обратилась я к модистке. — Его не надену.

Мне была предъявлена масса аргументов в его пользу, но я стояла на своем, хотя примерить все же согласилась. Это был первый раз, когда я надела платье, некогда являющееся моей мечтой. Темно-синее, с виду простое, оно идеально облегалo фигуру почти до колен, а сотни

мельчайших жемчужин, усыпавших подол, красиво мерцали под ярким, горящим в комнате светом. Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Никогда не носила ничего подобного... Да что там, просто представить не могла, что когда-нибудь такое надену! Эта я — стоящая посреди дорого обставленной комнаты, в таком же дорогом, достойном настоящей леди платье, была незнакомкой. Девушка, смотрящая на меня из зеркала широко распахнутыми в удивлении глазами, просто не могла быть мной...

— Уверены, что не хотите завтра его надеть? — словно издалека донесся до меня голос модистки. — Это эксклюзивное платье из уже полностью распроданной коллекции словно специально сшили для вас.

— Уверена, — подтвердила я, подумав, что давняя маленькая мечта того не стоит.

Мне предложили примерить еще пять платьев, из которых выбор пал также на темно-синее. Сидело оно не так хорошо, как подаренное Флинттом, даже госпожа Лидра это заметила, но я упорно продолжала настаивать на своем и в результате добилась желаемого.

Сняв необходимые мерки для пошива нового гардероба, работницы и хозяйка модного дома удалились, оставив меня наедине с ходячей энциклопедией хороших манер.

В целом этот день почти в точности повторил предыдущий. Сложнее всего давалось запоминание титулов и обращений, хотя я никогда не жаловалась на плохую память.

Зато уже вечером меня ждал совершенно неожиданный и невероятно приятный сюрприз. Когда в покои, вежливо постучав, вошел дворецкий и сообщил, что меня в гостиной ожидает гость, я моментально воспрянула духом. Правда, ожидание увидеть лорда Рея не оправдалось, и вместо него я застала в гостиной знакомого мне конюха — того самого, что недавно привел для нас с адмиралом келпи. Только одет он сейчас был не как конюх, а как самый настоящий лорд.

— Леди Талмор, — приложив руку к груди, он слегка склонил голову в приветствии.

Только что выученный реверанс пришелся как нельзя кстати. И я, невольно вздрогнув от все еще непривычного «леди», его исполнила.

Затем мы вышли во двор и направились напрямик к конюшне, у которой служащий в доме конюх держал под уздцы келпи. И не просто келпи — Тень, на которой я каталась в прошлый раз!

— Это вам подарок, — улыбнулся мой гость, представившийся Джакеном. — От лорда Рея.

— Но ему не стоило... — начала я и тут же смолкла, понимая, что в

отличие от платья отказаться от восхитительного скакуна точно не смогу.

— Иногда случается так, что келпи признают седоков, — сказал Джакен. — Хотя вообще какие-либо привязанности противоречат их натуре. После недавней прогулки Тень заскучала, и, поверьте человеку, кое-что понимающему в скакунах, скучала она по вам.

Местный конюх протянул мне яблоко, и я скормила его келпи, одновременно погладив по шелковистой гриве. У Тени были невероятно умные, пронизательные глаза, напоминающие звездную ночь. Глядя в них, я радовалась как ребенок тому, что это удивительное животное неожиданно-негаданно меня признало.

— Но потом я ведь не смогу ее себе оставить? — Я вопросительно посмотрела на Джакена. — Мне нужно будет уезжать в Сумеречье, а келпи нужны условия и уход...

— Кто знает, что будет потом? — отозвался Джакен, тряхнув светлыми кудряшками, придающими ему мальчишеского очарования. — Не думайте об этом, пока находитесь в столице. Во всяком случае, в настоящий момент Тени будет лучше рядом с вами.

Мне очень хотелось вновь прокатиться на ней прямо сейчас, и Джакен эту идею поддержал, но внезапно вмешалась наблюдающая за нами госпожа Лидра.

— Верховая езда не входит в перечень ближайших уроков, — чопорно сообщила она. — Попрошу вернуться в дом, леди Талмор. У нас осталось очень мало времени.

Вот ведь... синеводка, прости Поднебесье!

Пришлось с сожалением прощаться с Тенью, просить конюха хорошо за ней присматривать и повиноваться наставнице. Джакен проводил меня до входа, и, прежде чем он ушел, я попросила передать лорду Рею мою глубочайшую благодарность, а также очень осторожно поинтересовалась о его самочувствии.

— Уже лучше, — ответил Джакен, который, судя по едва сдерживаемой улыбке, явно знал о его недуге.

Я подумала, что вряд ли обычному конюху или просто знакомому адмирал показался бы в таком виде. Но кем именно Джакен ему приходится, спрашивать все-таки постеснялась.

ГЛАВА 17

Это определенно не должно было случиться. Да я просто отказывалась принимать происходящее! Сидя перед зеркалом, в то время как вооруженная горячими щипцами горничная колдовала над моей прической, я не верила тому, что видела.

— Еще раз простите, — покаянно пролепетала горничная. — Простите меня, безрукую... Молю, только не говорите хозяевам, иначе меня уволят!

— Не беспокойся, я ведь уже пообещала, — вздохнула я. — Скажу, что передумала и решила надеть это.

Выбранное накануне платье было безнадежно испорчено. Сперва горничная умудрилась пролить на него флакон духов, после чего его пришлось застирывать, а затем повесила сохнуть перед камином... где оно загорелось. Уму непостижимо! Я своими собственными глазами видела, что платье висело на немалом расстоянии от огня, поэтому как такое могло произойти, до сих пор не понимала. Но, как бы то ни было, факт оставался фактом: сейчас на мне во всем своем великолепии красовался подарок Флинта. Наверное, все-таки судьба. Отказаться от него не получилось, поэтому оставалось только смириться.

Некоторые предметы нового гардероба доставили еще утром, а маску привезли за час до выхода. Поскольку оба платья были между собой похожи, маска подошла и под это, превратив меня не то в загадочную обительницу дна, не то просто в подозрительную, скрывающую лицо «ундинистую» личность.

Кажется, в полной мере осознание происходящего пришло ко мне лишь в тот момент, когда я села в карету вместе с Аэлиной и леди Шаркэ. К вечеру неожиданно началась метель, дороги успело замести, а температура заметно понизилась. Вот и сейчас в окошко кареты бились подгоняемые ветром колючие снежинки. Почти как в Сумеречье...

Родственницы хранили молчание, сидя с каменными лицами, и я предпочитала смотреть на город. Где-то дети играли в снежки и устраивали настоящие снежные баталии, где-то торговец с висящим на шее лотком предлагал прохожим купить яркие леденцы, по тротуарам прогуливались под руку молодые и не очень молодые пары.

А потом я увидела ее. Девочку лет тринадцати, стоящую у одного из множества расположенных на этой улице магазинов. Мне не требовалось смотреть на ее рваную, продуваемую ветром одежду и протянутую в немой

просьбе руку — достаточно было увидеть выражение лица и глаза, в которых даже с расстояния были различимы горечь, боль и задавленная, но непобежденная гордость.

Когда наша карета проезжала мимо, девочка неожиданно посмотрела прямо на нее. Прямо на меня, в этот миг прильнувшую к окну. Сердце пропустило удар и тут же сжалось, точно стиснутое невидимой каменной рукой. Затравленный взгляд девочки сменился перемешанным с завистью восхищением, а уже в следующий миг — обидой и ненавистью. Я забыла, как дышать, внезапно почувствовав себя так, словно совершенно случайно забралась в мир, который мне не принадлежал. Великолепная одежда, карета, бал... А давно ли я находилась на месте этой девочки? И сколько их таких — обездоленных, ограниченных суровыми жизненными обстоятельствами детей, в то время как всякие леди купаются в роскоши, а их главной заботой является сохранение какой-то там репутации.

— Фрида, — холодно обратилась ко мне леди Шаркэ, — вы что, плачете?

Судорожно стерев незаметно скатившуюся по щеке слезу, я ничего не ответила. Карета едет дальше, оставляя смотрящую ей вслед девочку позади... А она стоит, все так же машинально протягивая вперед руку, и от этого ее жеста внутри меня все переворачивается.

— Остановите, — словно со стороны услышала я свой севший голос, затем повторивший уже громче: — Остановите!

— Фрида! — воскликнула леди Шаркэ, когда кучер по моему требованию остановил лошадей. — Будьте добры объяснить, что вы делаете?

— Пожалуйста, подождите минуту, — не глядя на нее, проговорила я, высказывая на оживленную улицу.

Не обращая внимания на призывы немедленно вернуться обратно, на изумленные взгляды прохожих, я побежала к расположившемуся на углу магазину. Девочка по-прежнему стояла у входа, и по мере того, как я приближалась, на ее лице все заметнее проступало то же изумление, с каким случайные свидетели наблюдали за разворачивающейся перед ними сценой.

Между нами витал снег. Множество мелких снежинок парило в воздухе и медленно опускалось на тротуар — прямо к затертым, с оторванной пряжкой ботиночкам. Вблизи оказалось, что девочка еще младше, чем виделась мне из кареты. Лет одиннадцать, не больше. Она смотрела на меня так же, как я смотрела бы на знатную леди, если бы та вздумала остановиться передо мной несколько лет назад.

— Прости, — сквозь застилающие глаза слезы сорвалось с моих губ.

Те же слезы застыли и в ее глазах. Ей не требовалось объяснять, что значит это «прости». Прости, что в мире правит несправедливость. Прости, что у меня есть то, чего нет у тебя. Прости, что ты сейчас мерзнешь на снежной улице, а я еду в тепле на королевский бал.

У меня не было с собой денег. Ни копейки глубинных денег!

Расстегнув несколько легко поддавшихся крючков, я сняла теплое меховое манто и накинула девочке на плечи. Теперь ее глаза смотрели на меня испуганно, неверяще, словно ища в неожиданном подарке какой-то подвох.

— Ты часто здесь стоишь? — справившись с вставшим в горле комком, спросила я.

Через несколько мгновений она кивнула.

— Я еще приду, — пообещала ей. — Обязательно приду.

И, развернувшись, быстро зашагала обратно, прорезая собравшуюся вокруг нас толпу. Поразительно, насколько быстро столпились люди и насколько все равно мне было, что они думают. Морозный ветер впился в оголенные плечи, но я его почти не почувствовала. Слишком сильное воздействие на меня оказала эта, казалось бы, случайная встреча.

— Что за цирк ты устроила?! — утратила самообладание леди Шаркэ, когда я вернулась в карету. — Что за своеволие, что за вульгарный способ привлекать внимание! Учти, милочка, если нечто подобное повторится еще хоть раз, я не посмотрю, что тебе покровительствует сам лорд Рей! Или ты полагаешь, что, раз пользуешься его особым расположением, можешь вести себя как вздумается? Хотя бы знаешь, сколько стоило это манто?!

— Если вы сейчас же не замолчите, — медленно подняв голову, ровно произнесла я, — клянусь, я не отвечаю за свои дальнейшие действия.

Должно быть, что-то такое отразилось и в моем тоне, и во взгляде, что заставило леди Шаркэ осечься. Внутри меня клокотала настоящая ярость. Хотелось схватить эту надменную черствую «леди», сорвать с нее все дорогие украшения и... Я глубоко вдохнула, стараясь успокоиться.

Весь оставшийся путь до дворца карету наполняло физически ощутимое напряжение, которое в повисшей тишине воспринималось еще острее. Но к тому времени, как мы прибыли на бал-маскарад, мне почти полностью удалось взять себя в руки. Все же у каждого своя судьба, своя доля, и всем помочь невозможно. Поэтому лучшее, что я могу сделать в настоящий момент, — это следовать поставленной цели. Идти на бал не для того, чтобы развлекаться и упиваться собственной значимостью, а исполнять долг. Необходимо выявить личностей, пожелавших собрать

осколки кристалла душ. И, если повезет, возможно, кто-нибудь проявит себя уже этим вечером.

Даже Призрачный мост мерк перед красотой королевского дворца. Оказавшись перед этим немного мрачным, но вместе с тем изящным сооружением, я забыла обо всем, буквально придавленная его величием. Мне приходилось видеть изображения замка в газетах, но, клянусь Поднебесьем, они не передавали и трети его красоты!

Стены дворца были сложены из гладко отполированного черного камня, отражающего лунный свет, верхушки многочисленных башен прятались в опустившейся на столицу снежной мгле. Центральные ворота охраняли грифоны — гигантские каменные скульптуры, на спинах которых сидели такие же каменные, скрывающиеся под плащами воины. Когда мы проезжали мимо них, карету обьяло черное пламя, через несколько мгновений ставшее алым, а затем вовсе исчезнувшее.

— Охрана, — коротко пояснила Аэлина, впервые за время пути со мной заговорив. — Незваных гостей не пропустит.

И вот я стояла вначале неширокой, ведущей к распахнутым дверям дорожки, выложенной тем же черным камнем, что и сам дворец. Подоспевшие лакеи помогли выйти из кареты Аэлине и леди Шаркэ, а затем подле нас оказался средних лет мужчина, вышедший из кареты, что подъехала следом за нашей.

— Леди Лавьет. — Он коснулся губами кончиков ее обтянутых перчаткой пальцев.

И по его взгляду, и по взгляду самой Аэлины, и по недовольно поджатым губам леди Шаркэ стало понятно, что этот лорд — тот самый советник короля, с которым у моей «мамочки» сейчас роман. Адмирал как-то упоминал о нем, когда мы еще были в Сумеречье.

Лорд поприветствовал и леди Шаркэ, и меня — при этом в его глазах мелькнула легкая заинтересованность, — а затем мы прошли к входу.

Я ступала по гладкому камню, по-прежнему практически не чувствуя холода. С неба мелкой крошкой сыпался снег, откуда-то из замка доносилась музыка, органично вплетающаяся в атмосферу дворца. Лакеи склоняли перед нами головы, пылали зависшие в воздухе огненные шары, глухой стук каблуков смешивался со звучащей музыкой и ударами моего сердца.

Черные саламандры. Королевская семья и высочайшие подданные.

Входить во дворец, становиться частью грандиозного бала было настолько же волнующе, насколько страшно. Лишь надетая еще в карете маска придавала какой-никакой уверенности. Прав был адмирал Рей — без

нее впервые выйти в свет стало бы еще труднее.

Интерьеры дворца полностью соответствовали его внешнему убранству. Я давно поняла, что в каждом здании, в каждом сооружении есть свой особый дух — и у королевской резиденции он тоже был. Величественный, монументальный, напитанный тьмой и извечным огнем, в которых существовала своя особенная, неповторимая красота. Пугающая, но притягательная. Даже невзирая на громадные размеры дворца, я не ожидала, что главный бальный зал тоже окажется настолько огромным. При входе в зал вошедших не объявляли, так как вся соль вечера заключалась в надетых на гостях масках, — все могли лишь догадываться, кто за ними скрывается.

В зале царил невесомый полумрак. Высокие сводчатые потолки походили на ночное небо, где множество мелких огней представлялись россыпями звезд. По всему периметру располагались высокие черные колонны с массивными капителями, на перилах и ступенях лестницы, по которой мы спускались в зал, присутствовали изображения саламандр. Маленькие черные земноводные встречались вообще повсюду — на полу и стенах, на тех же колоннах и в виде небольших скульптур. В другом конце зала располагался оркестр, вдоль стен стояла массивная темная мебель. В самом центре находился широкий, огражденный черными мраморными бортиками балкон, где возвышались два трона.

Зал был почти полон. От великолепия дорогих тканей, многочисленных масок и поблескивающих в полумраке украшений перехватило дыхание. Поднебесные, я ведь правда никогда не думала, что окажусь в таком месте!

Несмотря на многолюдность, пространства хватало всем. Полумрак приглушал яркие цвета, если таковые здесь вообще имелись, — насколько я успела заметить, присутствующие отдавали предпочтение благородным темным тонам в одежде.

— Леди Шаркэ, леди Лавьет. — как только мы спустились, прозвучал рядом обволакивающий мужской голос, интонационно выделивший: — Леди Талмор.

На адмирале был надет черный костюм, слегка отливающий глубокой синевой. Маска была простой и тоже черной, а через ее прорези на меня смотрели знакомые прозрачно-голубые глаза.

— Вы прекрасны. — Теперь дыхание перехватило от того, как это было сказано. — Позволите?

Приняв приглашающий жест и взяв его под руку, я в сопровождении родственников двинулась вперед. Началась одна из самых сложных частей

этого вечера (а существовали ли легкие?) — меня представляли нужным людям. Впрочем, невысоких по титулу здесь не было точно.

Хоть это и бал-маскарад, знакомство с обществом требовалось начать уже сейчас. Собственно, таким и был план: дать понять нескольким лордам и леди, что у семьи высших ундин появилась дальняя родственница, а затем наблюдать за тем, как расползаются слухи и об этом узнают все.

Сперва мы подошли к паре, возраст которой из-за масок я не могла определить даже приблизительно. Но как только выяснилось, что стоящий рядом с ними молодой человек — их сын, все прояснилось.

— Милиана Гвор, — представили мне леди.

— Торрен Гвор, — назвали имя мужчины.

Ши возьми, родители Крилл! А молодой человек оказался не кем иным, как ее младшим братом. Вскоре мне представили и старшего, увидев которого, я буквально лишилась дара речи. Даже надетая маска не помешала мне узнать в нем того самого конюха, который привел ко мне келпи! Тут же вспомнилось, что он является хорошим другом адмирала Рея, и я удивилась еще больше: почему-то изначально сложилось впечатление, что Джакен или мой ровесник, или всего на пару лет старше. Впрочем, новость о том, что никакой он не конюх, а самый настоящий лорд, удивила ненадолго и воспринялась как само собой разумеющееся.

— Значит, вы служите в корпусе вместе с моей дочерью? — нахмурил брови, спросил лорд Гвор-старший. — И как она себя проявляет? Уж не обессудьте, лорд Рей, — предупреждаяще остановил он готового вмешаться адмирала, — но вы чрезмерно лояльны к нашей Крилл, хочу услышать мнение ее сослуживца.

Я мысленно улыбнулась: все же страхи подруги не оправдались. Отец любит ее, примирился с ее выбором и, возможно, теперь, по прошествии времени, даже втайне ею гордится.

— Не сомневайтесь, кадет Гвор с достоинством исполняет данную корпусу клятву, — заверила я. — Она выдающийся ловец, прекрасный человек и надежный, всегда готовый прийти на выручку друг.

Мой ответ был принят благосклонно, и я заметила, как у лорда Гвора слегка приподнялись уголки губ. Затем мы продвинулись немного вперед, и меня представили еще одной семье, а вслед за этим, когда я вновь исполняла заученный реверанс, по залу прокатился благоговейный шепот, за которым последовала тишина.

Адмирал жестом подтолкнул меня так, чтобы я могла развернуться лицом к балкону, и я тут же сделала очередной реверанс — только теперь уже более глубокий — и опустила глаза.

Хоть что-то знакомое, легкое и привычное — смотреть в пол!

— Саллютем иа, цвийум! — прокатился по залу глубокий мужской баритон, говорящий на кратфаге. А затем он же любезно перевел: — Приветствую вас, подданные!

После этих слов все одновременно стали поднимать головы, и я, вспомнив наставления госпожи Лидры, сделала то же самое. На балконе стоял сам король, лицо которого скрывала маска. А вот широкий разворот плеч, высокий рост, посеребренные сединой, точно лунным светом, волосы не скрывало ничто. Как и исходящую от него энергию, моментально напитавшую пространство. Хотя исходящую не только от него, но и от стоящей по правую руку девушки.

Кронпринцесса Оксара была единственной в этом зале, чье лицо не скрывала маска. Как и у младшей сестры, у нее были гладкие черные волосы, сейчас собранные на затылке, и белоснежная кожа. Аккуратные черты лица, чуть прищуренные черные глаза, маленький нос и небольшие, но выразительные губы. Но, несмотря на миниатюрность и внешнюю хрупкость, в принцессе Оксаре чувствовалась непоколебимая внутренняя сила. Та самая энергия. Могушественный извечный огонь.

Поприветствовав собравшихся, король занял место на троне, а принцесса величественно опустилась на соседний. Следом бледнолицый дирижер взмахнул палочкой, и зазвучала танцевальная мелодия.

— А где королева и принц Дэрэн? — спросила я, обратившись к адмиралу.

— Такова традиция этого бала, — ответил тот. — Он ежегодно устраивается в честь наследника престола и подтверждает намерение короля в будущем передать трон принцессе Оксаре.

Затем адмирал протянул мне ладонь и негромко пригласил:

— Потанцуете со мной, леди Талмор?

Разве могла я отказать, в то время как мы находились под прицелом десятков взглядов, неотрывно следующих и за лордом Реем, и за появившейся на балу чужачкой? Да и просто — разве могла я отказать? Отказать ему?

Сердце заколотилось с невероятной скоростью, в горле пересохло, но я вложила похолодевшие, чуть подрагивающие пальцы в его ладонь. Волнение зашкаливало — несмотря на старания госпожи Лидры, обучиться бальным танцам всего за два дня было попросту нереально.

Следующие несколько минут проходили как во сне. Проходили?.. Проплывали, пролетали вместе со смазанным, вращающимся вокруг меня залом. Ощущая на своей талии уверенное, но мягкое прикосновение,

чувствуя тепло ладони даже через ткань перчатки, растворяясь в глазах, что смотрели на меня сквозь прорези маски, я терялась во времени, в пространстве, в эмоциях...

Сперва боялась сбиться, совершить что-нибудь не то, но стоило адмиралу сделать первый шаг, незаметно вовлекая меня в танец, как весь страх отступил. Все получалось само собой, естественно, как будто я — это гибкая, пластичная вода, а он — создающий волны ветер. Нет, я понимала, что мои движения далеко не совершенны, но зато совершенством являлись движения партнера: точные, выверенные, такие же уверенные, как он сам. Весь мир жил своей отдельной жизнью, мелькал круговертью неясных образов, а для меня он сузился до взгляда прозрачно-голубых глаз, сменяющих друг друга прикосновений и хитросплетения нот.

Я то находилась в тесных объятиях адмирала, то отдалялась от него, чтобы, обойдя вокруг, вновь оказаться рядом, положить руки на сильные плечи, откинуть голову назад и снова ловить взгляд. И от каждого такого возвращения, от каждого касания и переплетения пальцев по коже пробегала дрожь, а внутри рождались и щекотали крыльями тысячи маленьких бабочек.

Когда меня подхватили и, легко держа, как ту самую бабочку, закружили над полом, я негромко ахнула. В это же время свет приглушили еще сильнее, и на общем черном фоне как никогда ярко заблестели два голубых моря. И маски... Поднебесье, маски наделяли эти мгновения, этот танец особенным шармом! Придавали им таинственной притягательности, а мне — недостающей уверенности. Я забыла о том, кем являюсь сама и кем является он, словно только сейчас, на этом маскараде случилась первая наша встреча.

И как же захватывало дух! Как я ждала все новых и новых, подаренных танцем объятий... А то, как на меня смотрели, с каким восхищением, нежностью и страстью, заставляло душу и сердце трепетать. Никогда и вообразить не могла, что в танце возможно такое волшебство, что даже королевский дворец вдруг становится неважной декорацией, когда это волшебство заряжает воздух между полуундиной и могущественным морским демоном...

Когда музыка стихла, я оказалась прижатой к нему спиной.

— Вы прекрасно танцуете, леди Талмор, — прошептал адмирал.

— Вы бессовестно врете, лорд Рей, — так же тихо прошептала я.

Затылок опалил короткий смешок и предельно честное:

— Нисколько.

Я неподвижно стояла так еще несколько секунд, тяжело дыша и

ощущая его дыхание на своих волосах, а затем развернулась и присела в реверансе.

Танцы продолжились, но мне выпала возможность немного передохнуть. Адмирал проводил меня к леди Шаркэ, после чего, извинившись, удалился. Следя за ним взглядом, я заметила, что он неспешно поднялся по винтовой, ведущей на центральный балкон лестнице. Точнее, на ту его часть, которая находилась за тронами и скрывалась в тени. Король в это же время поднялся с места и тоже исчез из поля зрения.

— Красиво двигаться — у высших ундин в крови, — пока я наблюдала за адмиралом, произнесла леди Шаркэ. — Сразу заметно, что вы всего лишь полукровка.

— В таком случае, может быть, вы продемонстрируете, как танцуют чистокровные? — мгновенно нашлась с ответом я.

Видимо, надетая маска действительно притупляла страх и придавала уверенности.

— А вы взгляните туда, — ровно ответила леди Шаркэ, кивнув на одну из танцующих пар. — И все поймете.

Аэлина танцевала великолепно. Я, несмотря ни на что, даже залюбовалась ею, настолько грациозной и легкой она была. Пожалуй, в этом зале не нашлось бы ни одной леди, способной составить ей достойную конкуренцию, — вон и партнер по танцам явно считает так же. Даже лица его видеть не требовалось, чтобы заметить, насколько он без ума от своей партнерши.

В какой-то момент мое внимание отвлек стоящий в другом конце зала мужчина. На первый взгляд, в нем не было ничего особенного — такая же соответствующая балу одежда, как у всех присутствующих, маска... Но чем-то он все же выделялся среди остальных.

Лорд стоял, небрежно прислонившись плечом к колонне и играя прозрачным, налитым в бокал вином. Нас разделяло немалое расстояние, кружащие в танце пары, но внезапно показалось, что он смотрит прямо на меня...

Точно показалось!

Буквально через полминуты стало понятно — нет, все-таки не показалось. Потому что лорд решил, что колонна без него не рухнет, перестал ее подпирать и неспешно двинулся сквозь толпу. И чем ближе он подходил, тем явственнее я чувствовала на себе его пристальный взгляд, от которого хотелось развернуться и убежать куда-нибудь подальше. Ши возьми, даже уверенность от надетой маски больше не помогала!

Леди Шаркэ отошла немного в сторону и с кем-то разговаривала, адмирал Рей все еще отсутствовал, Аэлина танцевала, а я... Я стояла совершенно одна, всем своим существом ощущая неотвратимое приближение неприятностей.

«Спокойно, кадет Талмор! — глубоко вдохнув, мысленно велела себе. — Даже если это некто, имеющий отношение к осколкам, на балу он ничего тебе не сделает. И вообще, скорее всего, это самый обычный гость! Может, ты ему просто понравилась и он хочет пригласить тебя на танец?»

Танцевать с незнакомцем, как и танцевать вообще с кем бы то ни было, кроме адмирала, мне совершенно не хотелось. Поэтому когда передо мной остановился мужчина, на две головы выше меня, всем своим видом источающий опасную силу, и молча протянул руку... я едва заметно попятилась и отрицательно мотнула головой.

Протянутая рука не исчезла.

— Прошу прощения, я не танцую, — отказала с извиняющейся улыбкой.

Протянутая рука не исчезла и на этот раз, а заговорить со мной так и не соизволили. Может, глухонемой?

— Фрида, — сквозь зубы процедила неожиданно появившаяся рядом леди Шаркэ. — Иди.

Собственно, выбора мне не оставили. Приковывать к себе лишнее внимание не хотелось еще больше, чем танцевать, поэтому я так же молча во второй раз за вечер вложила руку в протянутую мужскую ладонь. Стоило это сделать, как меня накрыло какой-то странной, беспокойной волной — ощущение близости этого лорда, исходящая от него энергия, да и весь его облик в целом показались смутно знакомыми... но долго раздумывать над этим мне не позволили, резко притянув к себе и буквально швырнув в водоворот нового танца.

С первого же шага я наступила ему на ногу. Хорошо, что маска скрыла мои мгновенно вспыхнувшие щеки, а лорд к моей неловкости остался равнодушен. Еще несколько аккордов, короткое соло флейты, моя всевозрастающая нервозность и — ой! — каблук пришелся по второй ноге.

— Простите, — проговорила я, изо всех сил стараясь окончательно не сбиться с ритма.

Глубинные бы побрали эти танцы! Как назло, на ум тут же пришел недавний разговор с леди Шаркэ, и меня охватила досада. Она же потом своими язвительными замечаниями замучает!

Один уголок губ лорда дернулся, только вот не от раздражения, что было ожидаемо, а, как мне показалось, от сдерживаемой улыбки. И теперь

наравне с тем, что старалась больше не допускать оплошностей, я смотрела прямо на эти губы, пытаюсь понять, почему они кажутся такими знакомыми. И блестящие в прорезях маски глаза — карие, насмешливые... Ну точно, насмешливые! Я ему, значит, по ногам топчусь, а его это веселит?!

Вновь зазвучала флейта на фоне мелкой барабанной дроби, я прогнулась в пояснице, откинула голову назад, оставшись висеть над полом на одной руке партнера, и...

Поздний вечер, заброшенный причал, встреча со странным незнакомцем... Тысяча кругов Глубины!!!

— Флинт?! — почти беззвучно выдохнула я, но, судя по выражению глаз, меня услышали.

Снова дробь, один рывок, и мы оказались лицом к лицу, после чего я окончательно убедилась в своей правоте. Даже маска больше не могла служить помехой узнаванию. Да как я вообще могла сразу его не узнать? Нет, важнее другое — что он делает на королевском балу, как осмелился сюда прийти и как ему вообще это удалось?!

— Тебе должно быть стыдно, синеглазка, — с лукавым блеском глаз произнес легендарный капитан пиратов. — Я думал, разгадаешь загадку моей маски гораздо быстрее.

— Что вы здесь делаете? — в ужасе прошептала я, машинально продолжая танец.

— Я? — невинно осведомились мне в ответ. — Танцую. С самой красивой молодой леди этого скучного вечера.

Оказавшись полностью дезориентированной, я просто не находила подходящих слов и не знала, как на все это реагировать. То ли кричать на весь зал, что в королевский дворец пробрался пират, то ли просто звать на помощь.

Видимо, все испытываемые эмоции и порывы выразительно отразились на открытых участках моего лица, потому как Флинт с улыбкой покачал головой.

— Настоятельно не рекомендую, синеглазка. Сделаешь это — и лишишься уникальной возможности узнать, что же такого ценного твоя мамочка приобрела в лавке зелий.

Споткнувшись на ровном месте, я наступила ему на ногу в третий раз.

— Полагаю, это знак согласия, — кивнул пират и, следуя движению танца, ненадолго меня приподнял. А затем, опустив на пол, с непередаваемой ехидно-довольной усмешкой заметил: — Как приятно, что мой подарок не пылится в шкафу без дела. Это очень мило с твоей стороны

— надеть его на первый в своей жизни бал.

Мысленно я сначала порвала на мелкие кусочки глубинное платье, затем кинула их в каминное пламя, после чего отправила туда же Флинта. Но все же его слова о лавке зелий взволновали куда больше. Да что там — куда сильнее, чем даже факт его появления во дворце!

— Что купила Аэлина? — спросила я, вместо музыки слыша удары собственного сердца.

— Знал, что заинтересуешься, — меня одарили новой ироничной улыбкой, которая уже в следующее мгновение сошла на нет. — Прежде чем я отвечу, позволь взять с тебя небольшое обещание. Ты не станешь никому говорить о моем присутствии здесь, пока я не уйду. Совсем маленькая плата за столь ценную информацию, не находишь?

— А она ценная? — подвергла я сомнению этот факт, хотя была почти в нем уверена. — С чего мне вам верить?

— Ты уже веришь, — вкрадчиво произнес Флинт. — Иначе мне бы пришлось прибегнуть к запасному плану и скоропалительно исчезнуть.

Решать требовалось быстро, хотя правильнее сказать — решать не требовалось. Вряд ли он пришел во дворец только для того, чтобы о чем-то мне рассказать, скорее, наш разговор являлся для Флинта задачей второстепенной. И все же, раз он здесь, раз намеревается сообщить важные сведения, пусть и по неясным причинам, почему бы этим не воспользоваться? Тем более, даже если я откажусь и попытаюсь кого-нибудь позвать, он все равно успеет сбежать. Непостижимым образом, но точно ведь сумеет!

— Обещаю, — коротко произнесла я.

— Чудно, — мгновенно среагировал пират.

Мы разошлись на несколько долгих мгновений, во время которых я почти умерла от смеси нервозности и любопытства, сошлись снова, и Флинт, не изменяя своей небрежной манере ведения разговора, бросил:

— Твоя ветреная мамочка, синеглазка, приобрела «Холодную смерть». Не сомневаюсь, ты понятия не имеешь, что это такое, а если снова попытаешься самостоятельно бороздить просторы библиотек, уверяю, ничего не найдешь. Поэтому настоятельно советую не тратить времени и поделиться этой новостью с нашим драгоценным адмиралом. Он в данном случае — отличная энциклопедия.

Вот так великого и могущественного адмирала королевского флота взяли и с сарказмом приравняли к содержимому книжных полок.

В настоящий момент меня волновала не «Холодная смерть», а несколько иное.

— То есть вы действительно хотите, чтобы я передала эту информацию лорду Рею?

— Не обижайся, синеглазка, но ты лишь прекрасный посыльный, — отвесил Флинт сомнительный комплимент. — Видишь ли, если я подойду к старому другу сам, велика вероятность вскоре оказаться за решеткой.

— А разве не это подразумевает ваше пребывание на королевском балу? — Его язвительность оказалась заразительна. — И почему бы просто не отправить адмиралу по старой дружбе послание?

Уверена, не будь руки Флинта заняты... мной, он бы развел их в стороны:

— Что за жизнь без риска? Вдобавок, — глаза в прорезях маски хитро блеснули, — что может быть лучше, чем вывести из себя эту непроницаемую глыбу льда? В мире не так много вещей, способных по-настоящему разозлить Эргана Рея. И поверь, синеглазка, этот танец, когда о нем узнает адмирал, войдет в их число.

Только я вознамерилась возмутиться тем, что адмирала в дополнение к энциклопедии приравнивали еще и к ледяной глыбе, как «вещь, способная вывести его из себя», закончилась. Музыка затихла, и меня уже знакомым маршрутом подвели к леди Шаркэ.

Мысли путались, неожиданное появление Флинта породило уйму вопросов, вдобавок был соблазн хотя бы попытаться сообщить о его присутствии, но нарушить обещание я не могла. Как раз в тот момент, когда я оказалась стоящей около родственницы и Флинт отвесил вежливый, но ироничный поклон, неподалеку показался только что спустившийся с балкона адмирал.

— До встречи, синеглазка, — шепнул Флинт.

И, сделав несколько шагов, быстро затерялся среди гостей.

ГЛАВА 18

— Кто это был? — оказавшись рядом, лорд Рей пристально всмотрелся в толпу.

— Он не назвался, — не сказала правды, но и не соврала я.

— Просто один из гостей, — вставила леди Шаркэ, а потом добавила: — Крайне занимательный, должна заметить. Пожалуй, даже обаятельный.

Переведя на нее удивленный взгляд, я заметила, что Флинту за столь короткое время удалось произвести впечатление на непробиваемую леди Шаркэ. Кажется, в ее голосе даже легкий намек на восхищение промелькнул. Вот уж точно, что-то отправилось на дно! Знала бы она, кем являлся этот «занимательный гость»...

Бал продлился до середины ночи, но мы покинули его немного раньше. За несколько часов меня удостоили чести быть представленной еще паре знатных семей, вдобавок я наконец воочию увидела принца Дэрена. Он появился в тот момент, когда по залу пронесся бой часов, ознаменовавший полночь. В отличие от короля и кронпринцессы, принц своего высокого происхождения не скрывал и открыто демонстрировал публике окружающий его извечный огонь. К счастью, общаться с его высочеством лично мне не пришлось — на балу присутствовало немало красивых леди, которых он щедро одаривал своим вниманием.

— Жуткий бабник, — полушепотом припечатала Аэлина после танца с ним.

В свое временное пристанище я возвращалась не только с новоявленными родственниками, но и в сопровождении адмирала Рея, карета которого ехала за нами. Откладывать разговор я не хотела и намеревалась сообщить ему о Флинте сразу после приезда в особняк, но ничего не вышло. Остаться с ним наедине не получилось, стояла глубокая ночь, поэтому пришлось довольствоваться обещанием адмирала навестить меня завтра днем.

Войдя в свои покои, я не обнаружила горничной. Не появилась она и спустя десять, и спустя пятнадцать минут. Тогда я попыталась переодеться сама, но стащить платье оказалось не так-то легко, как и избавиться от многочисленных шпилек. Не осталось ничего другого, кроме как выйти в коридор в надежде повстречать горничную или кого-нибудь, кто бы мог ее позвать. Кажется, в моей спальне имелся специальный магический колокольчик для таких случаев, но я почему-то его не нашла.

— Хорошо справилась, — неожиданно донесся из-за поворота коридора приглушенный голос госпожи Лидры. — Она не догадалась?

— Нет, что вы, — возразила горничная. — Хотя повесила я его все-таки далеко, нужно было ближе к камину...

Я в напряжении замерла, прислушиваясь к доносящимся фразам и ощущая, как внутри вскипает негодование. Вот ведь... синеводка! А я еще гадала, откуда такая череда неудачных случайностей, из-за которой выбранное для сегодняшнего бала платье оказалось испорчено! Сначала для меня создали иллюзию выбора и того, что я имею возможность что-то решать, а затем все равно сделали по-своему.

Не дожидаясь, пока мое присутствие обнаружат, я развернулась и бесшумно прошествовала обратно в отведенные мне покои. И на этот раз, должно быть от злости, избавиться от злополучного наряда получилось с первого раза, даже шпильки все до единой исхитрилась из волос вытащить! А когда ко мне все же соизволила заявиться горничная, я уже лежала в кровати, уткнувшись в подушку и накрывшись одеялом до самого носа. Случившаяся подлость только укрепила мое убеждение: в этом доме никому нельзя доверять.

Во сколько прибудет адмирал, я не знала, но подозревала, что слишком ранние визиты в среде аристократов не приняты. До завтрака еще тоже было далеко, и у меня в запасе имелась как минимум пара свободных часов, которые я собиралась потратить с пользой. Пересчитав свои уцелевшие после покупки зелья накопления, я скоренько собралась и, проскользнув на первый этаж, выловила дворецкого. Попросила его распорядиться относительно экипажа для прогулки, и, что удивительно, мою просьбу исполнили не только сию же минуту, но еще и не задавая лишних вопросов. Весь дом мирно спал — даже госпожи Лидры видно не было, что меня несказанно обрадовало.

Попросив дворецкого сообщить, что вернусь к завтраку (если вдруг кто-нибудь станет интересоваться, куда я пропала), я надела пальто, обмоталась шарфом и вышла на улицу. Небо все еще было темным, сад утопал в легких сумерках, но из-за белизны недавно выпавшего снега и света фонарей видно было очень хорошо. Даже немного непривычно — раньше, живя в трущобах, по утрам приходилось проделывать путь буквально наощупь... Впрочем, давно пора перестать сравнивать и возвращаться к тем временам.

Назвав кучеру нужный адрес, я забралась в экипаж и всю дорогу считала секунды до прибытия. Очень боялась, что приехала слишком рано

или что вчера девочка вообще испугалась, соврала и сейчас ее у магазина не будет. Но нет, она была.

Одинокая фигурка, притоптывающая на месте от холода, смотрела по сторонам, словно кого-то ожидая... Может, меня?

Велев кучеру ждать, я вышла на полупустую улицу и направилась к ней. Как только приблизилась, девочка подняла на меня взгляд, в котором светилось сочетание отрицания, подозрения, радости и надежды, а затем отступила на шаг назад.

— Не бойся, — тут же ободряюще улыбнулась я. — Помнишь меня? Я обещала, что приду.

На мои слова девочка никак не отреагировала, разве что ее глаза едва заметно блеснули. В магазине, у которого она стояла, торговали свежей выпечкой — это я заметила еще накануне и сейчас не преминула этим воспользоваться.

— Пойдем? — обратилась к девочке, придерживав дверь. — Кстати, меня зовут Фрида. А тебя?

— Даффи, — немного поколебавшись, ответила она и все же решилась войти внутрь.

Магазин был красивым, даже очень. Правда, это заведение являлось не совсем магазином, а скорее пекарней, где изготавливались, продавались и подавались всякие вкусности. Да, подавались — слева от входа располагалось несколько круглых столиков, за которыми можно было уютно посидеть с купленной здесь же чашечкой чего-нибудь горячего.

— Даффи, опять ты? — вздохнула круглолицая продавщица в белом чепчике и белом же переднике. — Сказала ведь, приходи по вечерам. Хозяйка ругается!

— Она со мной, — ответила я вместо своей спутницы и, уже обращаясь к ней, спросила: — Что будешь?

Даффи шмыгнула носом и молча указала на тарелку жареных пирожков, табличка у которых сообщала, что они с курицей и грибами. От такого ее выбора у меня снова заныло сердце — когда ребенок среди кучи сладостей выбирает единственное сытное блюдо, это говорит о многом...

— Все, что на витрине, пожалуйста, — попросила я, отсчитав нужное количество монет. — И горячий чай.

Прежде чем мы успели расположиться за одним из столиков, Даффи уже набросилась на еду. Она ела с нечеловеческим аппетитом, полностью отдаваясь процессу и не замечая ничего вокруг. Наверное, она и присесть бы забыла, если бы я мягко не подтолкнула ее к стулу.

В магазинчике было тихо, спокойно и, самое главное, тепло. Щеки

Даффи окрасились ярким румянцем, она стянула шапку и, не отрываясь от пирожка, откинула назад непослушные черные кудряшки. Стоило ей это сделать, как я заметила у нее на скуле красный след, какой обычно бывает от удара.

К сочувствию моментально добавилась жаркая волна возмущения. Да у кого только рука поднялась?! Я знала неблагополучные семьи, где детям приходилось несладко, но все равно каждый раз, стоило только увидеть подобное, как внутри все переворачивалось. Я никогда не относилась к числу тех, кто заведомо любит всех детей и умеет находить с ними общий язык, но при мысли, что кто-то может обидеть беззащитное и, в сущности, невинное существо, так и хотелось обрушить на этого кого-то всю Глубину!

— Даффи, а где ты живешь? — осторожно спросила я, когда она потянулась за пятым по счету пирожком.

— В чулане, — жуя, невнятно промямлили мне в ответ. — У тетки Крассы.

— В чулане? — эхом переспросила я и, стараясь по-прежнему говорить спокойно и ласково, уточнила: — Почему именно в чулане? Красса тебе не родная?

— Родная, — принявшись за шестой пирожок, проговорила Даффи. — Это я приبلудная, так она говорит, потому не должна жить и играть с ее детьми. А еще говорит, что мамка моя непутевая была, только я ее не помню совсем. Вот столько прошло с тех пор, как она в Поднебесье отправилась.

Мне показали девять испачканных маслом пальцев.

Картина вырисовывалась ясная и предельно простая. Мама Даффи умерла, отец либо смылся, либо вовсе не подозревает о существовании дочери, и бедная сирота вынуждена жить под гнетом ненавидящей ее родни. Выполнять грязную работу, а в свободное время просить милостыню. В самом деле, ужасная у нее родня, если даже сплетни и чужое мнение не смущают.

— А где манто, которое я тебе дала? — спросила, уже предвидя ответ.

— Красса забрала, — подтвердила мои опасения девочка и, шумно выдохнув, с тоской посмотрела на последний уцелевший пирожок. Видимо, хотела съесть и его, но больше в нее не лезло.

Мы еще немного посидели, и, пока Даффи грела обветренные руки о горячую кружку, я размышляла над тем, что теперь делать. К этой девочке у меня возникла мгновенная, но непреодолимая привязанность, основанная на странном чувстве ответственности. Вот просто чувствовала, что ей необходимо как-то помочь. Я верила в то, что дарами поднебесных нужно

делиться, а не оставлять все себе. Получила я возможность выбраться из трущоб, дали мне шанс — нужно вернуть его судьбе. Взять и сделать для этой девочки не просто что-нибудь хорошее, а действительно важное, способное ей помочь. Только вот что именно, я пока не знала.

Я так погрузилась в собственные мысли, что непроизвольно вздрогнула, когда входная дверь хлопнула, а продавщица изумленно ахнула. Даффи приоткрыла рот и во все глаза уставилась на что-то, точнее, кого-то позади меня.

Даже не реакция присутствующих сказала мне о том, кем является этот кто-то. А особая энергия и холод, наполнившие магазин. Медленно обернулась и прерывисто выдохнула. Вот все-таки умеют морские демоны появляться эффектно! Адмирал возвышался надо мной, сложив руки на груди и выразительно изогнув бровь, словно спрашивая: «Ну, кадет Талмор? И во что вы ввязались на этот раз?»

Пауза затягивалась, и нарушить ее явно предлагали мне.

— Доброе утро, — опасно поприветствовала я, мельком отметив, что красные точки с лица лорда исчезли без следа. Мысленно с облегчением выдохнула — все-таки переживала на этот счет, на балу ведь из-за маски почти ничего видно не было.

— Алых рассветов, — любезно пожелали мне, а в следующий миг взгляд прозрачно-голубых глаз направился на сидящую рядом девочку.

Даффи, в этот момент все же решившая приговорить последний пирожок, подавилась и закашлялась. Склонив голову, адмирал что-то негромко проговорил, кажется, поминая ши, а затем его взгляд смягчился, и он вновь обратился ко мне:

— Вы позволите на пару слов?

Учитывая то, что мне предстояло рассказать о Флинте, «пара слов» не совсем подходила под описание будущего разговора. Да и затрагивать такую тему при посторонних было совсем неуместно, но все же я поднялась и безропотно отошла за адмиралом в противоположную и пустую часть магазина.

Решив, что лучше заговорить первой, спросила:

— Как вы узнали, что я здесь?

— Твой вчерашний поступок не остался без внимания, а слухи, как ты знаешь, расползаются быстро, — проговорил адмирал, и по его тону я не поняла, осуждает он меня или одобряет. — Только что я был в доме леди Шаркэ, где дворецкий сообщил о том, что ты уехала. Догадаться, куда именно, не составило труда.

Бросив быстрый взгляд на съежившуюся на стуле Даффи, я невольно

прикусила губу. Слишком хорошо понимала, что она сейчас чувствует. Недоверие и боязнь неожиданно появившихся в ее жизни людей, пришедших, на ее взгляд, из другого мира. И боится она как того, что ее могут обмануть, так и того, что короткая сказка с вкусными пирожками скоро закончится...

Неожиданно на мое предплечье легла прохладная ладонь.

— Фрида, — теперь голос лорда Рея звучал мягко и устало, — сейчас-то ты чего пугаешься? Что я стану отчитывать тебя за проявленное сострадание и потребую у этой девочки вернуть манто?

Я несколько раз моргнула и, осознав сказанное, почувствовала себя виноватой.

— Нет, я... — попыталась возразить. — Не думала, что вы... простите.

Адмирал вздохнул и покачал головой. Только в этот момент я заметила, что усталость выдает не только его голос, но и лицо — залегшие под глазами тени и неестественная белизна кожи. А еще внезапно поняла, почему касающаяся меня рука казалась такой холодной... Это была рука морского демона с темной чешуей, которую до этого времени скрывал плащ. Последней каплей стали сапоги — не начищенные до блеска, как бывало всегда, а покрытые белыми разводами. Соляными разводами! Адмирал бы ни за что не стал разгуливать в таком виде просто так и тем более наносить визит в дом леди Шаркэ!

— Что-то случилось в Сумеречье? — встрепенулась я, осененная внезапной догадкой.

— Потерянные души, — коротко сообщил адмирал. — Пришлось совершенствовать барьер. Есть пострадавшие, но, к счастью, все живы.

Я опешила. Уму непостижимо...

Это же насколько потерянным нужно взбунтоваться и набраться сил, чтобы суметь вновь преодолеть сильнейшую магическую защиту? Совсем страх потеряли!

— Наши тоже их отлавливали, да? — спросила я, смотря в пол и с силой сжимая кулаки. — Я должна быть с ними, в Сумеречье. Защищать свой дом и корпус.

— Фрида...

— Мне нужно вам кое-что сказать, — решила я перебить. — Нечто очень важное, только не здесь. Если не возражаете, я еще пару минут побуду с Даффи, попрощаюсь с ней, а затем вы отвезете меня куда-нибудь, где нет посторонних.

— Желаете остаться со мной наедине? — склонившись ко мне, полушутливо прошептал лорд Рей, чем успел вогнать в краску, и тут же

снова стал серьезным: — Даффи — это та девочка?

— Да, — проследив за его взглядом, кивнула я. — Она сирота. Каждый день стоит здесь, прося милостыню, родственники о ней фактически не заботятся.

Чего я никак не ожидала, так это того, что адмирал, в задумчивости посмотрев на Даффи еще несколько мгновений, возьмет и решительно подойдет к ней, предварительно жестом велев мне оставаться на месте.

Я не слышала того, что он ей говорил, но видела, что сначала девочка жутко испугалась и была готова убежать. Но затем, когда адмирал негромко что-то проговорил и улыбнулся, она не только не стала убежать, но и позволила посадить себя ему на колени! Глядя на то, как они спокойно о чем-то беседуют, я буквально лишилась дара речи. Так и стояла, замерев и не сводя с них глаз. Адмирал что-то спрашивал, Даффи кивала и отвечала, а иногда запальчиво взмахивала руками, что-то доказывая.

Я была поражена. Правда поражена! И тому, что один из первых лордов королевства вот так просто держит на руках совершенно незнакомого, брошенного всеми ребенка, и что этот брошенный ребенок за считанные минуты стал доверять ему настолько, что делился своими печальями.

Сердце застучало быстро-быстро, как никогда. Словно это я — стоящая на «Ледянке» девочка, до которой вдруг снизошел проходящий мимо аристократ... А что самое главное, в сущности, так оно и было.

Вскоре адмирал подхватил Даффи, поставил на пол и молча меня поманил. А как только я подошла, огорошил:

— Джакен содержит специальный пансион, где учатся и проживают дети от шести до пятнадцати лет. Только что Даффи согласилась пополнить ряды учеников. Осталось лишь уведомить об этом решении ее опекунов. Даффи, пообещаешь леди Талмор стать одной из лучших?

— Обещаю! — просияла девочка, явно до сих пор боящаяся поверить в свалившееся на нее счастье.

Я считала, что лишилась дара речи несколько минут назад? Нет, по-настоящему он исчез сейчас, превратив меня в безмолвную рыбешку!

— Это замечательно, — собравшись, проговорила я не своим голосом. Поднебесные...

Чувствовала, что еще немного — и переполняющие меня чувства слезами прольются из глаз. Словами не передать, насколько тепло, лучисто и радостно стало на душе, насколько сильно я восхитилась таким, казалось бы, простым, но очень важным и по-мужски правильным поступком. Человек, занимающий столь высокий пост, не отмахнулся от чужих

проблем, не прошел мимо и даже не просто посочувствовал, а предложил помощь и в два счета изменил жизнь одной маленькой девочки. И не за что-то, не для того, чтобы показаться хорошим — это я знала точно! — а бескорыстно. Просто потому, что иначе не мог.

Не откладывая на потом, едва выйдя из магазина, адмирал усадил опешившую от происходящего Даффи в карету, на которой приехала я, затем придержал дверцу для меня и забрался сам. Отдал распоряжение кучеру, и мы отправились по названному Даффи адресу. А перед этим, пока Даффи не видела, он призвал одну из своих потерянных душ — подозреваю, для того, чтобы передать послание Джакену. Лицо адмирала стало еще бледнее, практически сравнявшись по тону с белым мрамором, количество чешуи, судя по неровностям на рукаве, увеличилось, на несколько мгновений стало как будто холоднее. Должно быть, использование магии душ после совершенствования сложного барьера отнимало уйму сил.

Пока мы добирались до места, я исподволь изучала внешне бесстрастное, не выражающее никаких эмоций лицо и понимала, что это — лишь маска, как та, что надевают на маскарад. Только адмирал использует ее настолько часто, что очень многие принимают ее за истину. И вообще, никакой он не холодный! Никакая не «ледяная глыба», как сказал Флинт. У него теплое, даже горячее сердце, способное на сострадание, заботу и любовь!

Я так увлеклась, что рассматривала его уже в открытую и даже этого не замечала, а когда столкнулась с взглядом льдистых, вопросительно смотрящих на меня глаз, смутилась. Вот ведь... все-таки глаза морского демона и впрямь почти всегда затянуты самым настоящим, пугающим льдом.

Судя по виду района, куда мы прибыли, места это были не самые благополучные. Не трущобы, конечно, и тем более не Слезные, но все же мрачные, неприятные и совсем негостеприимные. Дом Даффи теснился между двумя такими же обшарпанными двухэтажными строениями, расположившимися в тесном переулке. У крыльца мяукал тощий черный кот, из одного дома доносились громкие крики явно кого-то подвыпившего, а точнее, очень выпившего, за ближайшим углом шло рьяное выяснение отношений, грозящее перейти в не менее рьяный мордобой.

— Оставайся в экипаже, — велел мне адмирал Рей.

Проводив их с Даффи взглядом, я мимолетно улыбнулась — еще пару часов назад и вообразить не могла, что все сложится так удачно. Но вслед за улыбкой тут же пришла горькая грусть — за Сумеречье, за сослуживцев,

рядом с которыми нет меня. Очень многое я бы отдала, чтобы сейчас оказаться в стенах родного корпуса, выходить в рейды и защищать наш остров наравне с ними.

Через некоторое время я внезапно уловила рядом какое-то движение. За окном мелькнул смазанный силуэт, за ним практически моментально раздались прерывистый стон кучера и перепуганное ржание лошадей. Не успела я отреагировать на происходящее, как дверь экипажа резко распахнулась и передо мной оказалась пара перекошенных небритых рож с алчно блестящими глазами.

— Так-так, — хрипло выдохнула рожа номер один. — И что за золотая рыбка заплывла в наши глубины?

— Хорош речи умные толкать, — вставила рожа номер два, выглядящая еще более устрашающе, чем первая. И тут же потянула ко мне огромные ручищи, намереваясь вытащить на улицу!

Я сказала — устрашающе? Да, наверняка для любой леди так оно и было. Но я долгое время жила по соседству с троллем, ночами ходила по темным переулкам, общалась с легендарным пиратом, жила в доме морского демона, так что какие-то там небритые рожи... в общем, их самоуверенность и убежденность, что сейчас они обчистят «золотую рыбку», были где-то даже милыми.

— Уважаемые, а вы, собственно, понимаете, что делаете? — увернувшись и отползая вглубь кареты, осведомилась я. — Еще одно поползновение в мою сторону, и хватка чернозубых акул покажется вам Поднебесьем!

— А? — синхронно выдохнула местная грабительская группировка. — Ты чё там заливаешь?

— Да хорош с ней разговоры разговаривать, я сказал! — снова рыкнул второй и, бросив быстрый взгляд на дверь, за которой скрылись адмирал с Даффи, с ходу влез в карету.

Пока все это происходило, я успела незаметно сплести маленькую сеть — на большее энергии не хватало, сил в запасе имелось совсем немного, но даже она могла сработать. Затаив дыхание, я считала секунды до того момента, как рожа окажется совсем близко.

Ближе! Еще ближе. Еще чуть-чуть...

Когда с моих пальцев сорвались искрящиеся, переплетенные между собой нити, прямо перед глазами проступил белый силуэт. Я заметила вытаращившиеся в недоуменном испуге глаза, услышала невнятный хрип, прежде чем тучное мужское тело в неестественной позе распласталось на полу.

В тот же миг на улице тоже что-то произошло — до меня долетело несколько огненных искр и ярко-оранжевый отсвет, какой бывает от горящего пламени. Белесый силуэт явно принадлежал Дымку, а вот кто разделался со вторым нападавшим, было совершенно непонятно, да и времени над этим подумать не было тоже.

Пока я лихорадочно колебалась между тем, остаться в экипаже или из него выскочить, из ближайшего дома вместе с Даффи вышел адмирал.

И тут я испугалась. Вот правда, испугалась. Даже сглотнула ненароком. Очень уж устрашающе он выглядел — с окончательно побелевшим лицом, горящими глазами, белоснежными волосами и в черном плаще, развевающимся на морозном ветру!

Если бы два незадачливых грабителя оказались в состоянии хотя бы моргнуть, они бы точно рухнули еще раз. Потому как не то что взгляд, не то что весь облик, а один только звук шагов морского демона наводил невероятный ужас.

Все-таки выбравшись из экипажа, я подошла к козлам и обнаружила, что кучер находится без сознания. Точнее, сначала подумала, что он мертв, затем быстро нащупала пульс и, ощутив биение, облегченно выдохнула. Но облегчение длилось недолго и вскоре перешло в дурноту — тот нападавший, который остался вне экипажа, явно отправился в Глубину. И отправился не просто так, а... фактически сгорев. Его одежда обуглилась, часть лица сделалась черной, даже не красной, как бывает при обычных ожогах.

Обоняния коснулся тошнотворный запах, и я, машинально закрыв нос рукавом, быстро подбежала к Даффи, прижала ее к себе и заставила отвернуться. Хотя, судя по ее поведению, она совсем не испугалась. Живя в таких местах, быстро привыкаешь к смерти.

Тем временем адмирал выволок из экипажа второго нападавшего, который, хвала поднебесным, остался жив, и вверил его появившимся словно из ниоткуда стражам. Затем мгновенно оказался около меня, пристально всмотрелся мне в лицо и, убедившись, что я в порядке, бросил стражам:

— Присмотрите за леди!

Сказал — и скрылся за углом. Я решила, что он пошел искать того, кто убил грабителя, и несколько повторивших его действия стражей подтвердили мои мысли.

Теперь, когда первое потрясение прошло, я быстро проанализировала ситуацию и сделала некоторые выводы. По всему выходило, что «рожи» действительно были самыми обычными грабителями, решившими

прикарманить содержимое сумочки любезно захавшей к ним леди (было бы еще что прикарманивать). А вот то, что в этот момент рядом возник некто, оказавший мне помощь, да еще и обладающий такой сильной и опасной магией, случайностью уже не казалось. Сомнительно, что кто-то просто так стал бы помогать незнакомому человеку, да еще и убивать. Впрочем, убийство вполне могло быть результатом неправильного расчета сил.

— Мы не поедem в пансион? — неожиданно вторгся в мои мысли голосок Даффи.

— Конечно, поедem, — проговорила я, погладив ее по голове. — Только дождемся возвращения лорда Рея.

Незаметно стало как-то холодно. Мороз словно усилился в несколько раз, переплюнув даже тот, что обычно бывал в Сумеречье. Я поежилась, крепче прижала к себе Даффи, боясь, что она может замерзнуть, и тут же услышала:

— Вы такая холодная...

Мой вопросительный взгляд встретился с таким же вопросительным взглядом высвободившейся из моих объятий девочки. Мы смотрели друг на друга некоторое время, после чего я обхватила себя руками и растерянно осмотрелась по сторонам. Пара стражей переговаривалась, еще несколько приводили в чувство пострадавшего от Дымка грабителя и грузили тело второго в подоспевший экипаж. Никто из них будто не чувствовал наступившего холода...

Мой взгляд задержался на приехавшем экипаже. Вернее, на том, кого он забирал. Не чувствуя ни страха, ни почти никакого отвращения, я пристально смотрела на того, кто умер несколько минут назад, и почему-то не могла отвести от него глаз.

Сделалось еще холодней. А затем всего через несколько коротких мгновений я заметила маленький темный сгусток, клубящийся над убитым. Он был очень странным, как будто живым, и только я собралась спросить у какого-нибудь стража, что это такое, как сгусток внезапно исчез, унеся с собой и холод.

— Вы замерзли? — участливо поинтересовался подошедший ко мне страж. — Пройдемте, я провожу вас до вашего экипажа, его уже осмотрели. Понимаю, вы испуганы, но мне необходимо задать вам несколько вопросов...

— Никаких вопросов, — тут же оборвал стража вернувшийся адмирал. — Все, что требуется, узнаете от меня. Передайте вашему капитану, что я пришлю в участок свое доверенное лицо ближе к вечеру.

— Но...

— Делайте, что велят.

Меня обняли за плечи, подвели к злополучному экипажу, кучер у которого успел смениться, и, что самое главное, сели в него вместе со мной. Даффи, конечно, также оказалась с нами, а еще я успела заметить, как из дома вышла грузная, закутанная в теплый платок женщина с крайне неприятными чертами лица — наверное, та самая тетка Красса.

Больше мы здесь не задерживались. Лошади послушно побежали прочь из мрачноватых мест и вскоре принесли нас на площадь, раскинувшуюся у Двухлунного театра. Здесь нам с Даффи пришлось попрощаться, потому как ее передали в надежные руки встретившего нас Джакена.

— С этого момента о девочке можете не беспокоиться, — одними уголками губ улыбнулся он, в то время как его глаза смотрели серьезно. — И, Эртан...

Джакен бросил на меня быстрый взгляд, как бы решая, говорить ли мне или нет, после чего ограничился лаконичным:

— Спасибо. За нами снова долг.

Хотя подробности озвучены не были, я все равно поняла, о чем речь. Адмирал помог семье Крилл решить проблемы, поэтому Джакен и чувствовал себя ему обязанным. В который раз я удивилась тому, сколько всего успевает лорд Рей и скольким оказывает помощь. Шутка ли — возглавлять морской флот, лично выходить в рейды с ловцами, постоянно поддерживать магическую защиту, да еще и участвовать в расследовании дел, касающихся осколков кристалла душ!

Я ожидала, что местом для разговора он выберет свой дом, но вместо этого мы приехали в небольшой, но уютный ресторанчик. Учитывая, что до этого времени адмирал беспокоился о моей репутации, почему и предложил переехать к родственникам, такой выбор был вполне оправдан. Разумеется, любопытных взглядов избежать не удалось, но по большей части они все же были уважительно-услужливыми. Кажется, во всей Нортегаре не существовало никого, кто бы не знал адмирала в лицо. Стоило нам приблизиться к входу, как навстречу моментально вышел метрдотель, раскланялся и проводил в зал, где предложил занять места за лучшим столиком. Лучший столик находился в центре, поэтому адмирал и, соответственно, я предпочли разместиться за другим, стоящим в дальней части.

Это заведение немного напоминало «Лазурную бухту» — один из самых хороших ресторанов Сумеречья. Здесь тоже имелись ширмы,

отгораживающие привилегированные столики, в интерьере преобладали голубые и бирюзовые тона, а также серебро — на канделябрах, потолочной лепнине, узорах на мебели...

Адмирал сделал заказ и, едва официант удалился, откинулся на спинку стула. Его губы чуть приоткрылись, выпуская негромкий усталый вздох. А ведь он действительно устал... очень. Исподлобья посмотрев на его руку, я заметила, что чешуя сошла с нее не до конца, хотя прежде исчезала сразу! Наверное, чем больше морской демон использует сил, тем труднее ему возвращать привычный облик.

— О чем ты хотела рассказать? — глядя на меня из-под полуприкрытых век, спросил адмирал.

Я совсем недолго помолчала, думая, как начать, и в итоге сказала как есть:

— Дело в том, что на вчерашнем балу присутствовал Кайер Флинт.

Со стороны могло показаться, что мои слова не произвели никакого эффекта, но я буквально почувствовала, как напрягся адмирал. Кажется, даже пара чешуек на тыльной стороне ладони снова проступила ярче.

По привычке сменяя платье, я осторожно добавила:

— Он меня танцевать приглашал...

Веки адмирала поднялись. Я инстинктивно вжалась в спинку стула.

— Фри-и-ида, — протянули мое имя.

— И еще сказал кое-что, — добила морского демона одна полуундина. — Очень важное.

— Фри-и-ида, — повторил он. — Прежде чем я задам вопрос о том, что же такого важного поведал тебе пират, позволь спросить, почему ты не сказала о его присутствии сразу?

Лучше бы он повысил голос, правда. Потому что от такого спокойного тона, каким ко мне обратились, захотелось избрать лучшую участь и утопиться. Не то чтобы я в этот момент по-настоящему боялась, но и чешуя, и общее состояние лорда Рея определенные опасения вызывали.

— Он взял с меня обещание, — подавив совершенно нелогичный страх на корню, сказала я. — Дал информацию в обмен на мое молчание. Понимаете... не так давно я ходила с Фэксом на рынок. И там зашла в магазин зелий, чтобы...

Я замолчала, поняв, что подошла к теме с совершенно неудачной стороны. Судя по выразительному взгляду, лорд Рей считал так же, и, чтобы сгладить оплошность, пришлось быстро продолжать:

— В общем, я случайно встретила там с леди Лавьет. Торговец передал ей какое-то зелье, за которое она отдала целых десять золотых. Я

понятия не имела, что именно за зелье, вплоть до минувшей ночи. Флинт сказал, что оно называется «Холодная смерть». А еще сказал, чтобы я обязательно рассказала о нем вам. Мол, вы точно знаете, что оно собой представляет. Вот.

«Вот» прозвучало подытоживающе, облегченно и оправдательно. Правда, облегчения хватило ненадолго, потому что взгляд адмирала стал таким, что теперь уже точно захотелось сигануть в холодное море и уплыть далеко-далеко. И понимала ведь, что адресован он вовсе не мне, но морозная дрожь все равно до костей пробрала!

— Значит, «Холодная смерть», — замораживая все вокруг одним только тоном, проговорил адмирал. — И купила ее леди Лавьет.

В следующую секунду за ширмой послышались приближающиеся шаги, и к нам подоспел улыбающийся официант, принесший заказанные блюда. Но как только он увидел лорда Рея, за спиной которого за клубился белесый туман из нескольких потерянных душ, улыбка с его лица мгновенно исчезла. Официант побледнел, сглотнул, судорожно опустил тарелки на стол, пожелал приятного аппетита и с невероятной скоростью удалился. Во всем ресторанчике вмиг стало как-то тихо.

Адмирал на несколько мгновений закрыл глаза, посидел неподвижно некоторое время, и души исчезли. Исчезла и чешуя, а вот тени под его глазами стали еще глубже, а кожа — бледнее.

— Нельзя же так, — негромко произнесла я. — Вы совсем себя не бережете. Вам ведь тоже отдыхать нужно...

Чего я никак не ожидала, так это того, что адмирал не станет отрицать:

— Нужно, — а затем поднимет на меня усталый взгляд и, как будто ни на что не надеясь, попросит: — Побудь со мной рядом, Фрида.

Я почти не колебалась. Медленно выдохнув, поднялась, подошла и присела на подлокотник его стула. А затем, сама не веря в то, что делаю, взяла и мягко, страшась собственного поступка, обняла его за шею и прислонилась виском к виску. Просто вдруг могущественный адмирал показался таким одиноким, таким нуждающимся в простом человеческом тепле, что сентиментально-сострадательная часть меня не выдержала.

В первое мгновение от моего прикосновения лорд Рей вздрогнул и, кажется, поверил в происходящее еще меньше моего. А затем с какой-то невероятно осторожной бережностью, точно боясь испугать, накрыл мою руку своей.

— Что такое «Холодная смерть?» — все же уточнила я спустя недолгое время.

Когда задумывалась над этим прежде, склонялась к тому, что это яд.

Скорее всего, сильнодействующий и с какими-нибудь особыми свойствами. Но реальность не то что удивила, она просто превзошла все мыслимые и немыслимые ожидания!

— Как тебе должно быть известно из лекций, некоторые маги в критических ситуациях пополняют запас сил искусственным путем, принимая специальное, подходящее их магии зелье. «Холодная смерть» относится к их числу, притом является не только невероятно редким и сложным в изготовлении, но еще и запрещенным.

— И каким магам оно подходит? — взволнованно спросила я, уже предчувствуя что-то очень-очень нехорошее.

Адмирал обернулся ко мне и ответил:

— Некромантам.

Вот же... тысяча кругов Глубины!

— Хотите сказать, — голос моментально сел, — что Аэлина купила его для... того самого некроманта, Тайлеса?

— Помнишь, я говорил, что стражи напали на след некроманта, и хотя ему удалось уйти, он был серьезно ранен? Быстро восстановиться после такого без использования дополнительной подпитки крайне сложно. А «Холодная смерть» способна помочь. — Адмирал внимательно посмотрел мне в глаза и подтвердил очевидное: — Твоя мать связана с Тайлесом, Фрида. И точно знает, где он сейчас находится.

ГЛАВА 19

Это было невероятно и невообразимо! Я стояла прямо у входа в Двулунный театр. И стояла не одна, а с самим лордом Реем — адмиралом королевского морского флота, повелителем четырехсот девяноста девяти потерянных душ и... И далее по списку.

Сразу после позднего завтрака в ресторане обладатель множества внушительных титулов отвез меня в особняк леди Шаркэ и попросил быть готовой к вечеру. Что подразумевалось под «быть готовой к вечеру», я не имела ни малейшего представления, и визит в театр стал для меня сюрпризом. Точнее, что-то подобное я начала предполагать сразу после того, как горничная приготовила для меня красивое выходное платье.

Я бы удивилась тому, что после известия о «Холодной смерти» адмирал предпочитает проводить вечер за просмотром спектакля, если бы своими собственными глазами не видела, насколько ему требуется этот короткий отдых. И представить сложно, какой сильный ущерб нанесли потерянные души, если даже такой маг, как адмирал, оказался измотан.

Впрочем, к вечеру от внешних проявлений его усталости не осталось и следа. Одет лорд Рей был, как всегда, безупречно, лицо посвежело и приняло здоровый вид, глаза обрели вполне нормальный привычный цвет, и в целом взгляд больше не грозил довести до обморока кого-нибудь особо впечатлительного.

Кажется, выпрыгивающее из груди сердце уже становилось традицией. Я помнила и об осколках, и о недавнем нападении, и об Аэлине с некромантом, но, великое Поднебесье, не восхищаться представшим передо мной великолепием просто не могла! И перестать чувствовать себя настоящей принцессой, проходящей по черной ковровой дорожке, не могла тоже. В театре дорогой бархат соседствовал с холодом темных каменных стен, массивность многочисленных скульптур — с пространством больших помещений и высокими потолками, темно-синий жемчуг, которым инкрустировали глаза некоторых статуй, — с легкой позолотой.

Я так увлеклась окружавшей меня красотой, что в какой-то момент перестала переживать из-за находящихся рядом лордов и леди. Наверное, на меня смотрели, меня оценивали, меня, как и лорда Рея, обсуждали... Но разве это важно?

Поднявшись по широкой лестнице, мы миновали коридор, прошли сквозь небольшую, но богато убранную комнату, где оставили верхнюю

одежду, и заняли места в ложе. Отсюда прекрасно просматривалась сцена, а нас защищали от посторонних взглядов высокие резные ширмы. К слову, на них были вырезаны саламандры — такие же, как в королевском дворце, а еще — птицы с четырьмя крыльями, олицетворяющие сильфов.

Мы пришли как раз к началу спектакля. Только-только разместились, как большой черный занавес медленно поднялся, открыв освещенную рассеянным серебристым светом сцену. Свет походил на лунный, он плавно опускался вниз и вскоре продемонстрировал поблескивающий кристалл, установленный на тяжелом мраморном постаменте.

— Это же... — выдохнула я, невольно подавшись вперед.

— Спектакль основан на легенде о кристалле душ, — придержав меня за руку, шепнул адмирал. — Благо большинство присутствующих действительно считают эту историю лишь легендой.

Зазвучала негромкая, несколько тревожная музыка, и за постаментом появился молодой беловолосый мужчина с черными, лишенными белков глазами. Подувший ветер смешался со стелющимся по сцене туманом, развеивал его длинные волосы и полы свободных одеяний. Униженная перстнями рука коснулась восьмиконечной хризантемы, бледные губы дрогнули в почти незаметной, кривой усмешке.

«Нагхар», — догадалась я, к своему ужасу почти поверив, что это действительно он.

Один из верховных столпов Глубины резко вскинул руки и выкрикнул несколько отрывистых фраз на кратфаге. Лунный свет внезапно исчез, сменившись темнотой, разбавляемой периодическими вспышками молний. Послышался гром, раздался бешеный шум волн, в воздухе проступил до невозможного реалистичный запах соли и горького пепла. Затем все стихло. И уже через пару мгновений перед замороженными зрителями предстали королевские покои и стоящий у окна король.

Словно не замечая замершего поблизости слугу, он произнес:

Свобода власти любя мне,
Мы победить должны в войне.
Заставить сильфов преклонить колени.
Оставить им одни лишь тени!
О, Глубина и сам Нагхар!
Поклясться в верности я буду рад.
Взамен прошу лишь ценный дар,
Что власть достать поможет мне.
Меня ты слышишь? Там, на дне,

Я знаю, есть бесценный клад.
Я за него продам и душу!
Скитаться стану по морям, по суше.
Ты лишь мольбу мою услышь...^[1]

Слуга прокашлялся:

Здесь только я, о мой король.
Позвольте ж вашему рабу
Смиренно кое-что сказать.
Что не дозволено мне знать,
Я все ж узнал и...

Я так заслушалась, что, незаметно для самой себя, затаила дыхание. Замерла, боясь шелохнуться и вынырнуть из чарующих глубин разворачивающегося на сцене действия. Отдавала себе отчет, что это всего лишь актеры, но не поверить им было почти невозможно! На таких грандиозных во всех смыслах спектаклях я еще не бывала... хотя, кого я обманываю? Можно сказать, ни на каких вообще не бывала. Представления небольшого передвижного театра, каждое лето приезжающего в Сумеречье, не в счет.

Согласно разыгрываемой версии далеких событий жена слуги знала одну глубинную ведьму, которая могла напрямую обращаться к Нагхару. Благодаря ей просьба короля и была услышана.

Далее все шло по знакомому сценарию: король отбывал в грот, затерянный в Сумеречном море, но там его поджидал сильнейший шторм, вызванный Ританой. В это время восемь ундин пробрались в грот, где находился и был создан кристалл, разбили его на восемь осколков и скрылись.

Еще на фоне таких масштабных событий рассказывались истории каждой из ундин — почти все они имели несчастный финал. Акцент в спектакле был сделан на том, что каждая из них пожертвовала собой, чтобы исполнить роль, определенную великой покровительницей морей. После того как ундины разъехались в разные уголки королевства и даже за его пределы, их неустанно искали теневые охотники, но тщетно. Ритана позаботилась о том, чтобы ее избранницы остались недосыгаемы для приспешников Нагхара. И все же срок их жизни заметно сократился из-за

участия в уничтожении кристалла.

Параллельно была рассказана история принцессы сильфов, которую в итоге выдали за наследника черных саламандр. После того как кристалл душ был уничтожен, враждующие расы породнились, а государства объединились, образовав одно Объединенное Двухлунное королевство. А сердцем новообразованного королевства был и продолжал оставаться по сей день один остров, скрытый извечными сумерками и омывающийся беспокойным морем, — Сумеречье. Загадочный, затерянный среди вод клочок земли, всегда оказывающийся в эпицентре грандиозных событий.

В финальной сцене вновь появился Нагхар в окружении полчища потерянных душ, увидев которые, я даже невольно вскрикнула. Очень уж натурально они выглядели!

Он восседал на троне и, смотря прямо перед собой, завершил спектакль строками:

Не закончена битва в морях и на суше.
Бойтесь вы, смертные, за свои души.
Новый начнется круг Глубины.
Из пучин к вам придут дети тьмы...

Меня, как и, подозреваю, остальных зрителей, пробрало до дрожи. После того как занавес опустился, в зале повисла абсолютная, буквально мертвая тишина. А затем, когда занавес вновь подняли и все артисты вышли на сцену, разразились такие оглушительные овации, какими встречали разве что принцессу Калисту. И я аплодировала вместе со всеми, испытывая непередаваемый восторг, искренне восхищаясь талантом актеров, режиссера и всех, причастных к постановке спектакля.

— А я переживал, что ты можешь принять это прочтение близко к сердцу, — в тоне адмирала, как мне показалось, прозвучало облегчение.

Выйдя из ложи, мы не спеша надевали верхнюю одежду.

— Вы о том, что все истории ундин имели трагичный финал? — понятно улыбнулась я. — Мне кажется, только мы определяем то, что нас будет ждать в конце пути. А если все-таки это решают за нас и не в наших силах что-либо изменить, тогда тем более нет смысла зря переживать.

— Вы меня удивляете, леди Талмор, — помогая мне надеть шубку, заметил адмирал.

— Пожалуйста, не зовите меня так, — невольно вздрогнув, когда его пальцы коснулись моей открытой шеи, попросила я.

— Только если вы, леди Талмор, станете называть меня так, как я уже давно прошу.

Должно быть, атмосфера театра обладала какой-то особой и очень сильной магией, которая наполняла и эту небольшую комнатку. Иначе как объяснить то, что я медленно обернулась, благодаря неведомо откуда взявшейся смелости посмотрела в прозрачно-голубые глаза и по слогам, как он когда-то учил, проронила:

— Эр-тан...

Тишина. А затем, не отводя взгляда, он севшим голосом сказал:

— Ты снова меня удивляешь, Фрида...

Моей внезапно вспыхнувшей смелости надолго не хватило, и, опустив глаза, я смущенно улыбнулась. Затем чуть подрагивающими пальцами застегнула крючки на шубке, накинула меховой капюшон, и мы вышли в коридор. Во время антракта мы уже прогуливались здесь, но тогда впечатления от спектакля зашкаливали настолько, что я была не способна поддерживать разговор. Сейчас же, успешно сменив щекотливую тему, мы обсуждали просмотренное и делились теми самыми впечатлениями. Даже немного спорили. Лорду Рею, видите ли, не понравилась игра Нагхара!

— В конце она была особенно убедительна, — возражала я, не обращая внимания на идущую наравне с нами покинувшую ложи публику. — И взгляд, и голос, и каждое движение — я даже поверила, что передо мной настоящий Нагхар!

— Много ли вы знаете о Нагхаре, прекрасная леди? — неожиданно прозвучал поблизости незнакомый мужской голос.

Сперва я уловила перемену в настроении адмирала, а затем увидела поравнявшегося с нами молодого мужчину, черные волосы которого были собраны в низкий хвост.

Принц Дэрэн!

— Ваше высочество, — вторя моим мыслям, произнес лорд Рей.

— Полно вам, Эртан, — покачал головой принц. — Вы знаете, что для вас я просто Дэрэн.

Судя по повисшему между этими двумя напряжению, адмирал был последним, с кем принц стал бы водить дружеские отношения, причем это было взаимно. Поэтому его последнее замечание больше походило на насмешку.

Принц не вызвал у меня симпатии еще на балу, а теперь неприязнь к нему усилилась. Даже страха перед венценосной особой почти не было — скорее, тревога и настороженность. Впрочем, не будь рядом адмирала, чувствовала бы я себя точно по-другому.

— Насколько я помню, вы не слишком любите театр, — обманчиво-почтительным тоном заметил лорд Рей. — Что же толкнуло вас снизойти до его посещения этим вечером? Интерес к старым легендам?

Последний вопрос явно являлся намеком.

— Грех не посетить главную премьеру зимнего сезона, — прищурившись, с полуулыбкой ответил принц. — Никогда не поздно приобщиться к искусству, которое, как известно, облагораживает даже самую темную душу. Леди Талмор, — без перехода обратился он ко мне, заставив непроизвольно вздрогнуть. — Если желаете возвращаться в высшем свете, не следует забывать о правилах. Вы не обладаете привилегиями вашего спутника, и все же на первый раз я вас прощаю.

И тут до меня дошло, что, остановившись, даже лорд Рей склонил голову, а я забыла сделать не то что глубокий реверанс, но хоть как-то поклониться. Вот ши!

Видимо сочтя, что чести пребывать в его обществе с нас достаточно, его высочество попрощался и присоединился к какому-то лорду со спутницей. В это же время я обратила внимание на пару шествующих за ним мужчин, вероятно, охранников, которых из-за темной, ничем не примечательной одежды не заметила сразу.

— Прогуляемся? — предложил адмирал, когда мы вышли на улицу.

Я не горела желанием возвращаться в родовое гнездовье «подводных паучих», поэтому с энтузиазмом согласилась. Карета медленно катилась рядом с нами, запряженная породистыми келпи, и я подумала, что нужно будет собраться и еще разок прокатиться на Тени. А то стоит, бедненькая, в стойле...

— Обратила внимание на его охрану? — неожиданно спросил лорд Рей, когда мы отошли от театра.

— С ними что-то не так? — удивилась я, мысленно возвращаясь к одетым в черное мужчинам.

— Кто они? — Он замедлил шаг. — По расовой принадлежности.

— Люди? — предположила я и, нахмурившись, тут же возразила сама себе: — Нет, точно не люди... Черные саламандры?

Адмирал кивнул:

— Чистоту крови соблюдают только члены королевской семьи и немногочисленные представители высочайшей знати. Почти все придворные, личная охрана и некоторые приближенные слуги — полукровки. Тем не менее толика извечного огня в них есть. Понимаешь, к чему я клоню?

Чтобы понять, много времени не потребовалось. Вот же... снова ши!

Тот, кто сегодня убил одного из нападавших на меня, применил очень странную и сильную магию, какой я прежде не видела! А тело убитого было обгорелым.

Я даже остановилась:

— Имеете в виду, что к этому причастен принц?

— Имею в виду, — адмирал остановился вместе со мной, — что кристалл душ хочет собрать кто-то из приближенных короля. Из королевской семьи. Не удивлюсь, если это все королевские отпрыски, желающие потеснить кронпринцессу. И принц Дэрэн в данном случае — главный претендент.

— Но ведь нельзя быть уверенным в этом наверняка? — с сомнением уточнила я. — Все же речь о принце...

Адмирал усмехнулся:

— Вот именно, что о принце, — и, став серьезным, добавил: — Он запомнил твое имя, Фрида. Хотя даже именами своих сменяющих друг друга пассий не интересуется.

Мы возобновили путь, и рядом мерно застучали копытца келпи. Ночная Нортегара проступала вокруг во всей своей красе, но в настоящий момент меня почти не трогали ни бесчисленные огни, ни фасады изящных зданий, ни косящиеся в нашу сторону прохожие. Слова лорда Рея заставили нервничать. Хотя к этому мы стремились изначально — привлечь внимание потенциального охотника за осколками, но сейчас я ощущала себя неудобно. Принц же все-таки, ши его возьми!

Но, как оказалось чуть позже, главные волнения и сюрпризы этого вечера поджидали меня впереди. Еще немного пройдясь пешком и подышав хрустальным морозным воздухом, мы вновь сели в карету, которая доставила нас в мое временное место жительства. И вот именно там началось самое интересное. Пару часов назад леди Шаркэ отправилась на какой-то прием и до сих пор отсутствовала, зато Аэлина находилась дома.

Свободно перемещаясь по особняку как по своему собственному, адмирал поднялся на второй этаж и, спросив дорогу у дворецкого, уверенно подошел к ее покоям. Затем постучал и, когда Аэлина спросила, кто там, кивком велел мне ответить.

— Фрида, — послушно ответила я, предчувствуя, что сейчас что-то будет.

Точнее, не просто какое-то неопределенное «что-то», а вполне конкретный разговор, темой которого станет приобретение Аэлиной «Холодной смерти». Смешно, но из-за впечатлений от просмотра спектакля

и встречи с принцем я совсем об этом забыла! А адмирал помнил. И действовал, не откладывая.

Дверь нам открыла личная горничная леди Лавьет. Сама же Аэлина в это время сидела за туалетным столиком, закинув ногу за ногу и легко касаясь лица невесомой пуховкой. К слову, о ногах. Слабо затянутый поясом халат открывал их почти полностью, демонстрируя изящество и совершенство.

Когда Аэлина заметила, что я не одна, на ее лице не отразилось ни капли смущения. Невольно подумалось, что на ее месте я бы сгорела со стыда!

— О, лорд Рей. — Она повела плечом и улыбнулась. — Чем обязана такому неожиданному визиту?

— Прошу прощения за вторжение, леди Лавьет, но у нас к вам срочный, не терпящий отлагательств разговор, — произнес адмирал, переступив порог. — Если не возражаете, мы бы предпочли переговорить с вами с глазу на глаз.

По мере того, как Аэлина всматривалась в лицо неожиданного гостя, ее собственное становилось все бледнее. Она быстро поняла, что тот пришел к ней не просто так, а «срочный разговор» грозит ей крупными неприятностями. Я же в это время смаковала сказанное адмиралом «мы». Понравилось мне, как оно прозвучало. Просто живой водой на сердце пролилось!

Несколько дергано подав знак горничной уйти, Аэлина развернулась к нам вполборота и предложила присесть. Я машинально воспользовалась этим предложением, а лорд Рей остался стоять, отчего, возвышаясь над нами, казался еще внушительней. Мне уже были хорошо знакомы и этот его взгляд, и выражение лица — холодная отстраненность, вкрадчивая вежливость и прямо-таки убийственная пронизательность, словно он в самом деле видел чужие души.

— Поскольку ваша достопочтенная матушка вернется совсем скоро, не будем ходить вокруг да около, — произнес адмирал, позволив себе ту самую вежливо-холодную улыбку. И как только Аэлина вскинулась, намереваясь что-то возразить, отрезал: — Поверьте, вы тоже не хотите, чтобы она присутствовала при этом разговоре. Вам знакомо имя Тайлес?

В отличие от леди Шаркэ потрясающим умением сохранять видимость равнодушия Аэлина не обладала. И сейчас вздрогнула всем телом, явно не ожидая услышать такой вопрос.

— Возможно, слышала, — выдавила она с деланным легкомыслием. — Как и мы все, я знаю множество имен.

— А некромант с таким именем? — убивая ее не только очередным вопросом, но и взглядом, ровно уточнил адмирал.

Аэлина вздрогнула повторно, и ее лицо побелело настолько, что сквозь тонкую кожу стали видны синие узоры вен. И слепой бы почувствовал, как она занервничала. Да что там занервничала — перепугалась до смерти!

— Понятия не имею, о ком вы говорите, — все же соврала она, из последних сил пытаясь сохранять невозмутимость.

Показательно вздохнув, адмирал Рей сделал по направлению к ней еще несколько шагов, остановился совсем рядом и спокойно произнес:

— Леди Лавьет, не в моих правилах давить на женщин, но вы вынуждаете меня это делать. Вам же не хочется оказаться в столичной тюрьме? Вы ведь не пират Кайер Флинт, сбежать из нее не сможете. Нужно напоминать, какой приговор выносят всем, кто имеет связь с некромантией?

Если до этого Аэлина была неестественно бледна, то теперь ее кожа сравнялась по тону с покрывающим улицы свежим снегом. Все знали, что пойманным на таком преступлении путь один — болтаться на виселице. Какими бы знатными персонами они ни были.

— Предлагаю сотрудничество, — с прежним спокойствием продолжил адмирал. — Вы выдадите нынешнее местонахождение Тайлеса, я не предаю огласке ваше с ним знакомство. И еще. Мне необходимо узнать от вас месторасположение грота, где был создан и уничтожен кристалл душ. Не сомневаюсь, вам о нем известно.

Пожалуй, оказаться на месте Аэлины — последнее, чего бы мне хотелось в настоящий момент. Ее панический страх стал ощутим буквально физически, причем, что странно, казалось — насколько сильно она боится адмирала и последствий своих поступков, настолько же сильно боится чего-то другого... Чего? Неужели выдать некроманта?

— Он вас запугал? — вмешалась я в разговор. — Шантажировал? Заставил помогать силой?

— Я... — выдавила Аэлина непривычно глухим голосом. — Я не знаю, где сейчас Тайлес. У меня был перед ним долг, я его вернула, передав «Холодную смерть», на этом наши пути разошлись. Что до грота, — она подняла глаза на лорда Рея, — вы правы, информация о его местонахождении передается в нашем роду от матери к дочери, из поколения в поколение. Но вряд ли она о чем-то вам скажет — мы и сами не знаем, что обозначают эти строки.

— А вы поделитесь, — чуть прищурившись, посоветовал адмирал. — Вдруг то, что не сумели понять избранницы Ританы, разгадает морской

демон.

На сей раз вздрогнули мы обе — и Аэлина, и я. На моей памяти, адмирал впервые назвал себя морским демоном — обычно он использовал определение «маг первой ступени».

Прозвучало... угрожающе. Зловеще, я бы сказала.

— Хорошо, — облизав бледные губы, кивнула Аэлина. И тут же потрянула тщательно уложенными локонами, словно бы сбрасывая возникшее оцепенение, после чего совершенно иным, отстраненным тоном произнесла: — Там, где смерть спорит с жизнью. Там, где жизнь дает смерть. Там, где можно воскреснуть, где нельзя умереть.

Сказав это, Аэлина выразительно вскинула тонкую бровь, как бы добавляя: «Видите, сплошной туман».

Адмирал выглядел задумчивым, и взгляд его устремился куда-то вглубь пространства. Я тоже задумалась над услышанным, но долго размышлять не получилось, потому что спустя недолгую паузу лорд Рей обратился ко мне, неожиданно попросив:

— Фрида, ты не могла бы пойти в конюшню и проведать Тень? Келпи нуждается в твоём внимании.

Вот так очень вежливо и мягко меня попросили удалиться. Такой поворот несколько удивил, даже чуть-чуть обидел, но спорить я не стала. Кивнула, неспешно поднялась и молча вышла за дверь.

Сделала несколько шажков по коридору и... тихонько вернувшись обратно, прильнула к двери. Очень, Фрида, очень плохо подслушивать! Недостойно! Некрасиво! Но я же аккуратненько, незаметно...

Незаметно не получилось. Только я замерла, приготовившись бессовестно слушать то, что не предназначалось для моих ушей, как потянуло знакомым холодом и рядом со мной, точно выскочивший из табакерки ши, появился Дымок.

— Смею заметить, — прошелестела сотканная из тумана фигура, — эта добротная дверь не нуждается в том, чтобы ее подпирали.

Мгновенно вспыхнув, я отпрянула, но тут же взяла себя в руки и вновь зашагала по коридору с таким видом, словно не меня только что застукали за совершенно неприглядным занятием. Предположений, почему лорд Рей попросил меня уйти, было несколько, и я склонялась к тому, что он просто намеревался посильнее надавить на Аэлину, вынудив ее сказать правду о Тайлесе. Даже мне показалось, что она соврала на его счет. А если подозрения возникли у меня, что уж говорить о проницательном адмирале, чувствующем малейшую ложь!

Конюх моему приходу ничуть не удивился и беспрекословно провел к

стойлу, где стояла Тень. Было нечто забавное в том, что я совсем недавно о ней вспоминала и думала, что надо бы навестить келпи, как вдруг лорд Рей мимоходом меня к ней направил. Вот ведь точно, чтец чужих душ!

Предварительно я захватила из вазы в гостиной яблоко, которое теперь скормила лошадке. Не морское, конечно, но даже самое обычное, судя по всему, пришлось ей по вкусу. Пока Тень ела, я гладила ее по шелковистой гриве и ощущала, как теплело на душе. Любила я проводить время в компании всякой живности, очень. Сразу настроение поднималось, и на сердце делалось чуточку светлей.

— Красавица, — проговорила я, отдав келпи вторую половинку яблока. — Мы с тобой еще обязательно покатаемся...

В стойле имелся небольшой расшатанный табурет, на который я присела, не жалея дорогой одежды. Удивительно — здесь, в конюшне, рядом с водяной лошадкой я чувствовала себя лучше, чем в комнатах роскошного особняка. Откуда-то с улицы доносился отдаленный стук карет и экипажей, несильный шум ветра, рядом тихо всхрапывала Тень, и в целом картина была такой спокойной, что постепенно этот покой передался и мне.

Кажется, незаметно для себя я даже впала в легкую дремоту, из которой меня вывел звук приближающихся шагов. Вмиг подобравшись, я распахнула глаза, вскинула голову и уже через несколько секунд лицезрела пришедшего в конюшню адмирала.

Возникло чувство, будто я перенеслась на пару месяцев назад, в вечер нашей первой встречи. Тогда он производил такое же впечатление — мрачный, задумчивый, вызывающий невольный страх. И ясновидящей быть не требовалось, чтобы понять — это последствия разговора с Аэлиной.

— Что? — только и смогла спросить я, вложив в одно слово сразу все свои вопросы.

— Завтра мы возвращаемся в Сумеречье, — опершись о дверной косяк, ошаршил меня адмирал. — Остаться в столице тебе больше ни к чему, вдобавок это небезопасно... разумеется, если ты сама не желаешь задержаться в обществе новообретенной семьи.

— Они мне не семья, — машинально возразила я и, переварив новость, уточнила: — Такая спешка связана со словами Аэлины? Вы хотите отыскать грот?

Немного помолчав, лорд Рей ответил:

— В первую очередь я хочу быть уверен, что с тобой ничего не случится. Ты появилась в высшем свете, показалась на людях, придя в театр, и все, кому это было нужно, тебя заметили. Остаться в Нортегаре

дольше рискованно. Да и бессмысленно, учитывая, что теперь нам известно о гроте то же, что и твоим родственницам.

Тень негромко заржала и ткнула мне в плечо, привлекая внимание. Снова ее погладив, я поинтересовалась:

— Вы знаете, как трактовать те строчки? Хоть какие-нибудь варианты есть?

— Хоть какие-нибудь точно есть, — усмехнулся адмирал, но его глаза остались пронизывающе-серьезными. — В общем, в Сумеречье возвращаемся завтра вечером по Призрачному мосту. До этого времени тебе лучше не выходить из дома. Здесь отличная охрана, хотя потерянная душа в любом случае будет рядом.

— А почему Дымок не проявил себя на балу? — воспользовавшись удобным моментом, спросила я. — Ну... когда рядом был Флинт.

Упомянутый Дымок снова появился до того внезапно, что я испуганно ойкнула. Обратив ко мне пустые, такие же туманные, как и все его тело, глаза, произнес:

— На балу он не представлял для вас угрозы. Опасности вы не подвергались.

— А нельзя сделать так, чтобы вы благодаря Дымку всегда знали, когда около меня находится Флинт? — вновь поинтересовалась я у адмирала, подумав, что это было бы очень удобно.

— Нет, — разочаровал тот. — К сожалению, это невозможно.

Я вздохнула и, немного помедлив, захотела вернуться к теме некроманта и грота, но, наткнувшись на взгляд прозрачно-голубых глаз, в которых теперь, помимо прочего, отражалась еще и усталость, передумала.

Некоторую недосказанность между нами этот вечер определенно оставил. Но я надеялась, что уже завтра она исчезнет.

ГЛАВА 20

— О, доходяга ундинистая!

— Ловец полудохлый приехал!

— Где пропадало, несчастье кадетистое?

Ехидные голоса сирен ласкали слух лучше всяких мелодий. Я дома! Поверить невозможно, но я действительно вернулась в Сумеречье, хотя еще пару дней назад ничто этого не предвещало!

Когда моя скромная дорожная сумка была собрана и погружена в экипаж, а я сама вышла из особняка, леди Шаркэ облегченно выдохнула. Это если говорить образно, потому что внешне она осталась, как всегда, бесстрастной. Даже Аэлина, в последний момент тоже вышедшая на крыльцо, сохраняла невозмутимое спокойствие, подражая своей мамочке. Казалось, ее недавнего разговора с адмиралом не было вовсе, но я знала, что это равнодушие напускное.

И вот я в корпусе. Вернулась туда, куда так стремилось мое сердце. Пусть мое пребывание в столице вышло недолгим, зато количества пережитых там эмоций могло хватить на несколько лет вперед.

Стоял поздний вечер. Оконные стекла разукрасил крепкий мороз, на фоне темного неба порхали хлопья белоснежного снега, даже до моей комнаты долетали отголоски шума волн. Как же я по ним соскучилась! По соленому запаху, по синим сумеркам, даже по холоду! И по недремлющему Сумеречному морю, принадлежащему всем и одновременно никому...

— А мы тут уборочку генеральную провели, — верещали потерянные души, пока я раскладывала вещи. — Пылищи-то накопилось, прости Глубина! Ни стыда, ни совести у тебя нет! Умотала невесть куда, бросила нас здесь одних, а нам, между прочим, ску-у-учно!

— Что, больше некого доставать? — усмехнулась я, с опаской отправляя шаромаг в дальний уголок тумбочки.

— Еще и благодарности никакой! — припечатали меня сирены. — Мы тут ей и об ужине позаботились, Карка уговаривать пришлось, чтобы подал его прямо сюда! А она...

Ужин, если его можно было назвать таковым, выглядел плачевно. Подгоревшее месиво, видимо некогда бывшее рисовой кашей, и такой же подгоревший сухарик в паре с сомнительного вида чаем. Словом, Карк в своем репертуаре.

— Спасибо, — все-таки поблагодарила я почти искренне, чтобы тут же

поинтересоваться: — Что нового в корпусе? Происходило что-нибудь важное в мое отсутствие?

Спрашивая об этом, я надеялась в том числе услышать подробности о преодолевших барьер потерянных душах, но сирены поделиться новостями не соизволили. Исключительно из вредности. Возникло ощущение, что, будь у них лица, на тех бы расплылись издевательские такие ухмылочки. Но расстраиваться по этому поводу не пришлось, ведь как только с разборкой вещей было покончено, в дверь комнаты постучали. Открыв, я тут же оказалась в объятиях разбушевавшегося вихря, каким предстала предо мной Крилл.

— Фрида! — чуть ли не задушив меня от радости, воскликнула она. — Ты почему сразу ко мне не зашла? Поднебесные, я ведь за тебя испереживалась! Ты как? Как тебе Нортегара? Где была, что смотрела?

Обрушив ворох вопросов, меня утащили на кровать, усадили, сунули в руки тот самый сомнительный чай и с горящим взором потребовали:

— Рассказывай!

— Верить или нет, даже не знаю, с чего начать, — придя в себя, коротко засмеялась я. — Много всего — и событий, и впечатлений... Лучше ты мне сначала расскажи, как дела в корпусе. Что за история с перелетевшими барьер душами? Когда это произошло, наш отряд тоже был в море?

До этого буквально сияющая Крилл мгновенно поникла.

— Да, — проронила она. — Мы вышли в море, как и все другие отряды. Ты не представляешь, что творилось на северном и восточном побережьях. Души были буквально повсюду, в жизни столько сразу не видела... но в общем-то непоправимого урона они не нанесли. Вот только...

Крилл замолкла.

— Только что? — подтолкнула ее продолжить я.

— Все, кто видел, как с ними справлялся лорд Рей, до сих пор отойти не могут. — Она перевела на меня горестный взгляд. — Вроде понимают, что он Сумеречье защищал, но зрелище было и впрямь не для слабонервных. Многие в ужасе от того, что всего один маг может выступить против целого полчища потерянных и одержать верх. При том пользуясь такими же душами, только находящимися в личном подчинении. Он фактически их столкнул — своих и тех, что прорвались сквозь барьер. Все жители острова могли наблюдать эту сцену. А он ведь потом и барьер восстановил, да еще и значительно его усовершенствовал...

Я была поражена. Конечно, о том, что произошло, знала и до этого, но

подробности впечатляли. Великое Поднебесье, адмирал же после всего и Даффи пристроил, и в тот же вечер в театр со мной пошел, и с Аэлиной поговорил!

— Его теперь еще больше боятся, — закончила Крилл. — Но, наверное, это и хорошо. В Сумеречье давно пора навести порядок. Может, хотя бы контрабандисты да пираты будут меньше высовываться...

Ох, Крилл, знала бы ты, насколько контрабандисты и пираты мелкая проблема в настоящее время... Разумеется, не считая Флинта.

— Я когда по Призрачному мосту шла, видела сразу несколько кораблей. Усилили патрули?

Крилл кивнула:

— Мы теперь чаще в рейды выходим. Кстати, завтра сразу после утренней тренировки отбываем. Вообще-то наш черед только вечером, но сегодня капитан Вагхан сообщил об изменившихся планах, сказал, что у нас будет какое-то особое задание. — Чуть прищурившись, она внимательно на меня посмотрела. — Не знаешь какое?

— Могу только предполагать, — помявшись, ответила я. — Прости, не думаю, что мне стоит об этом распространяться. Если адмирал Рей сочтет нужным, он расскажет обо всем сам.

Крилл только повторно вздохнула, а обижаться на мой отказ откровенничать и не подумала. Она вообще отличалась удивительной тактичностью и отсутствием чрезмерного любопытства.

— Ну, о Нортегаре ты хотя бы говорить можешь? — усевшись поудобней, она притянула к себе подушку. — Впечатлениями все-таки поделишься?

О да, я поделилась. Наконец появился человек, кому можно было выговориться!

Мы сидели допоздна. Я рассказывала о своих эмоциях, вызванных столицей, о посещении потрясающего Двулунного театра и бала во дворце, где видела самого короля и кронпринцессу. О Тени, которая прибыла в Сумеречье вместе со мной и сейчас стояла в ангаре. О брате Крилл, благодаря которому одна маленькая сиротка получила шанс на лучшую жизнь. О лорде и леди Гвор, которых я видела на балу и которые, несмотря ни на что, гордятся своей дочерью.

— То есть спектакль ты смотрела вместе с лордом Реем? — почему-то заинтересовавшись именно этим моментом, уточнила Крилл.

Мысленно вернувшись в те волшебные моменты, я кивнула.

— И как он?

— Интересный, — с до сих пор не угасшим восторгом вспомнила я. —

Актерская игра просто восхитительна...

— Я имею в виду лорда Рея, — теперь совсем нетактично перебила меня Крилл, губы которой изогнулись в крайне подозрительной улыбке.

— Благородный, заботливый, краси... — машинально начала перечислять я и, осознав, что говорю вслух, резко осеклась.

Крилл достался полный возмущения взгляд, а она в свою очередь послала мне ответный — лукавый и такой же, как улыбка, подозрительный.

— Что? — Я сложила руки на груди, ощущая, как предательски покраснели щеки.

— Ничего, — откровенно соврала Крилл, аккуратно расправив на покрывале складочки. — Пойду я, поздно уже.

Негромко что-то напевая, она под моим немигающим взглядом дошла до двери и, обернувшись, бросила:

— А лорд Рей и вправду красив. Как сами глубинные.

И, не дав мне возможности ответить, шустро юркнула в коридор, после чего я услышала удаляющийся, вновь зазвучавший мотивчик.

— Кадет Талмор, если вы полагаете, что прошлые увольнительные дают вам поблажку, вынужден разочаровать! — сурово нахмурившись, крикнул капитан Вагхан. — Подъем! Сейчас же!

Я, оказывается, уже и забыла, каким сильным эффектом может обладать его голос. А сейчас моментально вспомнила и, поднапрягшись, оторвала живот от снега, после чего сделала тридцатое по счету отжимание.

— Через месяц клятву ловцов приносить, а подготовка хуже, чем у новоизбранных кадетов! — вслед за мной досталось остальным. — Кадет Уилград, вам особое приглашение на отжимание выписать?!

Сегодня капитан Вагхан явно был в ударе, причем в самом плохом смысле этого слова. Пребывая в отвратительнейшем настроении, он не щадил ни нас, ни собственных голосовых связок, которым, между прочим, мог очень навредить не на шутку разыгравшийся с утра мороз.

— Господа, а вы почему из себя жеманных девиц изображаете?! — досталось и нашим кураторам. — Живо дополнительный круг вокруг корпуса! Ловец Аргар Грэйдэ, проверить готовность летунов!

— Есть! — моментально среагировал саламандр и, довольный поручением, помчался на полигон для взлетов.

После отжиманий кадеты традиционно пробежали дополнительные круги, которых на этот раз, совсем нетрадиционно, было целых два. Несмотря на то что снег был расчищен, тонкий его слой все равно

затруднял движение, добавляя страданий каждой мышце гудящих ног.

— Это он из-за Сильвии так зверствует, — с прерывистым дыханием шепотом поделилась со мной Крилл. — Как они ни пытались это скрыть, а уже весь корпус знает, что она в него влюблена, в то время как помолвлена с другим.

Сначала я удивилась — лишь на короткую долю секунды, а затем вспомнила случайно подслушанный разговор между ними на корабле. Выходит, от своего Сильвия Уилград не отступилась, и капитан Вагхан решение тоже не изменил...

Сразу после тренировки, как и предупреждала накануне Крилл, мы сели на грифонов, и те доставили нас в гавань, где «Летящий» уже был готов к отплытию. Поднимаясь по трапу, я ощущала волнение почти как перед первым своим рейдом. Море сегодня казалось особенно тревожным, хотя и было относительно спокойным. В последний раз, когда стихали волны, со дна поднялось целое полчище нежити, так что ассоциации возникли не самые приятные. Успокаивало то, что, пусть и слабенькие, сейчас волны все же были.

— Драить, драить, — проворчал корабельный женоненавистник, окуная новую швабру в ведро. — Грязи наносят они, а драить мне! Тьфу! Опять куча баб приперлась...

Это бормотание было почти таким же сладким, пролившимся на сердце бальзамом, как голоса привязанных к моей комнате сирен. После лицемерной вежливости слушать недовольство, пусть даже подкрепленное парочкой крепких словечек, — самое настоящее удовольствие!

Белоснежные паруса наполнил морозный воздух, активировались управляющие «Летящим» потерянные души, и мы отчалили, прорезая темно-синие воды Сумеречного моря. Перемены я ощутила сразу. Если раньше до того, как пересечь защитный барьер, все были относительно расслаблены, то теперь на расслабленность не было и намека. Еще не выйдя из гавани, мы заняли свои позиции, я оказалась рядом с Тэйном и приготовилась исполнять свою роль, если это внезапно понадобится.

Сумерки — сгустившиеся, тяжелые, как будто не утренние, предвещающие скорое наступление дня, а вечерние, предшествующие темной ночи, развеиваться не собирались. Выходить в открытое море при таких обстоятельствах было рискованно, но не выходить — рискованно вдвойне. Кто, если не мы, позаботится о безопасности в Сумеречье?

Того момента, когда нам сообщат об «особой цели» рейда, мы все ждали с напряженным нетерпением, однако ожидание затянулось надолго. Для всех, кроме меня. Когда гавань осталась позади, капитан Вагхан

поймал мой взгляд и жестом велел подойти. А затем, не привлекая внимания остальных, проводил в двухкомнатную каюту, судя по всему, принадлежащую ему.

Не понимая, для чего мы сюда пришли, я только собралась об этом спросить, как вдруг воздух заколебался, рядом появился знакомый белесый проем, и уже через миг перед нами предстал адмирал Рей.

— Мы держим курс на Туманные острова, — без предисловий произнес он. — Именно близ них когда-то пошел ко дну призрачный оркестр.

— Призрачный оркестр? — непонимающе переспросила я. — При чем здесь...

И тут же смолкла, осененная осознанием. Ши возьми! Почему я раньше об этом не подумала?

Как там говорила Аэлина? «Там, где смерть спорит с жизнью. Там, где жизнь дает смерть. Там, где можно воскреснуть, где нельзя умереть».

Утонув, все музыканты из оркестра застряли между Глубиной и Поднебесьем, став потерянными душами, хотя являлись простыми людьми. Притом что они обрели призрачную форму, общие человеческие черты все же сохранили, а вдобавок остались миролюбивыми и совершенно неагрессивными.

— Я делала доклад для зачета у капитана Диатея, — припомнила я недавнее прозябание над учебниками. — Скопление магии может оказывать на потерянные души непредсказуемый эффект и вызывать аномалии в их поведении. Получается, в том месте, где затонул оркестр, присутствует сильная магия! Думаете... это оно?

— Надо же, кадет Талмор, — хмыкнул капитан Вагхан. — Похоже, высший балл за зачет вы получили не зря, если до сих пор это помните.

— Пока мы лишь предполагаем, — ответил мне адмирал, подойдя к висящей на стене карте. — Место, о котором идет речь, находится вот здесь. — Его указательный палец опустился на участок моря рядом с Туманными островами. — Его пытались изучать, но это было давно. Сейчас мы сделаем это тщательнее.

«А если учесть повышенную активность всяких сущностей, шансы обнаружить грот или просто что-нибудь важное возрастают», — мысленно добавила я.

— В последний раз, пересекая барьер, души летели именно отсюда, — произнес адмирал и тут же подтвердил мои мысли: — Этой ночью близ Туманных островов наблюдалось большое их скопление. Даже если грот находится не там, появление одного или нескольких осколков в этом месте

вполне вероятно. Я объясняю это тебе лично, потому что остальные будут думать, что мы просто ищем некий важный артефакт.

Прозрачно-голубые глаза окутали меня пронзительным льдом.

— Не упоминай об осколках, Фрида. Чем меньше о них знают, тем лучше.

Не отводя взгляда, я кивнула, понимая, чем обоснована такая просьба. Вернее, учитывая, что мы сейчас на корабле, — приказ.

Дольше меня в каюте не задерживали, и я вернулась к сослуживцам, в то время как адмирал с капитаном остались. Уходя, я ощущала прикованные ко мне тяжелые взгляды. Едва выйдя за дверь, поежилась, инстинктивно желая избавиться от этой давящей тяжести, и поспешила наверх. Не совсем понимала, чем заслужила такое пристальное внимание, особенно со стороны капитана Вагхана, но решила сейчас об этом не задумываться. Хотя мне все еще казалось, что адмирал Рей после отъезда из столицы о чем-то умалчивает.

Ко всеобщему удивлению, до барьера мы добрались без происшествий, так же без происшествий его пересекли, и даже после на нас напали не сразу. Души появились спустя минут пятнадцать, а появлению их предшествовал хорошо знакомый, леденящий душу холод, от которого над водой расстелилась белая, разбавившая синие сумерки мгла.

Вот теперь я в полной мере осознала, что пару недель назад они просто разминались, а настоящую активность проявили сейчас! Наш отряд действовал слаженно, как единое целое, что способствовало успешному отражению атак, уничтожению пятнадцати и поимке еще трех потерянных душ.

Поначалу я опасалась, что недолгий перерыв в работе мог повлиять на мои навыки, но, к счастью, опасения себя не оправдали. Обеспечивать Косичку подпиткой у меня по-прежнему получалось, притом, кажется, даже немного лучше, чем раньше. Удивительно, но водную энергию я стала чувствовать острее. Может, общение с родней повлияло? Или просто способности развиваются вместе со становлением меня как ундины? Как бы то ни было, самое главное — результат.

Не прекращая развеивать и по возможности отлавливать души, мы стремительно приближались к Туманным островам. Даже невзирая на сумерки, их силуэты уже угадывались впереди — мрачноватые, негостеприимные, такие же, как их обитатели.

Уже несколько веков как на Туманных островах проживают огры, которых презирают и сторонятся не меньше, а может, даже больше гноллов. Этим любителям отобедать человечинкой запрещено покидать места своего

обитания, а тем, кто преступает закон, грозит смертная казнь. Можно сказать, на островах существует своеобразная колония, причем для перевоспитания. Вот только огры — народ, поддающийся воспитанию из рук вон плохо, поэтому сходить на их острова редко кто отваживается.

Мы ступить на эту территорию тоже не собирались, и якорь бросили на приличном расстоянии от берега. Благодаря управляющим кораблем душам на место прибыли быстрее, чем ожидалось, — время едва перевалило за обед.

А после капитан Вагхан вновь рассказывал о причинах, по которым мы здесь оказались, только интерпретированных для непосвященных. Любопытство сослуживцы, конечно, испытывали, но на подробности им рассчитывать не приходилось, поэтому они довольствовались туманным: «Ищем сильный артефакт».

Как именно будут проходить поиски, я представляла смутно, точнее, не представляла вовсе. Зато наши опытные ловцы явно занимались подобным не в первый раз, потому как именно они стали быстро объяснять, что требуется делать.

Теперь непосвященной чувствовала себя уже я.

— Значит, так, — обратился ко мне Тэйн. — Ты, как всегда, только боишься. Суть состоит в том, что мы делимся на небольшие группы и сплетаем несколько сетей, только не таких, какими ловим потерянных, а поисковых. Запоминай узлы...

И вот сейчас мне очень пригодились знания, почерпнутые из прочитанной в столице книги. Тэйн как знал, что они мне понадобятся, дав изучать соответствующую литературу.

Узлы были сложными, но управлялись с ними ловцы удивительно быстро. Я даже замечать не успевала, как вылетающие из-под ловких пальцев искры обращались в переплетающиеся между собой толстые нити.

Вскоре четыре сплетенные сети упали в воду, окружив корабль. Некоторое время ничего не происходило, и я уже собралась поинтересоваться у Косички, чего именно мы ждем, когда они внезапно засветились и стали стремительно разрастаться.

Отливающие перламутром и лазурью нити развевались в темной воде, увеличивались и, подхватываемые волнами, охватывали все большую площадь. Я как замороженная наблюдала за их переливами, которые передавались и самой воде.

— Не считай рыб, — одернул меня удерживающий плетения Косичка.

Опомнившись, я продолжила делать свою работу, обеспечивая его необходимой энергией. Все шло хорошо. Слишком хорошо для того, чтобы

такой идеальный покой продлился долго.

Потерянные души вновь дали о себе знать внезапно, но теперь их не подпускала к кораблю возведенная адмиралом защита. Однако если раньше они отлетали от нее, пружиня как мячики или вовсе боялись приближаться, то теперь действовали настырно. Нагло, я бы сказала. Да они вообще ши знает что творили!

Ударяясь о барьер, злобно шипели, улетали, но в скором времени возвращались и пытались пробиться с новой силой. Пока они не слишком мешали, но все же отвлекали, вынуждая следить не только за сетями, но и за защитой.

В какой-то момент, когда одна из особо рьяных душ буквально прилипла к окружающему кораблю барьеру, среди воцарившегося шума прозвучал отчетливый звук шагов.

Снова раздалось шипение — только теперь совсем короткое и, можно сказать, предсмертное.

— Достали, — холодно проронил адмирал, одним мановением руки и застывшим взглядом развеяв всех нападавших.

Затем развернулся и, не глядя ни на кого, направился обратно в носовую часть корабля. Машинально бросив беглый взгляд на его руку, я заметила, что та снова покрыта темной чешуей. Кажется, даже ногти чуть удлинились и потемнели...

Стоящий рядом со мной Аргар тихо и одобрительно присвистнул, остальные промолчали и, все так же храня гробовое молчание, вернулись к работе.

Постепенно усиливался ветер, поднимались большие волны. «Летящий» заметно покачивало, из-за чего вдобавок к удерживанию нитей ловцам приходилось удерживать непосредственно себя. Сети к этому времени уже расползлись настолько, что охватили расстояние практически до самого берега, где возвышалось несколько голых скал.

— Убир-р-райтесь, — неожиданно донеслось из моря, и в воде блеснуло несколько чешуйчатых зеленоватых хвостов. — Вас-с не звали!

Появление диких русалок и так никогда не предвещало ничего хорошего, а когда они стали спутывать сети, это подтвердилось лишней раз.

— Вот мерзопакостные! — возмущенно выкрикнул Аргар. — А ну, пошли вон!

Но те прислушиваться к нему даже не подумали и, носясь под водой со скоростью чернозубых акул, продолжали спутывать нити. Русалки — существа в большинстве своем осторожные, просто так ловцам и тем более

морскому демону мешать бы не стали, но, раз сейчас они забыли о страхе, значит, мы точно на правильном пути.

Тэйну, как и прочим, русалки сильно осложнили задачу, и я, заметив это, решила вмешаться. Не переставая поддерживать куратора, попыталась воздействовать на воду, направив ее против русалок, и, что поразительно, у меня получилось! С ума сойти, и вправду получилось!

Одна из волн замерла, затем взметнулась вверх, подкинув сразу двоих чешуйчатых пакостниц, и с силой швырнула их обратно. Уже через несколько мгновений ко мне присоединился капитан Вагхан, и, хотя непосредственно на воду альв воздействовать не мог, хватало одного только его разозленного вида, чтобы ненадолго присмирить русалок, скрывающихся в бездонных морских пучинах.

— Заразы глубинные, — выругался орудующий поблизости Лейон. — Чтоб на вас гнев Поднебесья обрушился!

За такие слова «глубинные заразы» удостоили его ответного потока ругательств и окатили ледяной водой. Лейон уже успел оправиться от полученной по милости чернозубой акулы травмы и сейчас работал наравне со всеми. Даже старательнее остальных, словно желая наверстать упущенное.

— Есть! — неожиданно воскликнул он, перегнувшись через борт. — Смотрите!

Последовав его примеру, я внимательнее присмотрелась к беспокойной воде и обнаружила, что по нитям пробегает голубоватый свет, концентрирующийся в узле, расположенном несколько севернее от нас.

— Поднять паруса! — молниеносно среагировав, отдал команду капитан.

Управляющие кораблем потерянные так же молниеносно ее исполнили и, повинаясь следующему указанию, взяли курс на то место, где пульсировал и светился ключевой узел одной из сетей.

— Держать крепче! — отдал очередную команду капитан Вагхан, на сей раз обращаясь к ловцам. — Не отпускать! Кадеты, срочно дополнительную подпитку!

Передавая еще больше энергии, я так и чувствовала себя аккумулятором магии артефактом. Сильный ветер растрепал косу, отчего выбившиеся пряди назойливо лезли в глаза, шарф почти полностью размотался, но поправить его не было возможности, пальцы заледенели и даже посинели — когда на руках были перчатки, вода подчиняться отказывалась, так что их пришлось снять.

Русалки все еще устраивали пакости и, не прекращая шипеть,

бросались прямо на корабль в бесполезных попытках его остановить. Оправдывая свое имя, «Летящий» двигался на всех парусах. С минуты на минуту мы должны были оказаться на месте, когда внезапно сквозь рваный серо-синий туман проступил силуэт еще одного корабля — движущегося до того бесшумно, что его приближения никто не заметил.

Русалки зашипели еще пуще прежнего, хлестнули по воде хвостами и, ненадолго скрывшись под водой, вынырнули уже около него.

Сперва я отметила черные паруса, затем черный же флаг с изображением черепа, а после — стоящего у руля капитана, за спиной которого находился теневой охотник.

— Пираты... — выдохнула Агира и, осмыслив, повторила уже громче: — Ши возьми, пираты!

Постепенно до меня дошло, что большинству из ловцов, не говоря уже о кадетах, лично сталкиваться с морскими разбойниками раньше не приходилось. И чем такое столкновение могло обернуться сейчас, особенно если учесть, что мы находились рядом не то с гротом, не то с осколком, было сложно даже вообразить!

— Флинт, — холодно проронил вдруг оказавшийся рядом со мной адмирал.

А легендарный капитан, словно его услышав, иронично поклонился и отдал честь. Вслед за тем «Черный призрак» окончательно разорвал завесу тумана, и мы могли лицезреть команду пиратов во всей ее ужасающей красе.

ГЛАВА 21

Два корабля покачивались на волнах, разделяемые пульсирующим свечением, что поблескивало в темной воде. Небо затянуло тяжелыми тучами, взъярившийся ветер исхитрялся пробиваться даже сквозь барьер, а обе команды на несколько коротких мгновений замерли, словно впад в оцепенение. Ловцы и пираты молча смотрели друг на друга, и слышно было лишь шум морской воды, свист ветра да шипение буйных русалок.

Нарушил затянувшуюся паузу капитан Вагхан:

— Всем занять боевые позиции! Эйтур, лево руля, развернуть корабль!

Главная привязанная к «Летящему» потерянная душа отреагировала мгновенно, и мы стали стремительно разворачиваться, поворачиваясь к «Черному призраку» левым бортом. Отряд тоже быстро сориентировался, и ловцы исполнили приказ, заняв свои позиции.

— Орудия к бою! — следом скомандовал капитан, после чего пушки были приведены в состояние боевой готовности.

Удивительно, но среди воцарившегося гвалта я расслышала делано горестный вздох Флинта:

— А я-то надеялся разойтись по-хорошему...

Да-да, и именно поэтому поднял черный флаг!

С пиратского корабля донеслись гул и топот, взмыли вверх поднятые сабли, некоторые члены команды кровожадно оскалились. Прежде чем меня одернул Тэйн, я даже боцмана рассмотреть успела, которого мимолетно представлял Флинт, когда мне однажды довелось побывать на «Черном призраке».

Не прошло и пары минут, как раздались залпы пушек и воздух пронзили заряженные магией ядра. Как вскоре оказалось, защита на «Черном призраке» ничуть не уступала нашей, в чем, безусловно, была заслуга работающего на Флинта теневого охотника. И если пираты фактически жили подобными сражениями, то ловцы, специализирующиеся на поимке душ, к ним привычны не были. Мы ведь не относимся к исключительно военной части морского флота.

Пока капитан Вагхан отдавал команды душам и отряду, адмирал Рей подозвал к себе нескольких ловцов, включая Тэйна, а вместе с ним — и меня.

— Необходимо спуститься! — объявил он, перекрикивая воцарившийся шум. — Вы двое идете со мной. — Кивок на Тэйна с

Лейоном, долгий взгляд на меня и как будто неохотное дополнение: — Кадет Талмор, вы тоже.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: спуститься предстоит под воду. Туда, откуда исходит свет и куда, ши возьми, уже направился шустрый, прихвативший с собой охотника Кайер Флинт! А изменения в голосе адмирала вызваны нежеланием подвергать меня опасности, но выбора в этом случае нет. Мне как носительнице особой крови ундин лучше находиться рядом с предполагаемым источником древней магии.

События развивались до того стремительно, что опомнилась я только в момент, когда оказалась сидящей на появившемся из воды морском волке. Крепко обхватила сидящего спереди Тэйна за пояс, адмирал отдал команду, и три черных зверя вновь спрыгнули в воду, подняв брызги.

Сердце моментально ушло в пятки. Я, конечно, вроде как ундина, должна водичку любить и все такое, но... но страшно было очень! Это же прямо в разъяренную стихию, в настоящий холод с головой нырнуть!

Зажмурившись, вхождение в воду я пропустила, а когда его не почувствовала, открыла глаза. И обомлела! Морские волки бежали под водой, будто спускаясь по невидимому склону, а нас — восседающих на их спинах — защищало бледное, едва заметное сияние. Подумалось, что мы находимся в больших, наполненных воздухом пузырях, и, судя по всему, такая ассоциация была недалеко от истины. Благодаря светящейся сети видно было хорошо, хотя мельтешащие вокруг русалки и отвлекали внимание. Боясь морского демона, слишком близко они не подплывали, но все равно крутились неподалеку.

Это происходило как будто не со мной. Как будто в странном, волнуяще-пугающем, но по-своему красивом сне. Убегать под водой, сидя на морском волке... Никогда не думала, что переживу подобное!

Сплетенный ловцами узел светился практически на дне, из-за чего казалось, что мы спускаемся в самую Глубину. Помимо этого света, мелких рыбешек и хвостатых нахалок, ничего видно не было, но чем ниже мы опускались, тем явственнее проступали очертания подводных скал. Неужели... тот самый грот?

А еще по мере приближения к источнику света я чувствовала себя все более и более странно. Как будто двигалась к чему-то очень знакомому, важному, но сильному и опасному. Да, пожалуй, самое главное — опасному.

Мощные лапы ступили на гладкую поверхность скал. Не спешиваясь, мы приблизились к входу в подводную пещеру, и уже сейчас я с

уверенностью могла сказать — нет, это не тот легендарный грот. В этом месте определенно присутствовала сильная магия, но источник ее нечто другое.

Путь нам преграждала полупрозрачная, отливающая перламутром пелена, которая спала, едва ее коснулся адмирал. И мы, все так же сидя на черных спинах морских хищников, въехали внутрь.

Вода здесь отсутствовала — должно быть, ее не пропускал установленный на входе барьер. Темно-серые стены покрывали наросты черных кораллов и раковин, пол устилала обломки ракушек и мелкого песка. Под невысоким потолком роились морские светлячки, чей свет был единственным источником, освещавшим это мрачноватое место. Вот уж действительно, как будто в логово глубинных спустились!

Адмирал, а следом за ним и ловцы спрыгнули с волков, и Тэйн помог спешиться мне. Вглубь пещеры мы пробирались стремительно, понимая, что нас могут опередить. Ни Флинта, ни теневого охотника видно не было, но это не значило ровным счетом ничего — они могли как прийти первыми, так и опоздать. Если бы сюда можно было перенестись мгновенно, адмирал наверняка бы это сделал, используя потерянную душу. А раз не стал, значит, и теневой охотник не сумеет доставить сюда пирата с помощью своей магии.

Узкий коридор привел нас в соседнюю пещеру, переходя в которую, пришлось пригнуться. Зато потолки в ней оказались значительно выше, да и пространства было куда больше. Осмотревшись, я не увидела ничего, что могло бы привлечь взгляд. Все те же стены, острые наросты кораллов и въедливый запах морской соли. А еще здесь было ужасно холодно!

— Это место исследовали неоднократно, — негромко проговорил Лейон. — И не обнаружили ничего особенного. Что именно мы ищем?

Вопрос адресовался непосредственно адмиралу Рею, но тот не ответил, продолжая изучать взглядом стены. Напрягшись от нехорошего предчувствия, я тоже подошла к одной из стен и, протянув вперед заледеневшие руки, приложила ладони к влажным камням.

Было слышно, как наверху шумят волны, где-то неподалеку мерно капает вода, как грохочут пушки и залихватски кричат пираты... а эта пещера молчала. И все-таки ощущение, что я нахожусь рядом с чем-то очень мощным, не отпускало. Только вот понять, где именно находится это что-то, никак не удавалось.

«Ну же, соберись, Фрида! — мысленно велела себе. — Тебя ведь взяли сюда не просто так! Остальные ведут бой с пиратами и потерянными душами, а ты должна справиться со своей задачей! Не просто должна —

обязана!»

Только я об этом подумала, как вдруг на каком-то интуитивном уровне восприятия уловила произошедшие перемены. Существующая здесь магия как будто стала еще сильнее, проступила ярче, коснувшись своим сиянием моего существа, и я, не помня себя, развернулась, чтобы указать на самый центр потолка:

— Он там!

В этот момент я едва ли отдавала себе отчет, что под словом «он» имею в виду осколок. Только спустя несколько секунд пришло понимание, что это точно он! Сорвавшийся с пальцев адмирала белый силуэт взмыл вверх, коснулся того самого места, но тут же отпрянул назад. Присмотревшись внимательнее, я не увидела ничего особенного, но все-таки точно знала — осколок должен быть там.

Отправив Лейона в первую пещеру, откуда мы пришли, и велев Тэйну сторожить вход, адмирал подошел ко мне и негромко произнес:

— Прежде чем попасть в чьи-то руки, осколки появляются в самых разных местах. Этот появится здесь. Можешь определить, как скоро?

— Попытаюсь, — кивнула я и, прикрыв глаза, сосредоточилась.

Все лекции, тренировки и приобретенные навыки оказались бесполезными. Ловцов уж точно не учили чувствовать и тем более предсказывать появление частей кристалла душ!

Я старалась изо всех сил, концентрировалась на том месте, откуда исходила эта мощная, ни с чем не сравнимая энергия, и ощущения испытывала смутные. И вот когда мне удалось погрузиться в нее почти полностью, я уловила поблизости какое-то движение. Не взглядом, не слухом — скорее, все той же обострившейся интуицией.

Это меня отвлекло и, распахнув глаза, я оторопела. На противоположной входу стороне пещеры стоял не пойми откуда взявшийся человек... или не человек? Кто его разберет под длинным черным плащом! Потребовались доли секунды, чтобы отметить стоящую рядом с ним особу, которая, в отличие от спутника, скрыть лицо даже не пыталась.

«Глубинная ведьма!» — молнией пронеслось в мыслях.

Ну да — в черном платье, босая, с растрепанными бледно-голубыми волосами и черными, как самая беспросветная ночь, глазами, это однозначно была она! Словно с иллюстрации книги сошла!

— Надо же, какая честь, — несмотря на внешнюю молодость ведьмы, ее голос походил на воронье карканье. — Сам морской демон в моей скромной обители.

Она хищно улыбнулась и, картинно взявшись за край драного платья,

присела в подобии реверанса.

— Эта «скромная обитель» находится в запретных для глубинных ведьм водах, — не выразил ответной радости адмирал, несколько потерянных душ которого моментально окружили неожиданных гостей.

Улыбка ведьмы сделалась заигрывающей, и она легкомысленно накрутила на указательный палец с черным когтем длинную прядь.

— А это моя морская дача! Обитаю на суше, никому не мешаю, послушно чту закон.

— И проклятия продаете, которые потом против кадетов моего корпуса применяют, — прищурившись, заметил лорд Рей.

Пока шел совершенно немислимый при данных обстоятельствах диалог, я переводила взгляд с ведьмы на ее спутника, затем на адмирала и снова по кругу. Стоило прозвучать упоминанию о проклятии, которым на меня пытался воздействовать Горт, как я вздрогнула.

Что, его изготовила эта самая ведьма?! Но если так, получается, ее спутник... может ли он являться заказчиком?

Я даже заметить не успела, как одновременно произошло сразу несколько вещей. Потерянные души адмирала набросились на эту парочку, человека (или нелюдя) в плаще объяло пламя, а глубинная ведьма внезапно раскинула руки, после чего по пещере пронесся порыв сумасшедшего ветра. Наверное, меня бы сдуло как крошечную снежинку, если бы не адмирал, обхвативший меня за плечи. А в дополнение ко всему под самым потолком, где мельтешил рой светлячков, загорелся яркий, перебивающий их сияние свет.

Осколок!

И тут же, будто появившись из ниоткуда, прямо под ним оказались Флинт со своим напарником. Подумалось, что они находились здесь с самого начала, просто охотник скрыл их тенью.

Счет шел на мгновения! Все окружающее оказалось смазанным, кроме небольшого, сияющего все ярче кусочка кристалла. Время замедлилось, я смотрела на него, не в силах оторваться и понимая, насколько великая сила в нем сокрыта. Наверное, только теперь до конца осознала, что произойдет, если вдруг кому-нибудь все же удастся собрать кристалл...

Глубинная ведьма явно находилась на своей территории и так же явно готовилась к встрече, потому что — совершенно немислимо! — сумела отразить атаку потерянных душ адмирала. В то же время одна из душ вновь взмыла под потолок, теневой охотник ринулся туда же, объятый огнем «черный плащ» последовал их примеру, и... и во мне взбунтовалось целое море!

Как будто не я, а восемь некогда расколовших кристалл ундин видели происходящее моими глазами и с праведной яростью желали уберечь уже до конца появившийся осколок! Руки сами сотворили необходимые знаки, на пальцах появились голубые искры, обращающиеся прочной нитью, я устремилась вперед... Великое Поднебесье, не знаю, что случилось потом! Только осколок вдруг вспыхнул особенно ярко, отчего пещеру озарило ярким светом, а затем упал прямо мне в руки.

Мне! Прямо в руки!

От вспышки света все присутствующие зажмурились и заслонили лица руками. Но уже через миг на одну ошарашенную меня обратились горящие взоры и морской ведьмы, и «черного плаща», и теневого охотника, и капитана пиратов! Мамочка моя, родная и не очень любимая...

До боли сжав в кулаке осколок, я сделала шагок назад. А затем наткнулась на что-то теплое, твердое, живое и от ужаса и растерянности не сразу поняла, что теплым, твердым и живым является Тэйн.

— Выведи ее из пещеры! — не оборачиваясь, приказал адмирал.

Теперь подчиненных потерянных душ появилось так много, что они слились в сплошной белесый туман. Он обратился шипящей стеной, не давая пройти сквозь нее ни ведьме, ни «черному плащу», ни Флинту с охотником.

— Уходим! — Тэйн рывком потянул застывшую меня за собой.

С трудом оторвавшись от пробирающей до дрожи сцены, я побежала за ним. Параллельно ощутила, как вздрогнули стены, и, обернувшись, увидела, что ведьма снова раскинула руки. Камни зашатались, с потолка посыпались обломки ракушек и мелкий песок, заструилась вода.

— Уходим, Талмор! — повторно рыкнули мне.

— Но... лорд Рей...

— Ши тебя возьми! — с несвойственной ему эмоциональностью выругался Косичка. — В Глубину отправиться захотела?!

Буквально заставив себя подчиниться, я во второй раз отвела взгляд от застывшего в центре пещеры адмирала и вслед за Тэйном проскользнула в низкий проход. Едва-едва успела через него пройти, как он оказался завален. Пока пещера разрушалась буквально на глазах, я вскочила на морского волка вместе с Косичкой, Лейон сел на другого, и звери стремглав бросились к ведущему наружу выходу.

Сердце разрывалось при мысли, что там — за держащейся лишь чудом стеной все еще находится адмирал, но я верила в него. Он знает, что делает. Да никогда в жизни его не сумеют одолеть какая-то глубинная ведьма и сомнительный тип в плаще!

Осколок приятно грел ладонь, и я продолжала крепко его сжимать. Казалось, даже под угрозой неминуемой смерти не отпустила бы. А если бы вдруг умерла, забрала с собой в иной мир.

Лейон отрывисто выругался, когда защищающий вход барьер нас не пропустил. Впечатавшись в него, волки жалобно заскулили и отпрянули. Эту защиту, по-видимому, также контролировала неплохо подготовившаяся ведьма. А ведь при входе в пещеру адмирал ее снял!

Тэйн присоединился к Лейону, помянув глубинных, когда попытка воздействовать на барьер ни к чему не привела. Точнее, привела, но совсем не к тому, чего хотелось: его отбросило назад.

Я бездействовать тоже не собиралась, к тому же понимала: сейчас я не просто полуундина, даже не просто носительница особой крови, но еще и обладательница частицы древнейшего артефакта. И раздери меня на мелкие кусочки стая ши, если он не сумеет справиться со всего лишь барьером!

Чуть разжав кулак, я протянула вперед руку. Не потребовалось даже прикосновения — защита рухнула сразу, испарившись без следа. И в это же время за спиной раздался невероятный грохот, за которым последовали очередные ругательства сослуживцев.

Меня толкнули вперед, и я тут же оказалась в объятиях ледяной воды. Холод пробрал до самых костей, тело парализовало, но вовремя набрать воздух я сумела.

«Где волки?!» — забились истошная мысль.

Сплетенная ловцами сеть почти угасла, различить что-либо во мраке вод было практически невозможно.

«До поверхности так далеко!» — эта мысль была еще истошнее первой.

Перебирая онемевшими руками как не умеющий плавать морской котенок, я лихорадочно пыталась подниматься вверх и увидеть хоть что-то. Хотя почему как? С нашими вечными холодами, даже прожив столько лет рядом с морем, плавать я так и не научилась...

Неожиданно меня обхватили за пояс, снова толкнули куда-то вперед, и я оказалась в большом пузыре вместе с Лейоном и Тэйном.

— Напомни, чтобы на следующей тренировке я завалил тебя горой информации об азах магии ундин, — сиплым голосом обратился ко мне Косичка. — Не связанных с плетением сетей!

Прокашлявшись, я глубоко вдохнула наполняющий пузырь воздух и, когда мы стали подниматься, посмотрела на оставшуюся внизу пещеру. На месте образующих ее скал теперь были лишь руины, из-под которых внезапно появилось несколько фигур. Последние камни рухнули, но

адмирал и Флинт с теневым охотником каким-то чудом успели выскочить.

Морской ведьмы с сомнительным типом видно не было. Не успела я задержаться на мысли о том, куда они делись, как вдруг пузырь, где находились мы трое, лопнул. Тысяча кругов Глубины!

Меня отнесло в сторону течением, холод вновь стальными тисками сковал непослушное тело. Единственным источником тепла стал висящий на моей шее кулон, который начал стремительно нагреваться. Меня окутало знакомым легким свечением, и в тот же миг способность дышать вернулась. Защита подарка лорда Рея не позволяла мне захлебнуться. Но плавать научить не могла...

Отведя от лица развевающиеся и заслоняющие обзор волосы, я в панике завертела головой, но здесь по-прежнему было темно. Находясь в глубинах Сумеречного моря, под его ледяным гнетом, под толщей темно-синей воды, я чувствовала себя несчастной, потерянной, одинокой... нелепой ундиной, которой грозит смерть от воды! Было бы смешно, если бы не было так отчаянно, так ужасающе страшно...

Сжимающие осколок пальцы я уже совсем перестала чувствовать, стук сердца набатом отзывался в висках. Движение двух силуэтов я заметила неожиданно, уже почти уверившись в том, что в этих водах осталась одна. Кажется, то были адмирал и Флинт. Суть происходящего от меня ускользала, и я уже не понимала ничего, чувствуя лишь невыносимый холод и медленно идя ко дну.

Где-то там надо мной маячили днища кораблей, воспринимающихся невнятными темными пятнами. Мелкие пузырьки устремлялись к поверхности, а я, как бы ни старалась, последовать за ними не могла...

Не знала, почему все выходит так. Почему никто не поможет, не окажется рядом... Впрочем, неудивительно — раньше так было всегда. И, ши возьми, я сама должна справиться! Сдаваться сейчас — слишком непозволительная роскошь!

Я принялась грести с новыми силами, заставляя ноги и свободную руку хоть сколько-нибудь шевелиться.

Появившееся передо мной лицо глубинной ведьмы стало неожиданностью. Беззвучно вскрикнув, я в ужасе отшатнулась — точнее, попыталась отшатнуться, — а она улыбнулась кривой улыбкой и протянула ко мне руки с явным намерением отобрать осколок. На фоне темной воды ее волосы казались невероятно яркими, а глаза — завораживающе-черными, точно самые бездонные глубины.

Против воли, словно подчиняясь неведомой силе, я уже подалась к ней навстречу, чуть разжала пальцы. Черные, смотрящие мне в душу глаза

блеснули, и... одна не в меру наглая глубинная ведьма за изготовленное некогда проклятие, за разрушенную пещеру, за попытку отобрать у меня осколок получила удар прямо в коленную чашечку! Прием, знанием которого я была обязана любимому папочке, пришелся как нельзя кстати. Вообще-то он предназначался для потенциальных желающих напасть на меня в темном закоулке, но и на не ожидавшую такого поворота ведьму оказал нужный эффект.

Воспользовавшись ее временным замешательством, я снова что есть силы устремилась вверх, как вдруг краем глаза уловила какое-то движение.

Что, опять?! Силы поднебесные... Уже подумала, что к ведьме присоединился ее союзник и теперь мне точно придет конец, когда обнаружила, что ко мне пришло спасение. Спасение в лице безмолвного, охваченного клубами черного тумана теневого охотника! Гнев уймы теней оказал эффект похлеще удара в коленную чашечку, и, кажется, ведьма беззвучно взвыла. Пока охотник с ней разбирался, я случайно наткнулась взглядом на приближающихся ко мне адмирала и Флинта, восседающих на потрепанных черных волках и явно стремящихся друг друга обогнать. Затем в сознании пронеслась мысль, что от теневого охотника мне сейчас нужно держаться подальше, потому как его цель вряд ли сильно отличается от той, что преследовала ведьма. А затем... затем феерия стремительно разворачивающегося безумства достигла апогея!

Я услышала ржание. Лошадиное. Под водой, Глубина все поглотит! И не успела даже моргнуть, как оказалась сидящей на спине своей милой Тени. А келпи-то здесь откуда?! Этот вопрос перестал волновать ровно в тот момент, когда она, перебирая копытцами, спокойно, но быстро побежала к поверхности. Внизу остались воюющие друг с другом сильные мира морского, разрушенная пещера и самое дно, а я прижималась к гладкой черной шее, чувствовала щекотание шелковистой гривы и еще крепче сжимала осколок. Мимо проплывали стайки рыбешек, и, если от переизбытка впечатлений не померещилось, проплыл даже миркорадус. Вода постепенно светлела, и вскоре я увидела приближающийся свет — хотелось верить, дневной, а не предсмертный...

Подняв брызги, Тень вынырнула, оказавшись прямо на гребне волны, сделала несколько прыжков, перед глазами мелькнула смазанная картинка, и мы с ней оказались стоящими на палубе «Летящего». Я закашлялась и, не в силах спуститься с Тени, продолжала к ней прижиматься в бессознательной попытке согреться. К промозглому ветру добавился мелкий снег, мокрая одежда облепила тело, зубы отбивали дробь так

сильно, что казалось, вот-вот раскрошатся.

И все же сквозь сковавший меня холод и состояние полнейшего потрясения я заметила, что «Черный призрак» находится далеко от нас. Буквально с каждым мгновением он все отдалялся, растворялся в синеватой мгле и почти исчез из виду. Зато вместо него рядом с «Летящим» появился корабль другой — паруса белые, вроде не пиратский. Но на его поднятом флаге вместо привычных двух лун почему-то изображалась кособокая, неумело нарисованная рожа. Охристого цвета, с кривой и клыкастой ухмылкой.

«Огры?» — уже совсем ничего не понимая, подумала я.

А потом меня аккуратно сняли с келпи, подхватили на руки, прижали к себе и выкрикнули, обращаясь неизвестно к кому:

— Теплые одеяла и согревающий чай в каюту, срочно!

Прижимающий меня к себе адмирал был не менее мокрым, чем я. Тело его почти не грело, и даже сердце, биение которого я слышала, было подозрительно медленным. И все же... сама его близость, его прикосновения, то, как он держал меня, дарили тепло большее, чем физическое. Согревали душу.

— Пойдите! — внезапно сипло выкрикнула, даже сделав попытку вырваться. — Там Тэйн, Лейон! Нужно им помочь...

— С ними все в порядке, — на ходу уверили меня, и эти слова тут же подтвердились.

Переведя взгляд чуть левее, я заметила лежащего на палубе хрипло дышащего морского волка, рядом с которым, привалившись к борту, сидели два моих сослуживца.

За коротким облегчением последовало бессилие, обернувшееся полнейшей чернотой. А еще вдруг стало смешно: моя жизнь за последнее время стала дорога многим, но пока они выясняли отношения, меня спасла обычная морская лошадь...

ГЛАВА 22

Обнаружить себя лежащей под ворохом теплых одеял лишь в ночной рубашке было очень странно. Очнувшись, я мгновенно присела, придвинулась поближе к иллюминатору и посмотрела на море. Судя по редким сумеркам, без сознания я пробыла недолго — время только близилось к вечеру. Кроме меня, в каюте никого не было, но уже через пару минут в открывшуюся дверь въехал столик, который катил не дроу, а Шан — помощник кока.

— Твой обед, — пробубнил он, не глядя на меня. — И чай с настойкой, прошлый уже остыл.

Над рыбной похлебкой вздымался горячий нар, а краюшка подрумяненного хлеба выглядела особенно аппетитной.

— Я что-то пропустила? — спросила у мальчишки и, чувствуя, что очень проголодалась, взялась за ложку. — Не знаешь, что за корабль стоял рядом с нашим? Это огры?

— Ага, — отозвался немного взбодрившийся Шан. — В бою с пиратами наши проигрывали, а тут банда огров нам неожиданно на подмогу подоспела, вот «Черный призрак» и отступил.

— С чего это огры решили нам помочь? — удивилась я, надламывая хлеб.

— Так ясное дело, — хмыкнул Шан. — Они сейчас в немилости, налоги им повысили, торговлю вести запретили. В изоляции ребятки остались. Вот и решили, что за оказание услуги ловцам снисхождение заработают. Главарь их до сих пор на нашем судне с капитаном что-то решает.

— Да ты что?! — воскликнула я.

Кругом столько всего происходит, столько всего нужно узнать, а я здесь валяюсь в постели, тратя время впустую! Позабыв и о голоде, и об отголосках слабости, я подскочила, тут же заметила, как стремительно покраснел Шан, вспомнила, что нахожусь в неподобающем виде, схватила одеяло и укуталась, после чего вежливо попросила мальчишку уйти.

Быстро переодевшись в высохшую (наверняка стараниями саламандр) форму, я на ходу заплела косу и выбежала из каюты. Легкая боль в ладони и небольшой отпечаток напомнили об осколке, отчего сердце забилося чаще.

Где он сейчас? У адмирала Рея?

— Так, значит, уговорились? — настиг меня рык, в котором

слышалось заискивание. — Коли мы вам подсобили, вы за нас словечко замолвите? Значится, так?

— Оказать помощь отряду ловцов — уже честь для вас и вашего народа, — отрезал капитан Вагхан.

Поднявшись на палубу, я увидела троих здоровяков, один из которых и вел беседу с капитаном. Как-то мне доводилось видеть банду огров, но только издали, а вблизи они оказались еще крупнее, страшнее и... тупее.

— Так, значит, да, — не понял отрицательного ответа главарь. — Нам честь, значит. А еще налог бы снять, а то обложили нашего брата так, шо загнемся все скоро. И оленинки бы нам почаще доставлять, а то ж точно, в глаз мне булаву, загнемся! Еще бы человечинки, конечно, не помешало, но это мы не настаиваем. Понимаем, значит, шо человечинка нынче — деликатес! Все с какими-то примесями: то полугномы, то полуэльфы... тьфу!

Прекратив вслушиваться в торг, исход которого был предрешен, я прошла вперед, выискивая взглядом адмирала, но вместо него неожиданно наткнулась на Тэйна. Он стоял рядом с морским волком — кажется, тем самым, что вынес их с Лейоном из морских глубин.

— Ты зачем встала? — отнюдь не дружелюбно спросил куратор, как только я приблизилась.

— Потому что не должна валяться без дела, — твердо ответила я. — У меня и так были длительные отгулы. Тэйн, — без перехода обратилась к нему. — Ты не знаешь... где адмирал Рей?

Полностью ко мне развернувшись, он внимательно, словно бы изучающе на меня посмотрел и ответил:

— В банке. Гномьем. Который теперь будут охранять лучше королевского дворца.

Было в его взгляде нечто такое... словом, для меня вдруг стало абсолютно ясно, что теперь Тэйн знает, из-за чего мы сегодня рисковали своими жизнями. Должно быть, рассказал адмирал, оказав ему тем самым высокое доверие.

— Понятно, — коротко проговорила я и, неожиданно для самой себя сменив тему, кивнула на морского волка: — Что с ним?

— Умирает, — спокойно ответил Тэйн. — Им сегодня сильно досталось.

На глаза непроизвольно навернулись непрошеные слезы. Почему-то животных мне всегда было жаль даже больше, чем людей, и сейчас оставаться равнодушной я не могла, как бы ни старалась. Первым порывом было уйти и не смотреть, но что-то вынудило меня задержаться.

Я опустилась рядом с ним на колени и осторожно коснулась мокрой жесткой шерсти. Волк негромко зарычал, обнажая белые клыки, но глаз не открыл. Из его горла вырывались хрипы, брюхо тяжело вздымалось, и сейчас этот суровый и большой морской хищник казался до того уязвимым и беспомощным, что пара слезинок все-таки скатилась по моим щекам.

— Вот этого только не нужно, — одернул меня Тэйн. — Морские волки — гордые и свободолюбивые существа. Любой из них заслуживает умереть с честью, а не под неуместные жалобные всхлипы. Ты кадет Морского корпуса, Галмор. Пора привыкать ко всем тяготам нашей службы. Кадеты не видят и не испытывают и четверти того, через что каждодневно проходят ловцы. А ловцом тебе предстоит стать уже скоро.

Я закусила губу. Понимала, что он прав, но видеть смерть так близко, практически осязать ее и не иметь возможности хоть как-то облегчить чужие страдания все равно было мучительно и тяжело. Не удержавшись, я мягко погладила волка по голове, еще ненадолго задержала ладонь на загривке и со вздохом поднялась.

Отвернувшись и вместе с Тэйном отошла, оставив зверя в одиночестве. Положив руки на борт, устремила взгляд на раздосадованно кряхтящих огров, спускающихся в шлюпку. Их корабль шел позади нашего, держась на небольшом расстоянии, а вот Туманные острова остались далеко позади. И не лень же ограм было проделать такой путь, чтобы в итоге все равно оказаться ни с чем...

— Мы возвращаемся в Сумеречье? — вновь заговорила я с Тэйном.

Тот кивнул.

— За последний час души напали дважды, а наши ловцы и без того ослабли. Тех, кого серьезно ранили, адмирал уже перенес в корпус. Почти все кадеты отдыхают в каютах.

Мысленно возвратившись к недавним событиям, я невольно вздрогнула. Поверить было сложно, что все это происходило на самом деле! И пещера, и осколок, и глубинная ведьма, и...

— А где Тень? — взволнованно спросила я, внезапно вспомнив о своей водяной лошадке.

— Тень? — недоуменно переспросил Косичка, судя по выражению лица, подумавший о теновом охотнике.

— Лошадка, которая вынесла меня из воды.

— А. — Он слегка улыбнулся. — Тоже вернулась в корпус. Хорошая у тебя лошадка, преданная. Не знаю, известно тебе или нет, но келпи редко по-настоящему к кому-то привязываются. Однако если такая связь установлена, тонко чувствуют хозяина и всегда стремятся помочь.

Неудивительно, что она примчалась так скоро. — И он уже улыбнулся широко, задорно. — Представляю, какой переполох она наделала в ангарах!

Улыбка Тэйна передалась и мне, но хватило этой тихой радости ненадолго. Слишком много оставалось вещей, которых я не понимала, а чтобы в них разобраться, требовалось поговорить с адмиралом. Я ведь так до конца и не знала, что случилось в пещере и кем был появившийся с ведьмой тип. Судя по всполохам окружавшего его огня — саламандр. Так неужели предыдущая версия оказалась верна и за ними двоими стоит сам принц Дэрен?

— Идите в каюту, кадет Талмор, — тоном строгого куратора велел Косичка, пресекая возможные возражения. — Если вы понадобится, вас позовут.

Я подчинилась. Все-таки противная слабость еще давала о себе знать, и меня штормило, как Сумеречное море.

Уже направившись в каюту, я вдруг остановилась и, ведомая каким-то необъяснимым желанием, посмотрела в сторону морского волка. Он был абсолютно неподвижен. Не дышал, не рычал, не вздрагивал... Он был мертв. Сердце кольнуло, и я вновь закусил губу, чтобы не всхлипнуть. А затем совершенно неожиданно увидела, как над ним появляется крошечный темно-серый сгусток, похожий на туман. Кажется, нечто подобное мне уже доводилось видеть в столице, когда убили одного из нападавших на меня...

Может, мерещится? Я поморгала и мотнула головой. Снова посмотрела на волка — сгустка уже не было. Волнений хватало и без того, так что я предпочла списать это на последствия пережитого. Постояв на месте не дольше секунды, почти бегом отправилась к себе и, оказавшись в каюте, быстро скинула верхнюю одежду и юркнула в постель.

Только когда потянулась за кружкой чая, обнаружила, что постель Крилл заправлена и даже не примята. Она что, не отдыхала?

«Тех, кого серьезно ранили, адмирал уже перенес в корпус», — подсказала память слова Тэйна.

Нехорошее предчувствие моментально вытеснило все остальное, придало сил снова подняться на палубу и разыскать ее личного куратора. Переговорив с ним, я узнала, что Крилл действительно получила ранение и лично адмиралом была доставлена в больничное крыло корпуса. Со слов того же куратора, ранение было не слишком опасным, но все же требовалась срочная госпитализация. Далее мне снова велели вернуться в каюту, причем в приказном тоне. И мне вновь не осталось ничего другого, кроме как подчиниться.

Поднебесные, да как же так? А я еще смела думать, что это мне сегодня досталось! Уже лежа в постели, решила, что навещу Крилл сразу же, как только вернемся в Сумеречье, и незаметно для самой себя провалилась в сон.

В корпус мы прибыли, когда на Сумеречье опустилась ночь и сопутствующие ей плотные сумерки, укравшие свет обеих лун. Несмотря на отдых, чувствовала я себя разбитой, в чем была вина посетившего меня сновидения. Снова снилась муть из разряда той, какая, как я думала, уже оставила меня в покое.

Как и собиралась, первым делом я наведальась в лазарет. Дежурный снежный эльф, служащий у нас лекарем, пропустил меня в палату с большой неохотой и попросил там не задерживаться. Крилл выглядела неважно, но все-таки лучше, чем рисовало мне разыгравшееся воображение по пути сюда. Когда она чуть приподнялась при моем приходе, одеяло соскользнуло, показав плотно перебинтованное плечо.

— Ты как? — присев на краешек больничной койки, спросила я.

Крилл улыбнулась:

— Жить буду. Это меня какой-то полутролль зацепил, представляешь? Пираты пошли на абордаж, а я так растерялась, что даже уклониться от его сабли не успела!

Что-то мне подсказывало, даже не будучи растерянной, уклониться от сабли бывшего пирата она бы вряд ли сумела. Как и я. Как и многие ловцы, привыкшие отражать преимущественно атаки потерянных душ.

— Фрида... — Она пытливо на меня посмотрела. — Ты сама-то в порядке?

— В порядке, — подтвердила я и нерешительно добавила: — Наверное.

— Когда вы на морских волках прыгнули в воду, я была в ужасе. Знаю, рассказывать, что вы там искали, ты не будешь, поэтому не спрашиваю. Да и, кажется, я уже сама догадалась, какую вещь лорд Рей доставил в Гномий банк.

— Догадалась? — эхом переспросила я.

Крилл усмехнулась:

— Я ведь не идиотка. Пусть я не чистокровная черная саламандра, небольшая капля этой крови во мне есть. И род, к которому я принадлежу, древний. Мы, в отличие от многих, знаем цену истории, которая для большинства стала легендой.

По выражению лица я поняла, что мыслит она в правильном направлении и догадки ее верны. И все же никак комментировать ее слова

не стала, посчитав, что это будет лишним.

— А у тебя красивая палата, — заметила я, обведя взглядом комнату.

— Стараниями адмирала Рея, — легко приняла смену темы Крилл. — Даже отдельную выделили.

Наш разговор прервал приход снежного эльфа, напомнившего, что время моего визита давно истекло. Пришлось быстро прощаться. Пожелав скорейшего выздоровления и пообещав часто заходить, я покинула палату.

Бредя по коридорам лазарета, расположившимся в южном крыле корпуса, я думала обо всем сразу и о каждом последнем происшествии в частности. Машинально следовала за перелетающими с места на место светлячками и параллельно жалела, что по случаю боя с пиратами всему нашему отряду завтра дали выходной. После дней, проведенных в столице, мне как никогда хотелось с головой окунуться в службу, тренировки и лекции. Ведь Тэйн прав — клятву ловца приносить уже совсем скоро, и к этому нужно как следует подготовиться.

И никакие осколки, никакие пираты, глубинные ведьмы, теневые охотники и прочие малоприятные личности не должны этому помешать!

Утро следующего дня я провела с пользой, проявив несвойственную мне наглость. Большую наглость. Бессовестную просто! Наглость эта заключалась в том, что я поднялась ни свет ни заря и отправилась в мужскую часть общежития, где разыскала комнату Косички и бесцеремонно постучала.

Когда открывший мне дверь сонный, раздраженный и удивленный Косичка осведомился, с какого ши я к нему заявила, он услышал невозмутимый ответ:

— Пришла получать знания о возможностях магии ундин, не имеющих отношения к плетениям сетей. — Сказав это, я благопристойно потупила взгляд и смиренно уточнила: — Господин куратор, вы сами просили напомнить.

Господин куратор перевел взгляд на мерно тикающие настенные часы, затем снова обернулся ко мне. Кажется, он много чего мог сказать, но не позволило воспитание. Зато воспитание позволило молча и одним рывком захлопнуть дверь прямо у меня перед носом!

Но утро сегодня было каким-то особенным, наглость покидать меня не спешила, и я настойчиво постучала во второй раз. Теперь открывший мне господин куратор был не просто раздраженным — он пребывал в той стадии злости, какая бывает только у того, кому в законный выходной не дают выспаться.

— Кадет Талмор! — явно из последних сил держа себя в руках, грозно произнес он.

Еще раз смерил меня недовольным взглядом, задержался на моем лице и, прочтя на нем непоколебимую решимость, шумно выдохнул.

— Через полчаса в сто пятнадцатой аудитории, — бросил он, прежде чем снова рывком закрыть передо мной дверь.

Как выяснилось спустя обозначенных полчаса, мой личный куратор водил очень полезные приятельские отношения с самой важной, самой значимой персоной всего корпуса — с Карком!

Потерянная душа по его просьбе подала нам завтрак прямо в аудиторию, да притом не какой-нибудь подгорелый или несвежий, что было вполне в его духе, а самый что ни на есть аппетитный и свежайший. Так что мое обучение проходило не на голодный желудок, что было весьма кстати. Ведь Тэйн вознамерился отыграть за слишком рано начавшееся утро и щадить меня не собирался.

И все же информацию он излагал четко, подробно все объяснял, а мне только и оставалось, что тренироваться в скорости письма, понимания и запоминания. Наша смесь теории с практикой продлилась несколько часов, и в ходе нее я узнала много, очень много полезных вещей. Например, поняла принцип создания воздушного пузыря, какой вчера под водой применил Косичка. Само построение оболочки оказалось совсем несложным, а вот расщепить воду на составляющие, чтобы в дальнейшем наполнить пузырь чистым воздухом, у меня пока не получалось. Как ни странно, аудиторию мы покидали примерно в одинаковом состоянии: подуставшие, но довольные. Даже Тэйн испытывал моральное удовлетворение от своих педагогических успехов, хотя ни за что бы в этом не признался.

Забежав в свою комнату, я сменила по привычке надетую с утра форму на платье, укуталась в утепленный плащ и в таком виде покинула стены родного корпуса. Только перед тем как уйти, заглянула к Тени, провела с ней немного времени, поблагодарив за спасение и убедившись, что за ней хорошо присматривают. Выслушала отповедь от зрителя за «неподобающе возмутительное поведение этой лошади», после чего привычным маршрутом дошла до ведущей со скалы лестницы.

Оказавшись перед ней, немного помялась, размышляя, звать Гана или нет, но он разрешил мои сомнения сам.

— Ну ты вообще! — сложив руки на груди, хмыкнул неожиданно появившийся передо мной ши. — Хоть бы проведала, когда вернулась. Хоть бы поздороваться зашла. Хоть бы моим самочувствием ради приличия

поинтересовалась! Может, я уже здесь с голодухи копыта отбросил?!

Ган заметно похудел — наверное, и впрямь голодал. Мне даже чуть-чуть стыдно стало. Не то чтобы я считала себя в чем-то виноватой, но все-таки у нас с ним контракт. А контракт — это обязательства. А обязательства — это как обещание. А обещания надо выполнять!

Поэтому я пожертвовала на две капельки крови больше обычного, чем мгновенно привела ши в благостное расположение духа. Меня любезно доставили вниз, к самому подножию скалы и даже пригласили заглянуть в гости, от чего я так же любезно отказалась.

— Чтобы ты мне опять встречу с капитаном пиратов устроил и сомнительным чаем напоить попытался? — возразила я. — Нет уж!

Ган присел на небольшой скалистый выступ и, болтая ногами, осклабился:

— А вот зря ты, между прочим, от моего чая нос воротила. Уже давно бы свою магию в порядок привела!

— С моей магией и так все в порядке, — ответила я ему и, развернувшись, зашагала вперед по окутанной синеватой мглой улице.

— В порядке-то в порядке, только не понимаешь ты в ней ничего... — донеслось мне вслед бормотание, из-за которого я на миг остановилась, но тут же снова продолжила путь.

Ган и раньше делал какие-то странные намеки, касающиеся и моей магии, и меня самой. Но, видно, природа у ши такая — издеваться да смуту в душу вносить. Конечно, я еще плохо освоилась со свалившейся наследственностью, но я ведь стараюсь! И никакие чаи для достижения хороших результатов мне не нужны.

Помимо визита к Тени этим утром я успела забежать за премией, которую выписали всему нашему отряду после боя с пиратами. Монетки приятно позвякивали во внутреннем кармашке, и я уже знала, на что их потрачу.

Сперва неспешно добрела до овощного, а затем и до рыбного рынка, где купила продукты, включающие популярную синеводку. Вид лавки господина Митто, у которой почему-то не толпился народ, вызвал смесь ностальгии с легким оттенком грусти. Хотя и нелегко мне приходилось, работая в ней, все же ту прежнюю жизнь я по-своему любила.

Хотела было купить рыбу у бывшего работодателя, но, увидев новую торговку, передумала. Вид у девицы, в предках которой однозначно имелись тролли, был не очень дружелюбным. Не удивлюсь, если по этой причине очереди к господину Митто и поредели. В итоге синеводку я приобрела в лавке, где работала Далия. Вручив подруге ранее купленный

для ее братьев подарок, я попросила передать им поздравления с минувшим днем рождения, и на этом наш короткий разговор оказался прерван. Долго поболтать не удалось, так как, в отличие от лавки господина Митто, в этой покупателям было хоть отбавляй.

Пока я дошла до Слезных трущоб, начался снег. С неестественно темного для этого времени суток неба падали мелкие снежинки, обещающие обернуться настоящей метелью. Но это не мешало обитателям трущоб вести излюбленный образ жизни: кто-то с элем наперевес стены хибар подпирал, кто-то прямо у мусорных баков спал, а из дома семьи Рива доносились полные страдания вопли — никак теща у них до сих пор гостила.

Идя сюда, я боялась, что папы не окажется дома. Но еще больше боялась, что застаю его неадекватным и спящим в обнимку с пустой бутылкой. В последнюю нашу встречу я радовалась, что он взялся за ум, прекратил пить и вернулся работать в каменоломню. Но кто знает, что могло произойти за то время, пока мы не виделись...

— Фрида? — удивленно спросил прилично выглядящий открывший мне дверь мужчина. А затем повторил уже радостно: — Фрида!

Поднебесные, а ведь он и впрямь изменился... Похорошел, как будто даже помолодел!

— Папа? — не менее удивленно выдохнула я и, всмотревшись в знакомое, но ставшее словно бы новым лицо, так же радостно воскликнула: — Папа!

Поддавшись душевному порыву, крепко его обняла, и он тоже меня обнял — как-то по-родному, по-особенному тепло. А когда я вошла в дом, меня ждало еще одно приятное открытие: он тоже изменился к лучшему. Полы блистали чистотой, дверца на старом комодике больше не отваливалась, на полке появилась симпатичная ваза. На полу в гостиной обнаружился не самый новый, но вполне добротный ковер, рядом с которым виднелась латка — и прогнивший пол был заделан!

Хотя, пожалуй, пирог на кухне удивил меня еще больше. Да-да, самый настоящий пирог — с аппетитной сеточкой теста сверху и ягодной начинкой.

— Откуда? — изумленно спросила я, взяв симпатичную, стоящую на столе чашечку.

— Да вот... — неловко улыбнувшись, папа взъерошил волосы. — В Троуэне работаю, ты же знаешь. Оклад повысили...

Я едва ли верила собственным глазам. Все признаки — особенно пирог! — говорили о том, что основная причина таких поразительных

изменений кроется вовсе не в окладе, а в некоей чудесной женщине. Определенно чудесной, раз происходит такое!

Угощаясь ароматным отваром на скромной кухоньке, я чувствовала себя одновременно и дома, и в гостях. Все-таки он очень изменился, наш дом, и дело было не столько в изменениях внешних, сколько в самой атмосфере. Казалось, это старое, выдавшее виды строение сбросило с себя серый налет и сумело наконец задышать. А вдохнул в него жизнь не кто иной, как мой отец, вставший на правильный путь.

— Что? — спросил папочка, поймав мой пристальный взгляд.

Я улыбнулась:

— Прости. Просто смотрю на тебя и не узнаю...

— Не, дочь, ты не думай, — напустив суровый вид, он приосанился. — Я каким был, таким и остался. Только с выпивкой завязал — душой своей пропащей клянусь, ни капли больше в рот не беру!

— Ничего она не пропащая, — возразила я, чувствуя за него несказанную гордость. — Ты у меня молодец. Самый настоящий молодец, вот!

Отец сегодня шел в ночную смену, так что целый день мы провели вместе. Сколько я себя помнила, это был самый продолжительный отрезок времени, когда мы неразлучно находились вдвоем. Действительно вдвоем, а не я — в своей комнате, а папа — на полу в своей.

На ужин я приготовила купленную синеводку, потушила овощи, и мы снова сидели за столом вместе. Тогда я и затронула тему, к которой не знала, как подступиться последние несколько часов. Мне не хотелось напоминать папе об Аэлине и тем более рассказывать, что я с ней виделась, но все же этот момент требовалось прояснить до конца. Вот и спросила — осторожно, тщательно подбирая слова, чувствует ли он до сих пор действие приворота. При этом упомянула, что если да, то можно заказать из столицы специальное зелье, деньги на которое я обязательно помогу собрать.

Вообще-то меня мучила совесть из-за того, что купленное зелье я совершенно бездарно потратила на лорда Рея, который, как оказалось, в нем не нуждался. А о родном отце в то время думала в последнюю очередь...

— Нет, Фрида, — выслушав, серьезно произнес он. — Никакое зелье мне не нужно. Вся дурь приворотная, она вот здесь, понимаешь? — Папа положил руку на сердце, а через миг постучал пальцем по виску: — И вот здесь. Если сам с ней не захочешь справиться и дурь эту не преодолеешь, ничто не поможет.

Взвесив сказанное и внимательно посмотрев ему в глаза, спорить я не

стала.

— Но если что, ты все-таки дай знать, — попросила на всякий случай и с улыбкой добавила: — Деньги соберем, мне ведь тоже что ни неделя, то оклад повышают...

— Тревожно мне, — неожиданно проронил отец, поглядев в окно, за которым совсем стемнело. — Опасно сейчас в Сумеречье. Всегда беспокойно было, но сейчас вообще ши знает что творится! А ты на своей службе в самом эпицентре находишься.

Я вздрогнула: знал бы ты, папочка, насколько...

Вновь на меня посмотрев, он передернул плечами и нахмурился:

— Не, Фридка, ты меня не слушай. Продолжай служить! Чтобы самых высоких чинов достигла и никогда не смела отступить! Слышишь, дочь? За мной всякие грехи водятся, но трусом никогда не был. И ты не будь!

— Не буду, — тихо пообещала и ему, и самой себе. — Больше не буду.

Чувствовала, что пускай не быстро, постепенно, но я все же менялась. Перемены в моем случае были неизбежны, и каждая трудность, каждое пройденное испытание на прочность только их усиливали. Больше всего на свете мне хотелось достойно служить, принести клятву ловцов и пополнить ряды тех, кто посвятил жизнь защите королевства. И при всех изменениях, при всех встречающихся трудностях в душе всегда оставаться собой.

Уходить мы с папой намеревались вместе. Я — обратно в корпус, он — на работу.

Пока он собирался, я убрала со стола, помыла посуду и, еще немного полюбовавшись на новый сервиз, отправила его на полку. Напоследок окинув кухню внимательным взглядом, удовлетворенно кивнула и уже собралась уходить, когда внезапно ощутила... холод.

Сначала подумалось, что папа открыл входную дверь, но уже в следующую секунду эта мысль была опровергнута и отброшена. Такой холод был мне знаком. И мгновенное понимание того, что он означает и от кого может исходить, сковало душу такими ледяными тисками, что стало трудно дышать. Это была магия — страшная, темная, с которой мне приходилось сталкиваться уже не единожды.

— Папа... — прошептала я.

И опрометью бросилась вон из кухни.

ГЛАВА 23

Вихрем вылетев в коридор, я побежала в прихожую и, не застав там отца, бросилась к его комнате. Рывком распахнув дверь, с бешено колотящимся сердцем ворвалась внутрь, отчаянно надеясь, что мои опасения не оправдаются, и... застыла. Как каменная статуя, как ледяное изваяние, как глыба безмолвная!

Комнату освещал лишь тусклый свет лампы, вышедшей из подпольных мастерских дроу. Все окружающее окутывал полумрак, в котором мое внимание сразу привлекла стоящая у окна фигура — высокий широкоплечий мужчина, как и многие опасные личности, прячущийся под плащом, из-под которого выглядывали носки черных сапог. Капюшон был откинут, но лицо скрывала тень. Я видела только широкий, заросший щетиной подбородок, твердую линию губ и небрежно растрепанные черные волосы. Но куда важнее не то, что я видела, а то, что чувствовала.

Меня охватила какая-то безумная смесь ужаса, оцепенения и узнавания, лишившая способности шевелиться. Хотя я не различала глаз некроманта, была уверена, что его взгляд прикован ко мне. На меня смотрели и другие, горящие ярко-алым глаза — глаза стоящего рядом с некромантом грызоволка. Полумертвого грызоволка, кости которого держались на одной только темной магии!

Отмерла я в тот момент, когда нашла в себе силы отвести взгляд и посмотреть вниз. Как только это сделала, так из груди вырвался хриплый, словно не принадлежащий мне вздох.

Папа лежал на спине, бесцельно смотря в потолок. Дорожки инея тянулись по полу и взбирались на его тело, скованное холодом, еще недавно здоровый цвет лица стал неестественно белым. Как только что выпавший снег.

Ноги задрожали, и я, не помня себя, инстинктивно сделала несколько медленных шагов, чтобы опуститься рядом с ним.

— Папа... — позвала срывающимся шепотом. — Папочка...

Он не ответил. Распахнутые, словно застывшие глаза продолжали смотреть в никуда, и меня захлестнул неконтролируемый, перемешанный с паникой страх. Мои же глаза наполнились слезами. Продолжая крепко сжимать ледяную руку, принялась трясти папу за плечо, гладить по волосам и глухо говорить нечто несвязное, пытаюсь привести его в чувства.

В какой-то момент вспомнив о молчаливом присутствии некроманта, я

обратила к нему лицо и не своим от душащих меня рыданий голосом спросила:

— Что вы с ним сделали?!

— Он мертв, — ровно отозвался возвышающийся у окна силуэт.

Кажется, покрывший пол и стены иней проник в самую мою душу. Отказываясь верить в услышанное, я вернулась взглядом к папе и, дрожащими руками обхватив его лицо, повторила:

— Папочка...

Голос сорвался, и слезы неудержимо потекли по щекам. Реальность стремительно ускользала, я не понимала, что происходит, почему и зачем. Папа — мой папа, с которым мы только что разговаривали, который только-только начал по-настоящему жить, не мог умереть... не мог! Это просто безумие!

Мир разрывался на части, и я разрывалась вместе с ним, не способная вместить это невозможное потрясение. Не знала, сколько времени прошло перед тем, как я подскочила и, не контролируя себя, бросилась прямо на некроманта, но не сумела приблизиться к нему и на расстояние шага.

Он стоял, подобно неприступной скале, равнодушно взирая на разворачивающуюся перед ним сцену. Его я не боялась. Совсем не боялась — страх перед ним смела волна невероятной боли, породившей жгучую ярость и ненависть. Не знала, что могу испытывать чувства столь сильные, когда перед глазами возникает темная пелена, а все внутри пожирает неудержимый огонь. Холодный огонь, каким бы противоречивым ни казалось такое сочетание.

Единственная горящая в комнате лампа погасла, сгустив мрак. Или это перед глазами потемнело настолько, что наступила моя личная ночь? Бессильная против темного мага, я снова упала на колени рядом с отцом и взяла его за руку. Инея стало еще больше — переплетающиеся узоры полностью устлали пол, мое участившееся дыхание порождало морозный пар... а с папиных губ дыхание не срывалось. Бескровные, похожие на тонкую нить, они были чуть приоткрыты.

Смерть. Сколько раз мне доводилось ее видеть? Но никогда еще она не подбиралась так близко, не отнимала так много, не лишала настолько дорогого! Я ведь столько не успела ему сказать, не успела поблагодарить за то, что он меня вырастил, не успела искренне сказать, что очень его люблю...

Несправедливо. И больно. Больно настолько, что из шершавого горла не вырывается даже крик. Покарай Поднебесье этого бесчувственного, алчного, ненавистного некроманта! Прокляни его Глубина!

Сквозь застилавшую сознание и глаза черноту я не сразу поняла, что вижу. Над грудью отца внезапно появился небольшой туманный сгусток, который постепенно увеличивался. Достигнув размера с пару кулаков, он остановился, лишь слегка покачиваясь, словно при дуновении ветра.

Я не знала, что со мной происходит. Не отдавала себе отчета в действиях. Но когда туманный сгусток вдруг начал медленно исчезать, протянула к нему руки, схватила и... Мне это удалось. Удалось до него дотронуться!

Он был туманным, призрачным, но почему-то я ощущала его как что-то материальное и очень-очень сильное. Сопротивляясь, он стремился воспрянуть вверх и исчезнуть, но я удерживала его. Удерживала, не обращая внимания на задеревеневшее, скованное как никогда болезненным холодом тело. Кусая губы почти в кровь, словно пронизанная ледяными шипами, я не отпускала и давила изо всех сил, стараясь опустить его вниз. Не знала, зачем, но где-то глубоко внутри существовало непоколебимое убеждение: так надо.

Как же больно. Как сложно и холодно! Казалось, я и сама умерла, оказавшись где-то между Глубиной и Поднебесьем. На границе жизни и смерти... Кажется, когда сгусток поддался, я все-таки закричала. И продолжала кричать до тех пор, пока он не лег на холодную грудь, не впитался в нее, и она — эта грудь, не поднялась резко в глубоком, выгнувшем тело дугой вздохе.

Меня трясло, чернота стала практически беспросветной, и я почувствовала, что теряю сознание. Мир завертелся с бешеной скоростью, в соседней комнате послышался топот, на улице раздался какой-то шум, грызволк утробно зарычал.

И последнее, что я увидела, — это губы некроманта, изогнувшиеся в кривой, как будто удовлетворенной улыбке...

— Это просто неслыханно, приносить бесчувственных кадетов в мою библиотеку! — донесся до меня недовольный, но вместе с тем обеспокоенный голос. — Здесь обитель знаний, храм культуры, памятник истории, а не лазарет!

— Еще одно возражение, и эта библиотека станет памятником далеко не фигурально, — пригрозили разбушевавшейся потерянной душе.

— А ты мне еще тут поговори, живо за дверь выставлю! Как тебя там? Ловец Брогл... Брогдел...

— Брогдельврок, — прохрипела я, приоткрыв глаза и увидев склонившегося ко мне Тэйна.

Наполняющий сознание туман постепенно рассеивался, но воспоминания возвращались невыносимо медленно. В мыслях творилась полнейшая каша из неясных образов, слов, испытанных ощущений. Голова, как ни странно, не болела, но мне было очень холодно, несмотря на то что я лежала под ворохом теплых одеял. А еще болезненно ныло сердце, что тоже странно, ведь прежде такого никогда не случалось, я была здорова и...

— Папа! — выкрикнула я, резко сев.

— О, очнулась, — хмыкнула Гвиана, зашуршав страницами какой-то книги. — Ну давай, ловец, успокаивай свою подопечную, пока она весь корпус не переполошила.

— Фрида, успокойся, — последовал ее совету Тэйн, заставив меня посмотреть ему в лицо. — С твоим отцом все в порядке... почти.

— Почти? — тут же встрепенулась я. — Что значит почти? Где он? Как я здесь... оказалась...

На последних словах перед глазами запрыгали черные круги, и я повалилась обратно, на любезно предоставленную кем-то мягкую подушку. Устремляющиеся к высокому потолку книжные стеллажи запрыгали, стены покачнулись, и Тэйн покачнулся вместе с ними, отчего возникло ощущение, что меня забросили на гребень стремительно несущейся вперед волны.

— Сюда тебя перенес адмирал Рей, — ответил на один из вопросов мой куратор.

— Я бы даже сыронизировал на тему того, что вы, кадет Талмор, в последнее время снова стали слишком часто лишаться чувств, — внезапно прозвучало поблизости. — Если бы не обстоятельства, послужившие причиной этого обморока.

Меня немного отпустило, и, сфокусировавшись, я увидела невесомый белесый проем, из которого вышел адмирал. Приблизившись, он остановился рядом с диванчиком, на котором я лежала, и в направленных на меня глазах отразилось что-то такое... даже распознать не сумела, что именно, но этот взгляд определенно не предвещал ничего хорошего.

— Что с моим отцом? — вновь взволнованно спросила я о том, что беспокоило в первую очередь. — Там был некромант! Прямо у нас дома! И он его... Нет, отец не умер, я же видела, как он вздохнул... Пожалуйста, скажите, что он не умер!

Адмирал молча смотрел на меня мучительно долго, и когда я была готова в очередной раз повторить вопрос, ответил:

— Не умер.

Наверное, это было самое большое облегчение из всех, какие мне

только доводилось испытывать. Даже сил вдруг прибавилось, и я оказалась способна осторожно присесть, прислонившись к спинке дивана.

Все присутствующие снова замолчали, и повисшую тишину нарушал лишь треск догорающих в камине дров. Я поочередно смотрела то на адмирала Рея, то на Тэйна, ожидая, когда кто-нибудь из них расскажет, что произошло. И все-таки дождалась.

Присев рядом, адмирал сцепил пальцы в замок и с предельной серьезностью произнес:

— Есть кое-что, о чем ты должна знать. Мне следовало рассказать об этом еще в столице, но я считал, что чем позже ты узнаешь, тем для тебя будет лучше. И ошибся.

В душе заскреблась тревога.

Облизав пересохшие губы, я переспросила:

— Должна знать о чем?

Я заметила, как напряжение, что поселилось во мне, завладело и адмиралом. Выдержав недолгую паузу, во время которой не сводил с меня глаз, он ровно произнес:

— Помнишь рейд, когда ваш отряд под командованием капитана Вагхана попал в Пентаграмму? Тогда мы, подходя к вам, ощутили некромантию. Позже сделали предположение, что именно Тайлес был тем, по чьей наводке вас направили в эти воды русалки. Только никто не мог понять для чего. Однако теперь становится очевидным, что темная магия, какую мы почувствовали, исходила не от него.

— Не понимаю... — проговорила я, пытаюсь уловить, к чему он клонит.

— В последнее время ты замечала некоторые странности в своем даре, ведь так? — снова пронизывающий, проникающий в мою разрываемую от боли душу взгляд. — Даже показывала мне шаромаг, сказав, что видела в нем нечто странное.

Мои и без того холодные руки стали просто ледяными, с лица, по ощущениям, схлынули все краски. Голос сел, уподобившись тембру глубинной ведьмы:

— Что вы хотите этим сказать?..

Где-то глубоко внутри я знала, что он сейчас скажет, но это казалось таким невероятным, невысказанным, сумасшедшим и невозможным, что все равно была к такому не готова.

— В тебе есть темная магия, Фрида. — Тон адмирала оставался ровным. — Дар некромантии, окончательно пробудившийся в момент, когда ты задержала душу отца, заставив его остаться в мире живых.

Должно быть, вчера, находясь под водой, я укололась о шипы миркорадуса, отравилась, и весь сегодняшний день — всего лишь галлюцинация...

Но прикованные ко мне взгляды говорили об обратном. Кажется, даже нематериальная Гвиана, не мигая, в упор смотрела на меня!

Ну нет... нет, нет, нет, ни за что не поверю в такой бред! Ши возьми, да я и с магией ундин с трудом примирилась, о принадлежности к древнему роду и говорить нечего... а тут некромантия. Некромантия, Глубина все поглотит! Опасная, запретная, обладателям которой — прямой путь на виселицу!

— Такого не может быть, — озвучила я главную из суматошно вращающихся в голове мыслей. — Да это просто невозможно! Откуда у меня могло взяться такое прокля... такой дар?

И тут случилось неожиданное. Не успел адмирал ответить, как каминное пламя очень знакомо дрогнуло. Нам в лица полыхнул жар, и вышедший из каминного огня Флинт на ходу бросил насмешливое:

— От папаши, разумеется. Настоящего, родного.

На сей раз тишина была гробовой. Даже вспыхнувший огонь мгновенно успокоился, а догорающие дрова перестали трещать. Я во все глаза смотрела на неспешно приближающегося к нам пирата, которого уже через несколько мгновений окружили подчиненные души адмирала.

— Эрт, что за приветствие? — усмехнулся ничуть не уstraшившийся Флинт. — Так-то ты встречаешь давнего друга?

— Ты мне не друг, — последовал незамедлительный ответ, и круг потерянных душ сомкнулся вокруг пирата плотней.

Тот, в свою очередь, по-прежнему не испытывал ни малейшего страха по этому поводу и все с той же усмешкой заметил:

— Не советовал бы этого делать.

Меня же не волновали ни действия адмирала, ни Флинт, ни последовавшие за его появлением закономерные вопли Гвианы. Потому что я была целиком и полностью, всей своей сутью поглощена невероятной силы цунами, способным разрушить целый мир.

— Что значит «настоящего и родного»? — спросила я очень тихо, но, судя по вновь обратившимся ко мне взглядам, меня услышали все.

Повисшая тишина была недолгой, и нарушил ее Флинт.

— Так вот, — охотно продолжил он. — Поскольку в этой библиотеке только двое понимают, о чем идет речь, а один из этих двоих слишком благороден, чтобы огоршить несчастную девушку прискорбным фактом ее биографии, об этом расскажу я. На ваше счастье, благородство среди моих

недостатков не числится. Теперь, когда все прояснилось и без моего участия, я наконец могу сообщить, что твоим отцом, синеглазка, является некромант, известный как Тайлес. К слову, если тебя это успокоит, до недавнего времени он тоже не знал, что успел произвести на свет незапланированное потомство.

Это меня не успокоило. Меня уже ничего не могло успокоить, тысяча кругов Глубины!

— Ты лжешь! — в негодовании воскликнула я, даже не заметив, как обратилась к легендарному капитану пиратов. — Он лжет! — это уже выкрикнула, обернувшись к адмиралу, а в голосе наравне с восклицанием проскользнули мольба и вопрос.

— Говорит правду, — негромко подтвердил лорд Рей, заставив меня прочувствовать на себе смысл утверждения «словом можно убить».

Кажется, доза яда миркорадуса оказалась смертельной, и я уже отправилась в мир иной. Невольно обхватив голову руками, пробормотала:

— Так не бывает... Не может быть...

Осознать, что выростивший меня человек, тот, с кем я прожила столько лет, является мне неродным, было не просто сложно — невозможно! Ведь если хотя бы на секунду в это поверить, то придется принять и то, что я вовсе не та, кем себя считала. Не чистокровный человек, как думала некоторое время назад, даже не просто полуундина, с чем кое-как примирилась, но еще и носительница магии смерти!

Да лучше в Глубину отправиться, чем в такое поверить!

— Поэтому Аэлина ему помогала, — ворвался в мои мысли голос адмирала.

— Она это сказала во время вашего последнего разговора, — догадавшись, проговорила я. — Но вы это подозревали и раньше, поэтому тогда попросили меня уйти.

Теперь я не спрашивала — утверждала.

Хотелось забиться куда-нибудь в угол, оградиться ото всех, остаться в одиночестве и вволю разрыдаться, выплескивая бушующий в душе шторм. А Флинт, ши его побери, хотел, чтобы я обо всем узнала! Хотел, чтобы эта глубинная магия во мне пробудилась, поэтому и пытался через Гана напоить меня каким-то зельем! Да и сам Ган — эта мелкая, но древняя нечисть всегда меня чувствовала, вот и объяснение его туманным намекам!

— Вы позволите? — Поморщившись, капитан пиратов небрежно отогнал окружавших его потерянных душ, протиснулся к нам и как ни в чем не бывало развалился в кресле. — Полагаю, никто не возражает, если я буду столь неблагоприятен, что продолжу просвещать нашу маленькую

некроманточку?

Я с силой стиснула кулаки.

Лорд Рей угрожающе протянул:

— Флинт...

— Раньше небезызвестная чета Шаркэ каждое лето проводила в Сумеречье, — не проникся предупреждением Флинт. — А двадцать лет назад как раз одним таким летом ундина по имени Аэлина встретила некоего загадочного мага, с которым у нее стремительно закрутился роман. Все бы ничего, но отношения, которые для мага были всего лишь одной из многих интрижек, для Аэлины обернулись сумасшедшей влюбленностью. Разумеется, достойная леди Шаркэ о похождениях своей дочери ничего не знала — все встречи удавалось сохранять в тайне. Но на одной из таких встреч маг объявил, что больше они не увидятся. И исчез. Девичье сердце разбито, слезы ручьем, в голове непонимание и туман неугасшей страсти. Аэлина решила сама его разыскать, нашла нужных людей, а позже обратилась за помощью ко мне.

На этом моменте Гвиана выразительно хмыкнула, разрушив всю патетику повествования.

Пират на ее хмыканье внимания не обратил.

— На тот момент у меня были необходимые связи, и ее просьба о еще одной встрече была Тайлесу передана, но он не пришел. Тогда твоя дорогая мамочка, синеглазка, с горя набралась в таверне и бросилась в объятия первому попавшемуся бедняге. Позже, родив ребенка, отдала его этому же бедняге, выдав отпрыска некроманта за его дочь. Впрочем, полагаю, дальнейшее развитие событий тебе известно.

Не выдержав, я поднялась с дивана и, проигнорировав легкое головокружение, отошла к стеллажам. Попутно отметила реакцию Тэйна, откровенно шалеющего от всего происходящего, отвернулась и прислонилась виском к прохладному дереву.

— Да что ж ты никак не сдохнешь?! — тем временем продолжала бушевать Гвиана. — Поглоти тебя Глубина, Флинт, ты приносишь одни неприятности!

— Расслабься, Аночка, — непринужденно ответил пират. — На сей раз я принес исключительно помощь. Притом почти безвозмездную.

Теперь мне как никогда хотелось превратиться в маленькую рыбку равнодушника и разом лишиться всех чувств. Не испытывать ни боли, ни горечи, ни отчаяния.

Когда-то, стоя на «Ледянке», я думала, что худшего в моей жизни уже не будет. Что вынужденно просить подаяние — самая ужасная участь,

какая только может меня постичь. Но теперь...

Я резко себя одернула: а что теперь? Да, как оказывается, во мне есть темный и крайне опасный дар, но именно благодаря ему мой отец — тот, кого я считаю таковым, остался жив. Да, теперь в дополнение к существующим у меня появится уйма новых проблем. Но это ведь не конец!

Я кадет Морского корпуса ловцов. А ловцы не должны сдаваться, что бы ни случилось! Глубоко вдохнув, я заставила свой личный шторм затихнуть и медленно обернулась. Картина практически не изменилась: Флинт продолжал восседать в кресле, адмирал Рей стоял подле него, не спеша отзывать потерянные души, Тэйн не сводил с пирата потрясенного взгляда, а Гвиана расточала волны безудержного недовольства.

— Да чтоб тебя чернозубые акулы сожрали! Чтоб тебе зову сирены поддаться! Чтоб тебя дикие русалки на дно утащили...

— Довольно, — внезапно прервал ее адмирал, после чего обратился ко мне: — Фрида?

Очень многое отразилось в том, как он произнес мое имя. Я же в этот момент окончательно взяла себя в руки, решила, что поплакать можно будет попозже в одиночестве, а еще лучше — не плакать вообще, — и коротко ответила:

— Я в порядке.

— Прошу прощения, — тоже справившись с первым потрясением, неожиданно вставил Тэйн. — Но, если я правильно понимаю ситуацию, кадет Талмор сейчас находится в зоне огромного риска?

Адмирал сделал шаг в мою сторону, остановился и ответил, в большей степени обращаясь ко мне:

— О том, что ты принадлежишь к особому роду ундин, королю стало известно еще до нашего приезда в столицу. Он намерен не допустить воссоздания кристалла душ и готов использовать любые методы. Мне удалось убедить его, что я, заручившись поддержкой некоторых других влиятельных особ и всего морского флота, сумею воспрепятствовать тем, кто желает его получить. Однако существует куда более простой способ, благодаря которому истории с кристаллом можно положить конец.

Лорд Рей замолчал, и я спокойно закончила за него:

— Убить меня?

— Нет тебя — нет проблем, — легко подтвердил Флинт, вновь о себе напомнив. — Это ведь так благородно — пожертвовать одной девчонкой, чтобы спасти целый мир!

— Несмотря ни на что, король прислушался ко мне, — произнес

адмирал. — Но если он узнает о том, что в тебе есть дар некромантии, это послужит удобным поводом от тебя избавиться. Как только Аэлина подтвердила, что Тайлес приходится тебе отцом, мы покинули Нортегару, никто об этом не узнал. Пока.

Держать чувства под контролем становилось все сложнее, они так и порывались вновь взять верх над разумом, но я старательно пыталась сохранять самообладание. Все сказанное можно было охарактеризовать всего одним красноречивым словом: паршиво. Паршиво все, начиная с моей наследственности и заканчивая моим же теперешним положением!

— Ты прекрасно понимаешь, для чего я пришел, — обращаясь к адмиралу, усмехнулся Флинт. — Для нее сейчас это единственный возможный вариант.

— Проблема в том, — резанул по нему взглядом лорд Рей, — что это лучший вариант и для тебя. К тому же я не заключаю сделок с пиратами.

— Но я ведь все еще здесь? — Флинт выразительно изогнул бровь. — Не будь у тебя сомнений, я бы уже отправился за решетку, разве не так? Но поскольку тебе всегда была присуща холодность, помогающая в любых ситуациях трезво смотреть на вещи, сейчас ты признаешь, что нуждаешься в моей помощи. Нуждаетесь вы оба.

ГЛАВА 24

Я еще не понимала, что подразумевает пират, но уже знала, что это не предвещает ничего хорошего. Слишком уж самоуверенным и довольным выглядел Флинт — так может выглядеть только тот, кто несколько не сомневается в неизбежно благоприятном для себя исходе. А неизбежно благоприятный для него исход — повод как минимум насторожиться.

— К слову, — бросил он небрежно. — До меня дошли слухи, что накануне был задержан альв, на которого указал угрожавший синеглазке кадет. Мне послужить на благо королевства и облегчить задачу следствию, сообщив имя его нанимателя, или он успел сознаться?

— Не успел, — мрачно отрезал адмирал. — Но причастность Шайхара очевидна.

Мне с трудом удавалось не терять нить разговора и переключаться с одного на другое. Но, во всяком случае, новые факты в расследовании помогли немного отвлечься от куда более важных для меня проблем.

— Шайхара? — невольно заинтересовалась я. — Кто это?

— Задержанный альв родом из клана, которому долгое время негласно покровительствует принцесса Калиста, — ответил адмирал Рей. — У нее же на службе состоит полукровка-саламандр, несмотря на разбавленную кровь, обладающий внушительной силой. Изначально Шайхара нанял сам король, желая обеспечить двум младшим дочерям хорошую охрану, и до недавнего времени так оно и было.

— То есть, — на миг задумавшись, проговорила я, — это его мы видели вместе с глубинной ведьмой в подводной пещере и это он защитил меня от нападавших в столице, так как для воссоздания кристалла я нужна живой? Но если этот саламандр служит принцессе Калисте, выходит, по ее приказу убили Гейру, перехватив осколок и попытавшись повесить убийство на некроманта? Пойдите... — Я задумалась снова. — Вы сказали — младшим принцессам? То есть он служит еще и принцессе Линарии?

— С ней он и прибыл в Сумеречье, — не став вдаваться в подробности, кивнул адмирал. — Однако мы не можем знать точно, действует она заодно с младшей сестрой или же нет.

Я припомнила, что, когда несколько недель назад наш отряд встречал прибывшую на остров принцессу Линарию, мое внимание привлек мужчина в черном плаще, идущий в ее свите. Тогда я не придавала этому особого значения и быстро о нем забыла.

Вот ши! Конечно, мы все и прежде знали, что к последним событиям причастны особы королевской крови. Но одно дело — знать и совсем другое — окончательно убедиться, что младшая принцесса, являющаяся любимицей народа, по уши погрязла в игре под названием «собери осколки кристалла душ!» А принцесса-сильф, похоже, не сильно от нее отстала.

— А как же принц Дэрэн? — все так же задумчиво спросила я, обращаясь одновременно ко всем и ни к кому.

Адмирал бросил быстрый взгляд на Флинта и, казалось, хотел что-то сказать, но промолчал. Зато неожиданно заговорила Гвиана, в голосе которой звучал такой скептицизм, что не проникнуться им было невозможно:

— Поражаюсь я живым, честное слово! У нее здесь ближайший родственник объявился, дар смерти проснулся, который в ближайшее время должен убить, а она о каком-то принце спрашивает!

Ну, спасибо, что напомнила... Стоп. Убить? Кого убить?

— О, я же забыл упомянуть о главном. — Флинт неувовимо оказался рядом со мной и наверняка коснулся бы, если б не помешавшие ему подчиненные души. — Некромантия подобна монетке, на одной стороне которой — мнимая жизнь, на другой — абсолютная смерть. Она может поднять лишенное души тело, а может лишить тело души. Первое время после пробуждения эта сила словно живое существо, бунтующее против обладателя. Она — голодный зверь, жаждущий убить. Не важно — кого-то другого или своего хозяина.

Наверное, при других обстоятельствах я бы даже удивилась. Испугалась. Да что там — в ужасе была бы! Но, кажется, лимит моих эмоциональных возможностей на ближайшее время был исчерпан, и я только вздохнула. К тому же, раз Флинт говорил об этом с таким вкрадчивым спокойствием, значит, он знал, как избавить меня от такой прискорбной участи, как быть убитой собственной магией.

Пока я на несколько мгновений мысленно унеслась куда-то далеко, адмирал успел увлечь Флинта в другую часть библиотеки, и сейчас они о чем-то негромко переговаривались. Ну, как переговаривались... скорее это походило на столкновение двух враждующих морских волков, вынужденных временно соблюдать подобие перемирия.

Не утрать я умения удивляться, наверняка выражение моего лица было бы таким же, как у Тэйна. Его самоконтроля хватило ненадолго — можно сказать, сдох в зародыше.

— Фрида, — неожиданно позвала меня Гвиана.

— Да?

— Если в ближайшее время все-таки помрешь, так и быть, возьму в помощники, — разрешила библиотекарь. — Только в Сумеречном море помирай, тогда с твоей наследственностью почти стопроцентно станешь потерянной душой.

Я вздохнула повторно. Странная она все-таки, эта Гвиана. Когда бывает со мной наедине — сама любезность, а стоит появиться Флинту — и превращается в настоящую разъяренно-ехидную гидру. Все же интересно, что произошло между ними двоими и адмиралом Реем в прошлом? Как случилось, что их пути разошлись, превратив некогда лучших друзей в настоящих врагов?

— Почему ты его так ненавидишь? — отстраненно спросила я, глядя на пирата.

Откровенно говоря, была уверена, что вместо ответа нарвусь на грубость, но неожиданно услышала спокойно-равнодушное:

— Я из-за него умерла.

Прежде чем я успела осмыслить сказанное, два «морских волка», завершив разговор, подошли к нам с Тэйном. А далее все развивалось до того стремительно, что ни на какие посторонние мысли времени вообще не осталось. Входя в открытый адмиралом проход, я подумала, что, если бы меня попросили назвать самую безумную ночь в моей жизни, без раздумий указала бы на эту.

Было уже все равно, куда мы идем и что происходит. Поэтому когда адмирал перенес нас напрямик в мою комнату, я по-прежнему оставалась безучастной. Иногда, чтобы пережить бурю, нужно спрятаться в самом ее сердце, где существует крошечный островок покоя. Просто так легче.

— Ой, Фридошка вернулась! — встретило нас заискивающее восклицание первой сирены.

— Кадет наш талантливый! — поддакнула вторая.

— Ундиночка прекрасная! — совсем потеряла совесть третья.

А потом хором:

— Адмирал Рей, премного вам рады!

Не обратив внимания на раболепство потерянных душ, адмирал медленно подошел к окну и замер. Я не знала, смотрит он на ночной пейзаж или же прозрачно-голубые глаза закрыты, но чувствовала исходящий от него холод. Не тот, что обычно сопутствует морскому демону, а иной, основанный на силе воли, призванной подавить эмоции.

Не зная, что делать, я стояла позади него и тоже молчала. Цеплялась за свой маленький островок, но буря напоминала о себе обрывочными, всплывающими в мыслях образами. Я казалась себе как никогда маленькой,

ненавистно слабой, не способной вместить все то, что преподнес мне этот долгий вечер.

Но глубокая ночь только начиналась, в чем я убедилась, когда адмирал развернулся ко мне, положил руки мне на плечи, а затем одним рывком притянул к себе и крепко обнял. Так, словно просил за что-то прощения. Так, словно боялся потерять. Так, словно мы... прощались.

— До этого не должно было дойти, — глухо произнес он, обращаясь не то ко мне, не то к самому себе. — Я обещал, что сделаю все для твоей защиты. И сейчас, чтобы сдержать данное слово, приходится идти на сделку с пиратом.

В глазах вдруг защипало, и мне почему-то очень захотелось заплакать. Меня обнимал адмирал королевского морского флота, еще никогда не кажущийся таким близким и родным, а я просто замерла, растворилась в окутавшей меня силе и, прикрыв глаза, боролась с собой.

Когда он отстранился, но из кольца рук не выпустил, я посмотрела ему в лицо и тихо спросила:

— Что меня ждет? — и тут же исправилась: — Нет, не так. Что мне следует делать?

Он смотрел на меня всего несколько мгновений, которые для нас двоих превратились в вечность, после чего ответил вопросом на вопрос:

— Ты мне веришь?

— Да, — не колеблясь ни секунды, ответила я.

Мне никогда не было свойственно полностью доверять, не говоря о том, чтобы целиком доверяться. Но адмиралу я доверяла полностью, наверное, даже больше, чем самой себе. Потому что если и существовало в моем сумасшедшем, рушащемся прямо на глазах мире что-то постоянное, то это был Рей.

— Все, что сказал Флинт, — правда, — неотрывно на меня смотря, произнес адмирал. — Некромантия — одна из основ первоизданной магии. Чтобы подчинять такую силу, использовать ее, требуются годы практики. Но первостепенная цель — выжить, не дать ей себя убить. В тебе уживаются две противоположные, несовместимые магии, Фрида, и даже я не знаю, к чему это приведет. Ты ведь светлая до глубин своей сути — я вижу это, твоя душа не изменилась. Тем сложнее тебе будет справиться с пробудившимся темным даром.

Он на миг замолчал, а затем продолжил уже другим, решительным и непоколебимым тоном:

— Я соберу совет капитанов. Ты незамедлительно принесешь клятву ловца и станешь полноправным членом отряда. В случае если кто-то

пожелает причинить тебе вред, корпус и весь морской флот ловцов встанет на твою защиту. Даже если приказ отдаст сам король, тебя никто не выдаст.

Судя по ощущениям, удивление ко мне все-таки вернулось. Я не ослышалась? Мне предстоит принести клятву ловца? Прямо... сейчас?!

Но то было лишь начало, и к удивлению прибавились изумление, потрясение и все их собратья.

— Но это в том случае, если о твоей склонности к магии смерти не станет известно, — продолжил адмирал, лицо которого буквально окаменело. — Самыми тяжелыми для тебя станут первые недели. Это время тебе придется провести в отдалении, здесь оставаться нельзя. Сейчас тебе необходим тот, кто сможет помочь обуздать магию смерти. Тот, кто обладает ею сам.

— Кто? — выдохнула я, почему-то с ужасом подумав о Тайлесе.

Но почти сразу по взгляду адмирала, по его плотно сжатым губам поняла, кого он имел в виду. Не Тайлеса, конечно нет...

— Теневой охотник, — проронила я.

Страшно ли мне стало при мысли, что придется уйти с Флинтом? Испугало ли то, что нужно вновь покинуть корпус, отправиться неведомо куда и, вероятно, вновь оказаться на «Черном призраке» среди отпетых пиратов? Да. Ши возьми, да! Тысячу раз да! Но, похоже, другого выхода из положения, в котором я оказалась, попросту не существовало.

— Если бы в моих силах было это исправить, — с проскользнувшим в голос сожалением произнес адмирал, подразумевая мою пробудившуюся магию. Он снова прикрыл глаза, кажется, мысленно выругавшись, а затем сдавленно добавил: — Глубина меня поглотит, я должен был предположить, что все обернется именно так! Тайлес уже не раз намеренно тебя провоцировал — взять хотя бы ситуацию в Пентаграмме. Но я был уверен, что он не посмеет заявиться прямо к тебе домой, в то время как Слезные трущобы покрыты барьером первого уровня!

Это был едва ли не первый случай на моей памяти, когда адмирал Рей демонстрировал несдержанность.

— Вы ни в чем не виноваты, — возразила я. — Поднебесные, да о чем я вообще... Вы столько для меня сделали, обо мне еще никто и никогда так не заботился! Что случилось, то случилось. Мне кажется, эта магия все равно проснулась бы во мне совсем скоро, даже без вмешательства некроманта, и... я... Я справлюсь. Я хочу жить...

Голос предательски дрогнул, но сдержаться мне все-таки удалось.

— Ты будешь жить, — взяв мое лицо в ладони и заставив посмотреть ему в глаза, твердо произнес адмирал. — Слышишь, Фрида? Даже думать

иначе не смей. Я не оставлю тебя, ты не будешь находиться с охотником одна. Магия подчинения потерянных душ тоже берет начало из Глубины, не из Поднебесья. Я знаю, что такое бороться с частью самого себя.

Его лицо стремительно приблизилось, и губы накрыли мои. Это был самый мучительный, самый сладкий и одновременно горький поцелуй с привкусом сожаления... Будоражающий душу, но дарящий надежду.

Уже вскоре мои немногочисленные вещи были вновь отправлены в дорожную сумку. Кажется, мне можно вообще никогда ее не разбирать. Я сидела на заправленной постели, дожидаясь, пока вернется адмирал, отправившийся созывать совет капитанов. Стоило только представить, как он врывается среди ночи в комнаты мирно спящих сослуживцев, как с губ срывался нервный смешок.

С улицы доносился шум прибоя и свист ветра — единственные долетающие до меня звуки. Во всем корпусе стояла абсолютная тишина, даже сирены молчали. Запрокинув голову, я смотрела в темный потолок и пыталась вспомнить момент, когда все это началось. Когда мои ноги впервые ступили на извилистый и странный путь, уводящий далеко от той меня, какой я была еще недавно. В день девятнадцатилетия? Во время поступления на службу кадетом? Или еще раньше, когда я — обычная торговка в рыбной лавке, каждый вечер засыпала с мечтой однажды проснуться самой счастливой во всем мире?

Прощаться я ни с кем не стала, тем более что и уходила-то ненадолго. По крайней мере, очень хотелось в это верить. Как и в то, что в корпус я еще обязательно вернусь. Ведь моя жизнь нужна очень многим, в том числе и Флинту, поэтому он ни за что не допустит, чтобы со мной что-то случилось, и не причинит мне вреда. А теневой охотник научит управляться с некромантией... На этой мысли я все-таки засмеялась. Нервно и отрывисто.

Дожила ты, Фрида! Якшаешься с пиратами, принимаешь в качестве наставника теневого охотника, спасаешь собственного отца от некроманта, который тебе тоже вроде как отец, и влюбляешься в самого могущественного во всем королевстве морского демона!

«Самый могущественный морской демон» не заставил себя долго ждать. На этот раз для перемещения он использовал не подчиненную душу, а сжатие расстояния — магию, требующую гораздо меньших энергетических затрат, чем мгновенный перенос. Но прежде чем мы стремглав преодолели длинные коридоры, прежде чем вышли за дверь моей комнаты, я спросила:

— Пожалуйста, больше не скрывайте правду, какой бы она ни была. С

моим отцом... — Я передернула плечами и через силу уточнила: — Ненекромантом точно все в порядке?

— Да, — глядя в глаза, адмирал не мог соврать. — Ему плохо, но смерть отступила.

Большого мне теперь и не требовалось. Очень хотелось перенестись в наш старый, держащийся на честном слове дом, увидеть папу и лично убедиться в том, что он жив, но это было невозможно. Да и, пожалуй, находиться вдали — лучшее, что я могла для него сделать.

В трехсотой аудитории, где традиционно проходили собрания и торжества, уже находились все капитаны. Одиннадцать представителей высоких чинов, среди которых присутствовали и капитаны Диатей и Вагхан.

В зале было прохладно, даже холодно. На факелах подрагивали огни саламандр, отбрасывающие алые отсветы на стены, пол и высокий потолок, где маячили несколько беспокойных морских светлячков. Оказавшись перед выстроившимися в шеренгу капитанами, я непроизвольно вытянулась, расправила плечи и напряглась. Все происходило словно во сне. Словно не со мной, как и вся эта глубинная ночь...

Когда адмирал негромко велел мне занять место за установленной в центре трибуной и я на негнущихся ногах подошла к ней, рядом неуловимо оказался Тэйн. Присутствие куратора, который успел окончательно справиться с потрясением и теперь снова походил на себя самого, оказалось бесценным.

Короткая речь адмирала Рея и последовавшая за ней такая же короткая — капитана Вагхана прошли мимо меня. Я уже вообще мало что могла воспринимать и лишь неотрывно смотрела на лежащий передо мной лист бумаги, на котором ровными строками был выведен текст клятвы.

— Давай, Талмор, — склонившись ко мне, тихо проговорил Тэйн. — Вздумаешь опозорить своего куратора, лично отвезу в лес и отдам на растерзание ши.

В угрозе не было ни капли правдивости, но сказанное меня несколько взбодрило. И я, не отрывая взгляда от белой бумаги, принялась читать:

— Я, Фрида Талмор, нынешний кадет Морского корпуса ловцов Сумеречья, прошу принять меня...

Удивительным образом голос не дрожал. Каждое слово тяжелым камнем ударялось об пол, чтобы затем отскочить от стен и разнестись под потолком гулким эхом.

— Клянусь хранить верность устоям, — не веря в реальность происходящего, продолжала я. — Чтить и беспрекословно исполнять

кодекс, уважать и исполнять приказы капитана, не отступить перед лицом опасности...

Сердце колотилось как бешеное.

Ши возьми, я ведь вообще-то здесь ряды ловцов пополняю! Преждевременно, первой из всех наших кадетов! Насколько всегда ждала этого момента, настолько же по-другому себе его представляла...

После того как все полагающиеся слова были произнесены, капитаны поочередно меня поздравили, а затем мне вручили форму настоящего ловца. Таковую же, какая была у кадетов, только не серую, а темно-синюю, с большей по размеру эмблемой.

— Официальная дата принятия клятвы — через месяц, — сказал капитан Вагхан. — Форму вам всем уже пошили.

Я прижала к груди врученный сверток и вновь едва не всплакнула от ищущих и не находящих выхода чувств. Адмирал перебрался еще парой слов с капитанами, и, пока он давал какие-то распоряжения, ко мне снова обратился Тэйн.

— Пусть алый рассвет всегда освещает твой путь, — без тени насмешки пожелал он, положив руку мне на плечо. — Возвращайся, Фрида Талмор, ловец Морского корпуса Сумеречья.

— Вернусь, — пообещала я, ощущая, что сдерживать слезы все труднее. — И спасибо. Передай Крилл, чтобы поправлялась как можно скорее.

Прежде чем я успела разреветься, «опозорив своего куратора», адмирал воспользовался подчиненной душой, и уже в следующий миг мы снова стояли в библиотеке.

Флинт замер у камина, вокруг него валялась уйма всевозможных книг — явно следствие негостеприимно к нему настроенной Гвианы, у дивана притулилась моя выдавшая виды сумка. Бережно сложив в нее новую форму, я потуже замотала шарф, натянула приготовленный плащ, набрала в легкие воздуха и, словно нырнув в самую глубокую бездну, сообщила:

— Я готова.

Капитан пиратов адресовал мне неприлично довольную улыбку:

— Чудно. Пора покинуть эту угрюмую крепость и вкусить вкус настоящей свободы!

— Запомни, Флинт: малейший намек на нарушение договоренности...

— Я еще не настолько стар, чтобы мучиться склерозом, — имел наглость перебить адмирала пират. И уже серьезнее добавил: — Сделаю все, как мы условились. Я не имею привычки держать слово, если это угрожает моей жизни или не совпадает с моими целями. На ваше счастье, в

данный момент наши цели совпадают.

Я думала, что мы с Флинтom, пройдя через камин, окажемся сразу на «Черном призраке», но все было не совсем так. Точнее, совсем не так. Сперва следом за нами в огонь шагнул адмирал, а после вместо корабля мы вышли прямо у подножия скалы, на которой возвышался корпус. Только не там, куда вела лестница, а по другую сторону, прямо у моря. Неподалеку покачивалась пришвартованная шлюпка, к которой мы и направились. Темная, кажущаяся практически черной вода беспокойно колыхалась, набегающие волны надували холки и угрожающе шипели, под одежду пробирался беспощадный мороз.

— Мы поплывем на ней? — все же не сдержала удивления я, оказавшись рядом со старой почерневшей посудинкой.

— Прощу на борт, леди. — Под ледяным взглядом адмирала Флинт протянул мне руку. — К сожалению, даже теневые охотники не всесильны. После заварушки в пещере он не может перенести на корабль сразу нас двоих.

Посмотрев на лорда Рея, он хмыкнул:

— Прости, синеглазка, но адмиралу королевского флота на мой корабль путь закрыт.

А затем протянул ко мне руку и, не дав возможности среагировать, одним движением ловко сорвал с моей шеи кулон.

— Это лишнее, — добавил Флинт.

Я обхватила руками горло, ощущая под шарфом непривычную пустоту, и растерянно посмотрела на адмирала. Тот явно хотел многое сказать по этому поводу, но тоже соблюдал некий заключенный с пиратом договор. И вместо того чтобы прокомментировать его последнее действие, обратился ко мне:

— Увидимся через два дня. Привязанная потерянная душа всегда тебя защитит, только постарайся не оказываться под водой.

Должно быть, на моем лице отразилось явное недоумение, потому что Флинт не упустил возможности вмешаться:

— Неужели никогда не замечала, что потерянные души не появляются из воды? Непосредственно в водах Сумеречного моря они практически бессильны, такой вот парадокс.

Только теперь я поняла, почему в то время как я тонула у пещеры, Дымок меня не спас. Меня защитила сила подаренного кулона, но не привязанная потерянная душа. Вот оно, значит, как...

Весла погрузились в морскую воду, поднялись брызги, и шлюпка отчалила.

Я не знала, что будет дальше и к чему все это приведет. Но глядя на отдаляющегося Эртана Рея, даже сейчас сохраняющего холодное спокойствие, верила, что все будет хорошо. Мой скоропалительный отъезд с пиратом был для него еще большей авантюрой, чем для меня. И все же он точно знал, что делает.

Два дня. Всего два дня — и мы снова увидимся. Нужно набраться терпения, сил и сделать все не только возможное, но и невозможное, чтобы поскорей обуздать дар некромантии, вернуться в корпус и продолжить поиски осколков кристалла душ. Пускай один из них сейчас надежно спрятан в Гномьем банке, жизнь уже доказывала, что может произойти всякое. А практика не раз демонстрировала, что нет такого тайника, который нельзя открыть.

Постепенно горящие огни ночного Сумеречья растворились в плотном тумане, терялась из виду неприступная, возвышающаяся на скале крепость. Где-то вдалеке маячили силуэты кораблей, плывущих под флагом Объединенного Двухлунного королевства, а через какое-то время, точно появившись из ниоткуда, рядом с нашей шлюпкой бесшумно возник «Черный призрак».

Уже поднимаясь на борт, я на миг замерла, крепко вцепившись заледеневшими пальцами в веревочную лестницу, и посмотрела в ночное небо. Там, наравне с другими звездами, особенно ярко сияло созвездие в форме знака Лайара — одного из верховных столпов Глубины. Повелителя самой смерти...

notes

Примечания

1

Автор стихотворений — Ирина Матлак.